Владислав ТРЕТЬЯК

ХОККЕЙНАЯ ЭПОПЕЯ

Leonardo Sport

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"Выдающийся человек и спортсмен, замечательный хоккейный вратарь Владислав Третьяк рассказывает о своем жизненном пути. С именем В.Третьяка связаны яркие страницы отечественного хоккея, победы на Олимпиадах и во многих чемпионатах мира. Подробно описаны серии встреч с канадскими профессионалами, послужившие началу общего потепления в отношениях между Востоком и Западом. Предисловие написал А.Яковлев. В оформлении использовано много редких и ценных фотографий." Конвертировано их txt, требуется вычитка и вставка фотографий.

- Владислав Третьяк
  -
  - Мои университеты
  - Развенчанный миф
  - Секретов нет
  - Почему лед соленый
  - Ни о чем не жалею

Владислав Третьяк
Хоккейная эпопея

Владислав Третьяк… С этим именем связана целая спортивная эпоха. Рушатся системы, меняются идеологии, уходят правительства, утихают и вновь вспыхивают войны. Но остаются нетленными памятники эпох, их символы, страдания и подвиги.

Однажды ко мне в посольство в Оттаве пришел крупный канадский бизнесмен с предложением перевести на коммерческую основу использование наших "символов" в Канаде и США.

Честно говоря, я не понял поначалу, о чем речь.

Собеседник объяснил. Вот сейчас продаются хоккейные маски, один к одному копирующие маску Третьяка. В спортивном журнале регулярно используется сюжет о том, как Якушев обыграл трех канадских защитников и послал шайбу в ворота. Это и есть "символы", за использование которых полагается платить, и притом немалые суммы.

Все это было для меня внове. Я понимал, что есть на Земле люди, еще при жизни ставшие символами мужества, стойкости, отваги и культуры, но впервые столкнулся, так сказать, с прикладной стороной этого феномена.

На мои телеграммы по этому поводу Москва, как это часто бывало, просто не ответила. Но дело не в этом. Слава Третьяка от этого не пострадала.

В другой раз премьер-министр Канады Пьер Трюдо пригласил меня на матч СССР-Канада в Монреаль. Встреча замечательных хоккейных команд была просто великолепной. Зал бушевал. Всех захватила искрометная игра. Зрители словно позабыли о том, за какую команду они болеют. Они аплодировали без пауз. В короткие перерывы звучала музыка "Калинки". Ликование было общим. Происходил великий праздник хоккея.

Премьер-министр и посол были под бдительным оком телекамер, за их реакцией внимательно следили журналисты и зрители. Поначалу, минут пять, мы пытались сохранять дипломатическую сдержанность, но потом все пошло "как у людей".

К нашему обоюдному удовлетворению встреча закончилась вничью. Героем той серии был Владислав Третьяк.

Оставим сейчас в стороне пропагандистскую практику, когда достижения спортсменов, как, впрочем, и все иные, объяснялись чудодейственным влиянием идеологии и результатом

социалистической системы. Это другой разговор.

Всегда и всюду спорт — это соревнование не идеологий, а людей, их характеров, таланта и мастерства.

Самые яркие звезды мирового спорта были одинаково любимы и у нас, и на Западе, и на Востоке. Людей во все времена и при всех режимах привлекали красота честных спортивных поединков, фантастические возможности духа и физической силы.

Но свет спортивной звезды становится особенно ярок, если чемпион к тому же состоялся и как личность, если его профессиональный талант органически сочетается с высокими человеческими достоинствами.

Владислав Третьяк состоялся и в этом качестве.

Вернусь еще раз к хоккейным состязаниям. И немножко к дипломатии.

О том, насколько Владислав популярен за Атлантическим океаном, я знаю, как уже упомянул, не понаслышке. Работая послом в Оттаве в 70-е годы, я был свидетелем того, как наши хоккеисты "открывали Америку", а Северная Америка в свою очередь открывала нашу гвардию — Владислава Третьяка, Александра Якушева, Валерия Харламова, Владимира Петрова, Бориса Михайлова, Валерия Васильева и других звезд отечественного хоккея. Для обеих сторон это был вовсе не простой процесс. Раньше профессионалы воспринимались у нас как какие-то громилы с клюшками, все сокрушающие на своем пути супермены. А за океаном многие видели в наших хоккеистах бездушных роботов, слепо выполнявших установки, исходящие от партийных функционеров. При этом мало кто и в Канаде, и у нас сомневался в большом превосходстве канадцев.

Еще работая перед командировкой в Канаду в отделе ЦК КПСС, курировавшем, в частности, и спорт, я имел отношение к обсуждению вопроса о встрече с канадцами. Аргументы против этой идеи выдвигались один за другим. Во-первых, тогда у нас принципиально не признавался профессиональный спорт. Во-вторых, как обычно в подобных случаях, высказывались сомнения в благонадежности некоторых ведущих спортсменов. Это по линии КГБ. В-третьих, нужны были только победы, а доминировало мнение, что дело кончится позором. И так далее…

Пожалуй, только великий знаток спорта Николай Озеров да Анатолий Тарасов верили в то, что встречи пройдут на равных, закончатся достойно.

Решение было принято.

По воле судьбы на мою долю выпала счастливая возможность увидеть вдохновляющие результаты этого решения.

Я не буду касаться спортивной стороны поединков — об этом хорошо рассказывает в своей книге Владислав. Хочу сказать о другом.

Возможно, в истории культурных отношений между Востоком и Западом тот первый турнир стал одним из самых значительных событий. Яростные сражения на льду, за которыми, затаив дыхание, следили миллионы людей, открыли, не побоюсь этой стандартной формулы, новую эпоху в советско-канадских отношениях, способствовали становлению атмосферы человеческого доверия между нашими странами. Дипломаты чувствовали это, как мне думается, острее других, особенно в обстановке "холодной войны".

Вратарь нашей сборной сразу, с первых же матчей, стал любимцем канадских зрителей. Конечно, в первую очередь восхищало необыкновенное мастерство Владислава Третьяка, то, с какой непостижимой ловкостью ловил он шайбы, летевшие в его ворота. Искушенные в хоккее канадцы такого еще не видели.

Но, может быть, не в меньшей степени болельщикам импонировало и другое: открытая улыбка этого высокого парня, его дружелюбие, благожелательное отношение ко всем. Случалось, в Канаде Третьяк часами раздавал автографы своим почитателям.

Затем последовали новые серии матчей — на уровне и сборных, и клубов. И опять Третьяк был одним из главных героев. Так продолжалось вплоть до его ухода из хоккея.

Популярность нашего вратаря за океаном просто необыкновенна. В Северной Америке четыре раза издавались его книги, мгновенно сметавшиеся с прилавков магазинов. Самые видные государственные мужи считали за честь для себя пожать его широкую ладонь и сфотографироваться рядом с ним.

Если вспомнить, сколь ограниченными были в те годы контакты между гражданами нашей и других стран, то можно сказать уверенно: Третьяк и его товарищи готовили почву для будущей открытости в международных отношениях, для слома существовавших тогда подозрительности, недоверия и вражды.

Владислав удостоен многих наград. В Торонто, в знаменитом музее хоккейной славы он, единственный из всех иностранцев, официально увековечен в ряду самых выдающихся профессиональных мастеров. О нем написаны тысячи газетных статей.

Но мы знаем, что популярность изменчива и коварна. На смену вчерашним кумирам приходят новые. Имена, еще недавно бывшие на слуху, стираются из памяти.

Третьяк скоро уже десять лет как распрощался с хоккеем. Но

его по-прежнему узнают на улицах. Канадцы и американцы несколько раз в году приглашают его для проведения занятий с молодыми спортсменами. Он пишет книги.

Я очень рад, что не погасла знаменитая улыбка Владислава, равно как не убавилось и уважение к нему.

С удовольствием рекомендую читателям книгу "Хоккейная эпопея", открывающую серию "Леонардо-спорт".

Александр Н.Яковлев, посол СССР в Канаде 1973–1983 гг.

Мои университеты

22 Декабря 1984 года я в последний раз вышел на лед и занял место в хоккейных воротах. Это был мой прощальный матч. В тот же вечер большой хоккей провожал защитника Валерия Васильева и нападающего Александра Мальцева. 15 лет назад мы почти одновременно стали играть в командах высшей лиги и в сборной страны. И теперь вместе расставались со льдом.

Мы волновались. Все-таки это был наш прощальный матч. Напоследок очень хотелось сыграть на уровне, блеснуть мастерством. Соперником нашей сборной в тот вечер выступала сборная Европы, составленная из лучших мастеров национальных команд континента, участвовавших в московском международном турнире на приз "Известий".

Нам предстояло играть всего десять минут чистого времени. Потом матч должны были остановить для проведения официальной церемонии проводов. В воротах я не стоял уже почти полгода. И чтобы теперь набрать форму, я упорно тренировался несколько дней по индивидуальному плану. Ведь, что ни говори, шайба, маленькая, юркая, влетит в ворота — и не заметишь. А остаться в этой последней игре "сухим" было для меня делом особой чести.

В раздевалке побыстрее надел хоккейную маску, чтобы товарищи по команде не видели, что я волнуюсь больше обычного. Диктор по стадиону объявил: "Ворота защищает Владислав Третьяк. В защите — Валерий Васильев. В нападении — Александр Мальцев".

И вот шайба вброшена. Волчком закрутилась она на льду. Я сразу стал спокойнее. Окончательно обрел уверенность, когда отразил приличную атаку. Не скажу, чтобы соперники пытались разорвать нас в клочья, нет — они в тот вечер, сообразуясь с ситуацией, действовали вполне по-джентльменски, но и в поддавки не играли. Все было как всегда: волны атак гуляли от ворот до ворот, литой резиновый диск пулей летел в мою сторону, не зевай, вратарь! Все было как всегда. За исключением одного — мы прощались с хоккеем.

Я знаю, что Васильев и Мальцев волновались точно так же, как и я. Сколько испытаний вместе пройдено… Валерий всегда был для нас образцом хоккейной силы. Знаменитый канадец Бобби Халл как-то признался, что, когда к нему на льду приближался Васильев, профессионалу хотелось побыстрее избавиться от шайбы. Подальше

речи. Потом слово предоставили мне. Я заранее подготовил

свое выступление, выучил его наизусть. Но когда остался перед микрофоном один на один, когда взглянул на притихшие трибуны, когда ощутил, что в последний раз вижу их со льда, почувствовал — нельзя в такой миг выступать по-заученному. И стал говорить то, что переполняло тогда мою душу.

Я прощался не с хоккеем, не с игрой, а с самой сокровенной частью своей жизни. Я расставался с миллионами людей, которые любили меня, верили мне и поддержку которых я ощущал постоянно. Теперь все это было позади. Следовало подвести итог.

Мое раннее детство прошло в подмосковном городе Дмитрове. Начало всех начал — родители. Они воспитывали меня и моего брата по-спартански. Над нами никто никогда не охал и не ахал, а если нас наказывали, то справедливо, хотя, возможно, подчас излишне сурово. Родители требовали, чтобы мы не просто выполняли их поручения, а все делали на совесть. Особенно суров был отец. Случалось, я обижался на него. Но потом, став взрослее, понял, что эта отцовская строгость в итоге обернулась для меня большой пользой. Сам того не подозревая, отец подготовил меня к будущей работе с Анатолием Владимировичем Тарасовым, чья требовательность, как известно, вообще не знала границ. Именно благодаря отцу я сразу нашел с Тарасовым общий язык.

Однажды, когда мне было 5 лет, я нашел в доме старую деревянную палку с загнутым крюком. Подошел к маме: что это? Она бережно взяла ее из моих рук, погладила.

— Это, сынок, моя клюшка для игры в русский хоккей.

В этот день я узнал много интересного из биографии мамы. Оказывается, в юные годы она играла на первенство Москвы за команду "Металлург". Да, в 30-е годы в хоккей с мячом у нас играли и женские команды. Клюшку свою она бережно хранила, как хранила в памяти и воспоминания о своем спортивном прошлом. Когда эта клюшка попалась мне на глаза, сразу были забыты все остальные игрушки. Я долго стучал клюшкой по полу, гонял ею камни во дворе и в конце концов сломал. Я испугался маминого гнева, но, к моему удивлению, она не стала сердиться, только сказала, вздохнув: "Ну что ж, если ты выберешь хоккей, я возражать не стану".

Пять лет подряд во время школьных каникул я, как и большинство моих сверстников, ездил в загородный пионерский лагерь. Спорт там занимал половину, если не больше, времени. Я бегал кроссы, часами играл в пинг-понг и волейбол. Все виды спорта мне нравились, я охотно выступал в школьных соревнованиях по лег-Д кой атлетике, баскетболу, футболу, лыжам. И везде хотелось стать чемпионом. Однажды я так и заявил маме: "Обязательно буду чемпионом". "Спортсменом", —

поправила она. "Нет, только чемпионом!" Теперь мы вспоминаем об этом с улыбкой.

В бассейне "Динамо" я по примеру своего старшего брата пробовал заниматься плаванием, но почему-то все время мерз и из-ˆа этого большую часть времени проводил не в воде, а стоя под горяˆИ чим душем. Потом увлекся прыжками в воду. С полутораметрового трамплина прыгал запросто, а однажды забрался на пятиметровую вышку. Снизу она казалась не слишком высокой, но, когда я подошел к краю и посмотрел в воду, голова у меня закружилась и колени затряслись.

— Владик, смелей! — подбадривал тренер. — Ну, что же ты? Будь мужчиной.

— Вода мягкая, — кричали снизу ребята. — Не бойся, не ушибешься! Давай "солдатиком"!

А я просто оцепенел от страха. Ноги стали ватными, сердце стучало часто-часто.

— Владик, на тебя девочки смотрят. Неужели ты не прыгнешь? \

Моя неуверенность с каждой секундой становилась все сильнее. Высота казалась огромной, а вода — твердой, как асфальт. Наверное, это чувство знакомо каждому — трудно преодолеть страх. Эту науку я постигал впоследствии много лет, но начинать пришлось на той пятиметровой вышке…

У мамы в классе (она работала учителем физкультуры) было два мальчика, которые занимались в хоккейной школе ЦСКА. (Кстати сказать, через мамины уроки прошли многие ребята, ставшие впоследствии мастерами хоккея, например Бодунов, Лапшенков, Титаренко.) И вот однажды я увидел у них настоящую хоккейную форму. Смешно, но она меня просто поразила. Как я завидовал этим мальчишкам!

Вечером дома твердо сказал родителям:

— Я тоже хочу такую форму.

— Очередное увлечение, — скептически улыбнулась мама. — Ну что ж, попробуй.

На мое счастье, утром следующего дня в детской спортивной школе ЦСКА проходил набор юных хоккеистов. Спозаранку я с тремя приятелями пришел на Ленинградский проспект. Что тут творилось! Кажется, все московские мальчишки в это утро решили стать хоккеистами. Они приехали на каток с родителями, бабушками, старшими братьями — это было прямо вавилонское столпотворение… Держась поближе к своему соседу по парте Валерке Крохмалеву, я протиснулся во Дворец спорта. Мне казалось, что если кого-нибудь из нас и примут, то этим счастливчиком окажется именно Валерка. Я только накануне

решил стать хоккеистом, а мой приятель уже давно видел себя в доспехах ЦСКА.

Экзаменовали нас строго, хотя особой выдумкой испытания, скажем прямо, не отличались. Тренеры выпустили на лед такого же, как мы, мальчишку в хоккейной форме и объявили: "Он занимается в ЦСКА один год. Кто его догонит, тот выдержал экзамен". По свистку юный армеец Саша Волчков (впоследствии игрок сборной страны) что есть сил помчался на коньках, мы за ним. Потом он испытал наше умение кататься задним ходом. Вот где мне пригодились наши воскресные семейные походы в Парк культуры и отдыха на каток — там я научился владеть коньками.

Экзамен кончился. Из всех претендентов четверых, в том числе и меня, попросили отойти в сторону. Я был убежден, что мы и есть неудачники. Оказалось, наоборот. Меня приняли в прославленный клуб! Я был счастлив.

Наверное, среди тех, кто не выдержал приемный экзамен, были и другие достойные ребята, возможно даже более способные, чем мы. К сожалению, критерии отбора в спортивные школы и по сей день остаются несовершенными. Сомневаюсь, чтобы тогда экзаменаторы сумели разглядеть в мальчишках какие-то особые задатки, Что же касается меня, то я прошел тот конкурс только потому, что был смелее других и чуточку развитее, ведь к тому времени я уже успел позаниматься разными видами спорта: и футболом, и гимнастикой, и лыжами…

Начались тренировки: три раза в неделю по полтора часа. Я был нападающим и старался изо всех сил. Мне нравился хоккей. Смущало лишь одно обстоятельство: время шло, а я все еще не получил настоящую хоккейную форму. Месяц уже миновал, а формы нет.

— Не хватает на всех, — объяснил мой первый тренер Виталий Георгиевич Ерфилов.

В то время в команде не было вратаря. Никто не хотел играть в воротах. Тогда я и придумал. Подхожу как-то к тренеру:

— Если дадите мне настоящую форму, буду вратарем. Тренер внимательно посмотрел на меня и спросил:

— А не боишься?

— Чего же бояться? — простодушно ответил я.

Откуда мне тогда было знать, как больно бьет шайба и как тяжела доля вратаря?! Больше всего я хотел получить настоящую хоккейную форму. И вот получил ее.

…Да, шайба жалит больно. Но к синякам я привык быстро. А вот к неудачам привыкнуть так и не смог. Может быть, это оттого, что у себя в клубе, да и в сборной, нам чаще доводилось побеждать, чем проигрывать? Неудачи прямо-таки физической

болью отзывались во мне. Когда я был маленьким и случалось, что наша команда проигрывала, я не мог сдержать слез — так становилось горько и стыдно… Я рыдал, и вся команда успокаивала меня.

Первый раз это случилось через год после того, как мне дали хоккейную форму. Мы встречались с мальчишками из команды "Динамо", когда наш вратарь Саша Карнаухов получил травму и вышел из игры. Я был запасным. Тренер говорит: "Ну, давай, Владик, на лед!" Я встал в ворота и испугался. Этот страх был таким же сильным, как и тот, что я испытал на вышке в бассейне. Когда шайба летела в наши ворота, я закрывал глаза и шарахался от нее в сторону. К тому времени я уже знал, какая она тяжелая, эта шайба… Десять голов забили нашей команде в тот вечер.

После матча я сквозь рыдания сказал тренеру, что из меня никогда не получится вратарь. Ерфилов, как будто ничего не произошло, спокойно посмотрел на меня и произнес:

— Поздравляю тебя, Владик, с боевым крещением. Если будешь трудиться, у тебя все получится.

— Правда?

— Вытри слезы и завтра приходи на тренировку. Интересно, верил ли он действительно в то, что из меня когда-нибудь выйдет вратарь?

Не думайте, что Ерфилов и потом так же легко прощал мне ошибки. Помню, в том же сезоне у команды мальчиков 1950 года рождения не оказалось вратаря. Поставили меня, хотя я был на два года младше. Последний матч первенства Москвы мы играли с "Крыльями Советов". Победа выводила нас в чемпионы. Но встреча закончилась со счетом 4:4, причем все четыре шайбы я пропустил от синей линии, то есть самым бессовестным образом подвел команду. Тут уж и Ерфилов не выдержал:

— Эх, ты… За игру ставлю тебе единицу.

До сих пор храню в памяти то ощущение горя и обиды, которое испытал тогда. Правда, в тот день судьба все же решила смилостивиться: через полчаса нам сообщили, что "Спартак" свой последний матч проиграл, а это значит — мы чемпионы!

Я страстно желал убить в себе страх. "Надо убить его раз и навсегда", — думал я, еще не зная тогда, что это невозможно, что не

бывает в жизни абсолютно бесстрашных людей. Весь вопрос в том, может ли человек подавлять свои отрицательные эмоции. Мне надо было научиться управлять собой. Нельзя бояться шайбы. Нельзя бояться соперников, которые с перекошенными в азарте лицами с бешеной скоростью мчатся на твои ворота. Только одно должно быть в голове у вратаря: не пропустить гол.

Все остальное — мимо. Больно — терпи. Трудно — терпи. И думай. Все время думай, как сыграть лучше, надежнее…

Хоккей — суровая игра. И в первую очередь она беспощадна к вратарям. Порыв и ярость атакующей команды направлены в конечном счете на них. Запугать и ошеломить. Сбить с толку. Уложить на лед. И забросить шайбу. Шайба летит в ворота, словно снаряд. А голкипер должен поймать ее в ловушку. Или просто отбить. Клюшкой, щитком, коньком — чем угодно. Отразить бросок. Обязательно отразить! Другим можно ошибаться. Если форвард теряет шайбу, он знает: выручит защита. Небрежность защитника исправит вратарь. Только вратарю ошибаться нельзя. Потому что его ошибка — это гол. Ом — сам себе надежда. И сам себе — судья.

В 12 лет я впервые получил серьезную травму. Шайба угодила в голову. Я не заревел только потому, что боялся: увидят слезы — выгонят из команды. К тому времени хоккей для меня был уже не просто очередным увлечением. Я полюбил эту игру так беззаветно и пылко, как может любить только мальчишка. На следующий день после травмы меня словно подменили. На тренировке я думал только о том, как бы увернуться от шайбы. Я забыл все, чему успел научиться. И опять надо было начинать сначала… Снова была борьба с самим собой.

Нелегкая это наука — уметь побеждать страх…

Отец поначалу скептически относился к моему новому увлечению. Хоккей, как, впрочем, и футбол, был ему глубоко несимпатичен. В те годы, если по телевизору транслировали какой-нибудь матч, отец демонстративно уходил в другую комнату. Его любимой передачей был "Голубой огонек", где выступали самые лучшие эстрадные артисты.

— Подумаешь, вратарь, — шутливо поддразнивал он меня. — Что от тебя толку — стоишь с помелом в воротах… Смотри, двоек в школе не получай, а то живо распрощаешься со своим хоккеем, — уже вполне серьезно заканчивал отец.

…Виталий Георгиевич не жалел времени, занимаясь со мной. Играет, скажем, во Дворце спорта московское "Динамо", он говорит:

— Сегодня идем на Чинова.

Это значит, что мы с Ерфиловым во время матча будем сидеть за воротами, которые защищает динамовский голкипер Чинов, и внимательно следить за всеми его действиями. Для меня это было хорошей школой. Так мы ходили "на Коноваленко", "на Зингера"… Заимствовали опыт, подмечали недостатки, учились.

А время шло. Я уже довольно шустро отбивал шайбы, с удовольствием после уроков в школе мчался на каток и был

вполне доволен жизнью. Больше я не говорил маме о своем желании стать чемпионом — верный признак того, что мальчишка превращается в юношу. Я снова скажу ей об этом чуточку позже, когда мы начнем работать с тренером Тарасовым.

Летом 1967 года в команде ЦСКА было три вратаря: Виктор Толмачев, Николай Толстиков и Владимир Полупанов. Старшему тренеру Анатолию Владимировичу Тарасову потребовался

четвертый — для того, чтобы плодотворнее проводить тренировки. Я в то время и не мечтал о том, чтобы играть в команде Тарасова. Тогда там были такие великие мастера, как Константин Локтев, Александр Альметов, Вениамин Александров, Анатолий Фирсов… Мог ли я, 15-летний мальчишка, думать о том, чтобы быть рядом с ними!

И вот представьте мое состояние, когда в один прекрасный летний день Тарасов говорит тренеру нашей юношеской команды: "Пусть мальчик приходит на занятия мастеров" — и показывает на меня. Я прямо оцепенел от неожиданности. Вот это счастье!

Так я стал тренироваться в знаменитой армейской команде, которая много раз становилась чемпионом страны, неоднократно выигрывала Кубок СССР и которая всегда поставляла больше все го игроков в сборную.

Как я старался! Во время игр бросался за каждой, даже самой безнадежной, шайбой. Наравне со всеми бегал и выполнял все упражнения. Возил своим новым друзьям яблоки из нашего сада. Я начал нарочно косолапить, подражая Евгению Мишакову. В разговоре я пытался ввертывать любимые словечки своих кумиров. Носил за ними клюшки. Хотел во всем быть похожим на них.

Я был горд тем, что живу в пансионате ЦСКА на Песчаной улице, что мне разрешают переодеваться в раздевалке рядом с легендарными хоккеистами. Дней пятнадцать продолжалось тогда это немыслимое счастье.

— Давай; мальчик, старайся, — одобрительно похлопывал меня по плечу Тарасов. И это звучало как высшая похвала. Тем более что я уже тогда знал, как скуп Анатолий Владимирович на хорошие оценки. Он и потом ругал меня гораздо чаще, чем хвалил. Наверное, боялся, что зазнаюсь.

— Не слушай похвал, — любил говорить Тарасов. — Когда тебя хвалят, тебя обкрадывают. А если я тебе делаю замечания, значит, ты мне нужен.

Но в середине июля праздник кончился. Команда уехала на юг, и, естественно, без меня. Я продолжал выступать в команде юношей. Мы стали чемпионами Москвы. В Новосибирске я впервые получил приз лучшего вратаря. Еще до этого тренеры

сборной молодежной команды страны брали меня вторым голкипером на чемпионат Европы в Хельсинки. Выступление наше было признано неудачным: мы заняли второе место, а ведь взрослая сборная уже успела приучить всех только к победам! Любое другое место, кроме первого, расценивалось как неудача.

Зато через год, на молодежном чемпионате в Гармиш-Партенкирхене (ФРГ), мы добились победы! После этого чемпионата я пришел в наш армейский Дворец спорта, и тут меня снова окликнул Тарасов. "Наверное, хочет поздравить", — подумал я. Но тренер строго посмотрел и спросил:

— А вы, молодой человек, почему не на льду? А ну, живо… В это время на площадке тренировалась взрослая команда ЦСКА. Еще не веря в свое счастье, я помчался в раздевалку.

С этого дня вся моя жизнь пошла по-новому. Тарасов поставил перед собой цель: сделать Третьяка лучшим вратарем. ("Лучшим в стране?" — спросил я. Анатолий Владимирович с недоумением посмотрел на меня: "В мире! Запомни это раз и навсегда".) И мы начали работать. Сейчас мне порой даже не верится, что я мог выдерживать те колоссальные перегрузки, которые обрушились тогда на мои еще не окрепшие плечи. Три тренировки в день! Какие-то невероятные, новые, специально для меня придуманные упражнения. И еще МПК — "максимальное потребление кислорода". Это, если проще сказать, бешеная беготня по всей площадке. Быстрее, еще быстрее! Ребята говорили с состраданием:

— Ну, Владик, ты своей смертью не умрешь. Тебя эти тренировки доконают.

На занятиях десятки шайб почти одновременно летели в мои ворота, и все шайбы я старался отбить. Все! Я играл в матчах едва ли не каждый день: вчера за юношескую команду, сегодня за молодежную, завтра за взрослую. А стоило пропустить хоть один гол, как Тарасов на следующий день строго вопрошал: "Что случилось?" Если виноват был я-а вратарь почти всегда "виноват", — то неминуемо следовало наказание: все уходили домой, а я делал, скажем, пятьсот выпадов или сто кувырков через голову. Я мог бы их и не делать, — никто этого не видел, все тренеры тоже уходили домой. Но мне и в голову не приходило сделать хоть на один выпад или кувырок меньше. Я верил Тарасову, верил каждому его слову. Наказание ждало меня и за пропущенные шайбы на тренировке. Смысл, я надеюсь, ясен: мой тренер хотел, чтобы я не был безразличен к пропущенным голам, чтобы каждую шайбу в сетке я воспринимал как чрезвычайное происшествие.

В Архангельском, где находится загородная база ЦСКА, меня

поселили в одной комнате с Владимиром Лутченко и Николаем Толстиковым. Видимо, из-за длинной шеи и тонкого голоса они тут же нарекли меня Птенцом. Мама попросила присматривать за мной

официантку Нину Александровну Бакунину, и та всегда подкладывала мне, "мальчонке", самые лакомые кусочки.

Тогда все это было как сон. Я, юнец, рядом с прославленными на весь мир хоккеистами. Помню, Рагулин, которого называли не иначе, как Александр Павлович, жил вместе с Кузькиным, и я, будучи дежурным, долго робел заходить в их комнату. А уж про Тарасова и говорить нечего — просто не смел попадаться ему на глаза. Тарасова, правда сказать, даже и ветераны крепко побаивались. По комнатам базы Анатолий Владимирович никогда сам не ходил — поручал это своему помощнику Борису Павловичу Кулагину. А уж если замечал какой-нибудь беспорядок, то пощады от него ждать не приходилось.

Мне его требовательность никогда не казалась чрезмерной: я понимал тогда и особенно хорошо сознаю сейчас, что максимализм Тарасова был продиктован прекрасной целью — сделать наш хоккей лучшим в мире. Человек очень строгий по отношению к самому себе, очень организованный и целеустремленный, он и в других не терпел расхлябанности, необязательности, лени. Я многим обязан Тарасову. И даже то, что некоторые склонны выдавать за его причуды, я отношу к своеобразию тарасовской педагогики.

Валерий Харламов рассказывал такой случай. Однажды во время тренировки у него развязался шнурок на ботинке. Он остановился, нагнулся, чтобы его завязать. Тарасов увидел это. Помрачнел и тут же обрушился на хоккеиста:

— Вы, молодой человек, украли у хоккея десять секунд, и замечу, что вы никогда их не наверстаете.

Помню, получив однажды новые щитки, я сидел и прошивал их толстой сапожной иглой. За этим занятием застал меня Анатолий Владимирович.

— Что, хочешь играть?

— Хочу! — вытянулся я перед ним.

— Вот и хорошо. Завтра в щитках на зарядку явишься. Утром шел дождь. Все рты разинули, увидев, что я вышел на пробежку в кедах и в щитках. А объяснялось все просто: тренер хотел, чтобы я быстрее размял жесткую кожу щитков, подготовил их к бою.

Все знали, что, когда Тарасов обращается к хоккеисту на "вы", ничего хорошего это не предвещает. Осенью 69-го после календарной игры всесоюзного чемпионата — первого в моей биографии — он как-то говорит:

— Зайдите ко мне, молодой человек.

Я испугался. Вроде бы никаких грехов за собой не знал, но…

— Вы догадываетесь, почему я вас пригласил?

— Нет.

— Тогда идите и подумайте.

В смятении я закрыл за собой дверь, а через час снова зовут меня пред грозные очи.

— Ну что? Подумали?

В полном недоумении пожимаю плечами.

— Ладно, — вдруг сменил гнев на милость Тарасов. — Бери стул и садись. Да не бойся, ближе садись. Ты же вчера под правую ногу две шайбы пропустил, бедовая твоя голова. Почему? Ну-ка, давай разберемся.

Я постепенно вновь обретал присутствие духа. Тарасов требовал думать, он хотел, чтобы я научился анализировать каждый свой промах, каждую ошибку.

— Владька, а что, если ты станешь крабом? Понимаешь меня? Сто рук и сто ног! Вот так. — Он выходил на середину комнаты и изображал, каким, по его мнению, должен быть вратарь-краб. Я подхватывал идею. Так мы работали. Не было ни одной тренировки (ни одной), чтобы Тарасов явился к нам без новых идей. Он удивлял каждый день. Вчера — новым упражнением, сегодня — оригинальной мыслью, завтра ошеломлял соперников невиданной комбинацией.

— Ты думаешь, играть в хоккей сложно? — спросил меня Тарасов в самом начале нашей совместной работы.

— Конечно, — ответил я. — Особенно если играть хорошо.

— Ошибаешься! Запомни: играть легко. Тренироваться тяжко! Сможешь 1350 часов в год тренироваться? — Тут он повысил голос. — Сможешь так тренироваться, чтобы тебя поташнивало от нагрузки? Сможешь — тогда добьешься чего-нибудь!

— 1350? — не поверил я.

— Да! — сказал, как отрубил, Тарасов. На занятиях он умел создать такое настроение, что мы шутя одолевали самые чудовищные нагрузки. "Тренироваться взахлеб", -

требовал от спортсменов Тарасов. А о том, какие были нагрузки, вы можете судить по следующему факту: приезжавшие в ЦСКА на стажировку хоккеисты других клубов после двух-трех занятий поспешно собирали чемоданы и, держась за сердце, отбывали домой. "Не по Сеньке шапка", — смеялись мы. Однажды в ЦСКА приехал поднабраться опыта знаменитый шведский хоккеист Сведберг, но и его хватило ненадолго. На третий день после обеда он, заметно побледневший, стал прощаться.

— Мы, шведы, еще не доросли до таких тренировок, —

смущаясь, объяснил гость свой преждевременный отъезд.

Никогда мне не забыть уроков Тарасова. Теперь, по прошествии многих лет, я отчетливо понимаю: он учил нас не хоккею — он учил жизни.

— Валерка! — вдруг озадачивал Анатолий Владимирович юного Харламова в разгар тренировки. — Скажи мне, пожалуйста, когда ты владеешь шайбой, кто является хозяином положения?

— Ну как же, — простодушно отвечал хоккеист, — я и есть хозяин.

— Неправильно! — торжествовал Тарасов. — Ты слуга партнеров. Ты играешь в советском коллективе и живешь прежде всего интересами товарищей. Выброси в мусорный ящик свое тщеславие. Умей радоваться успехам товарищей. Будь щедр!

Он учил нас стойкости и благородству, учил трудиться, как умел это делать сам. У Анатолия Владимировича было такое выражение: "Идти в спортивную шахту", что по сути означало тренироваться по-тарасовски.

Тренер постоянно внушал мне, что я еще ничего собой не представляю, что мои удачи — это удачи всей нашей команды. И тут я безоговорочно верил ему. И думаю сейчас, что если бы было иначе, то ничего путного из меня бы не получилось.

Расскажу еще несколько эпизодов, раскрывающих суть тарасовской педагогики.

Анатолий Владимирович считал, что чем хуже погода, тем лучше для закалки характера. Однажды в день матча с нашим традиционно трудным соперником московским "Динамо" грянул 30-градусный мороз. Надо на зарядку выходить, а боязно — как бы не простудиться! Столпились мы все в вестибюле, ждем Тарасова, надеясь на то, что он отменит сегодня зарядку. И вот появляется. Демонстративно никого не замечая, сразу ко мне, самому юному:

— Вы что стоите, молодой человек?

— Так ведь все стоят.

— Какое вам дело до всех?! Вы давно должны разминаться с теннисным мячом.

Как ветром выдуло команду из вестибюля.

Что касается теннисного мяча, то Тарасов приучил меня не расставаться с ним никогда. Где бы я ни был, я должен был все время

бросать-ловить теннисный мяч. Дело доходило до курьезов: купаемся мы в море во время разгрузочного сбора, а тренер спрашивает:

— А где ваш мяч, молодой человек?

— ?..

— Вы и в воде с мячом должны быть.

Думаете, шутил? Ничего подобного! Пришлось нам с Колей Толстиковым к плавкам специальные кармашки пришивать — для мячей. Кому-то, возможно, покажется, что это уж слишком. Но как знать, не будь мяча, не будь других тарасовских придумок, сложилась бы моя судьба столь счастливо?

Кстати, историю с мячом наши ребята впоследствии использовали для одной подначки. Дело было так. Мишаков и Фирсов поехали в институт физкультуры сдавать экзамен по анатомии. Преподаватель попался строгий. "Хорошо подготовились?" — спрашивает. Ребята замялись. "Так, друзья, дело не пойдет, — морщится профессор и показывает на скелет. — Вот вам учебное пособие — занимайтесь". "А можно мы его с собой на базу возьмем? — говорит Мишаков. — В свободное время по косточкам все разберем". Загрузили они это "учебное пособие" в машину и привезли в Архангельское. Я в тот момент в кино был. И вот, возвратившись к себе в комнату, вижу на своей кровати груду костей: на череп нахлобучили мою шапочку, а в руки вложили теннисный мяч. Дескать, в гроб вгонят тебя тарасовские нагрузки.

Наверное, это была не самая удачная шутка, но я смеялся вместе со всеми от души. Мишаков у нас считался мастером всяких розыгрышей. С его уходом в нашем доме стало гораздо тише.

Вдохновение было для Тарасова всего лишь одним из стимулов, а сама работа основывалась на твердых принципах, выработанных им за долгие годы. Он хорошо представлял себе, каким должен быть идеальный вратарь. Однажды мне довелось услышать по этому поводу рассказ самого Анатолия Владимировича. Приведу его здесь как запомнил.

Впервые я познакомился с вратарем международного класса в 1948 году. Им был чехословацкий хоккеист Богумил Модрый. Незадолго до этого он как раз получил приз лучшего голкипера на мировом первенстве в Санкт-Морице. Наши классные по тем временам вратари были небольшого роста, и, возможно, поэтому бытовало представление, что стражам ворот и положено быть невысокими. А тут вдруг — верзила под два метра, ручищи как лопаты. Модрый меня заворожил. Я сколько раз встречал его, столько раз обменивался с ним рукопожатием, чтобы получше разглядеть эти невероятных размеров ладони.

— Через какую тренировку ты пришел к своей высокой технике? — спросил я.

— Играю в футбол, в теннис. Ну, и конечно, в хоккей, — улыбнулся Модрый.

— А атлетизмом занимаешься?

— Нет, просто играю…

Он пришел в хоккей через хоккей и, обладая безусловной одаренностью, выбился в ряд лучших — все естественно и логично… для него, для Модрого, и для того времени. Но мы-то, русские, должны были обогнать и чехов, и шведов, и канадцев — другой задачи перед нами не ставилось, а это значит?.. Это значит, что для нас такой путь не годился.

Не буду, однако, забегать вперед. Я внимательно присматривался ко всем выдающимся вратарям, с которыми меня сводила жизнь. Вот Харри Меллупс. Меня покоряли в рижанине внутренняя серьезность, умение анализировать свою игру, критически относиться к ней. Григорий Мкртчан отличался стремлением к поиску, он в любой момент был готов пойти на эксперимент. Необыкновенным трудолюбием выделялся Николай Пучков, бесстрашный и к тому же чрезвычайно самолюбивый человек: зубы сцепит, и никак ему не забьешь. Приятно было работать с Виктором Коноваленко — он являл собою абсолютное спокойствие, надежность, мужество. Коноваленко всегда уважительно относился к соперникам: я не помню, чтобы, пропустив в свои ворота гол, он хоть раз "полез в бутылку"; Виктор никогда не махал ни на кого клюшкой, не утверждал, что шайба забита неправильно, только и скажет забившему гол: "Перехитрил, перехитрил…"

Позже я познакомился с Жаком Плантом. Этот легендарный канадский хоккеист доказал, что эффективность игры вратаря резко возрастет, если действовать не в воротах, а на больших пространствах. Плант работал на откате: он выскакивал далеко навстречу сопернику, владеющему шайбой, и, уменьшив тем самым угол для попадания, начинал откатываться назад. "Ага, — подумал я, — этот прием надо взять". Меня также поразили в канадце безошибочное умение анализировать соперника, его изумительная интуиция.

Постепенно в моем сознании формировалась модель идеального вратаря. Я лепил ее, избегая автоматически заимствовать достоинства выдающихся голкиперов. Каждый подходящий прием я стремился усовершенствовать, критически рассматривал даже самые, казалось бы, незыблемые постулаты вратарской школы.

Я рассудил так. Плант — умница. Его дальние выходы, безусловно, грозное оружие. Но ведь если завтра соперник попытается сыграть поизобретательнее — скажем, не станет бросать шайбу, а передаст ее вовремя подключившемуся партнеру, — что тогда? Плант будет застигнут врасплох? Значит,

надо сделать вратаря более маневренным, готовым ко всяким неожиданностям, воспитать, если хотите, вратаря-акробата. Владеть коньками лучше, чем Плант! Уметь играть в поле наравне с нападающими!

Модрый был хорош, но, ей-богу, напрасно чехословацкий голкипер пренебрегал атлетической тренировкой. Мастерство только

тогда заблистает в полную силу, когда будет покоиться на прочном атлетическом фундаменте. Быстрота, выносливость, сила, ловкость требуются каждому хоккеисту, однако вратарь должен развивать эти качества не так, как, к примеру, форвард, а в соответствии со своей игровой спецификой.

Я решил, что абсолютно необходимо повысить общую культуру игры вратаря, укрепить его авторитет в команде, выработать у голкипера высокоразвитое чувство интуиции, умение быстро и четко анализировать действия соперников. Страж ворот должен не на словах, а на деле стать центральной фигурой в команде.

Вот тут-то мне и попался на глаза долговязый мальчишка Владик Третьяк. Я наперед влюбился в его внешние данные. Я сразу вспомнил Модрого: они были похожи — тот же могучий рост, те же ручищи.

Этот парень был как раз тем, кого я искал. Мы начали работать.

…Однажды тренер озадачил меня вопросом:

— С какой скоростью летит шайба, брошенная, ну, скажем, Фирсовым?

— Сто километров в час, — не очень уверенно ответил я.

— Сто двадцать, — поправил Тарасов. — Но знаешь ли ты, что на шайбу, летящую с такой скоростью вблизи ворот, отреагировать невозможно?

— При упорной тренировке…

— Невозможно!

— Но ведь Плант берет такие шайбы…

— И Коноваленко берет. Но тут уже не в их реакции дело.

— Опыт, — догадался я, еще не ведая, куда клонит учитель.

— Это слишком общо — опыт. Думай!

Я, откровенно говоря, был растерян. Что же получается? Зачем совершенствовать свою реакцию, если ее все равно не хватит, чтобы успешно соперничать с лучшими форвардами? Выходит, тренируйся не тренируйся, а в любом случае ты, вратарь, обречен на неудачу… Тарасов, насладившись моим замешательством, сказал:

— Знаешь, что поможет тебе разорвать этот заколдованный

круг? Интуиция! Ты должен научиться читать мысли. Да, да! Еще до того, как соперник бросит шайбу, ты должен знать, куда будет сделан бросок. Ты должен предугадывать, как в следующий момент станет развиваться атака, кому нападающий отдаст пас, когда последует бросок по воротам… Ты должен все знать про нападающих! Все знать про защитников! Знать про хоккей больше любого хоккеиста!

Понимаете, куда клонил Тарасов? Если вам порой казалось, что шайбы сами летели в мою ловушку, не заблуждайтесь: я вовсе не фокусник, мне помогал выработанный за долгие годы дар предвидения — то, о чем когда-то говорил Тарасов. Бывало, нападающий еще только замышляет бросок, а моя левая рука уже самопроизвольно идет на перехват шайбы.

Раньше, насколько я знаю, когда команда обсуждала вопросы тактики, когда тренер давал установку на матч, когда вспыхивали какие-то споры, вратари сидели и помалкивали. Их мнением интересовались редко, еще реже с ними считались. Тарасов в конце 60-х годов этот порядок поломал. Я с самого начала стал принимать самое живое участие во всех делах команды. Когда Анатолий Владимирович перед матчем приглашал к себе для беседы поочередно все пятерки, я шел на эти совещания с каждым звеном. Внимательно слушал товарищей, не стеснялся высказывать свое мнение, а ребята не забывали поинтересоваться им. Случалось, нападающие, придумав какой-нибудь новый тактический ход, спрашивают:

— Как ты считаешь — пойдет?

— Хорошо, — отвечал я. — Никакой вратарь это не разгадает. Или, напротив, я подвергал идею безжалостной критике, и прославленные ветераны, иным из которых я годился по возрасту в сыновья, уважительно слушали вратаря-мальчишку. Согласитесь, эта деталь ярко характеризует климат в нашей команде.

Я рос, жадно впитывая в себя не только хоккейные премудрости, но и — это важнее всего — постигая суть таких понятий, как коллективизм, взаимовыручка, ответственность перед товарищами, мужество, смелость. С самого начала тренер приучал меня творчески относиться к своей роли, он хотел, чтобы я работал в первую очередь головой, а уже потом — руками и ногами. По вечерам на базе в Архангельском Тарасов частенько приглашал меня к себе в комнату.

— Садись, — говорил Анатолий Владимирович. — Ближе, ближе садись. Владька, не кажется ли тебе, что ты стал пропускать нижние шайбы чаще, чем следует? Давай-ка подумаем, что да как.

И вот сидим, думаем. А утром на тренировке Тарасов не преминет спросить:

— Ты новые упражнения придумал? Какие — покажи.

И попробуй я только не придумать…

…В августе 1969 года я впервые поехал с командой ЦСКА в Щвецию. Команда участвовала в товарищеских матчах, а меня тренер привез в небольшой городок Вестерос, где шведы проводили учебно-тренировочный сбор своих вратарей. На сборе кроме меня было восемь лучших шведских голкиперов. Мы тренировались с утра до вечера. Я хотел доказать, что тоже не лыком шит, но, откровенно говоря, трудновато мне было тягаться со шведами. Хольмквист, к примеру, бегал в два раза быстрее. Я внимательно следил за всеми упражнениями шведов и кое-что брал себе на заметку.

Теперь шведы шутят, что именно они дали мне путевку в большой спорт. Насчет путевки, конечно, преувеличивают, но некий талисман, с которым связаны мои первые успехи, я действительно из Скандинавии привез. Это была майка, подаренная Хольмквистом. Я считал ее счастливой. Майка износилась до дыр, мама устала ее зашивать, а я все никак не мог расстаться с ней. Хотя, конечно, гораздо важнее майки был тот опыт, который я позаимствовал у лучших шведских вратарей. На всю жизнь пригодились мне упражнения, привезенные в 1969 году из Швеции.

…Вернувшись в Москву, наша команда приняла участие в турнире на приз газеты "Советский спорт". Сначала я сыграл в матче с "Трактором". Вышло довольно удачно — 3:2 в нашу пользу. Следующий матч был с чемпионом страны — "Спартаком". Я был уверен, что теперь-то наверняка в ворота поставят нашего основного вратаря Колю Толстикова. Но за несколько часов до матча Тарасов объявляет: "Играть будет Третьяк". У меня колени затряслись. Ребята, заметив мое волнение, стали успокаивать, но я определенно видел, что и им тоже не по себе: мальчишка будет защищать их ворота в такой ответственной встрече…

Матч начался бурными атаками форвардов "Спартака". Однако удача в тот вечер была не на их стороне. Все шайбы летели прямо в меня. Зрители горячо аплодировали каждый раз, когда мне удавалось отразить даже легкий бросок. Они явно боялись за мальчишку, который защищал армейские ворота. Мы выиграли с преимуществом в пять шайб, и я был самым счастливым человеком на свете.

Потом снова были тяжелые тренировки и игры. Я изо всех сил старался доказать, что успех в матче со "Спартаком" не случаен, что я и в самом деле — вратарь. Доказать это было не

так-то просто — многих смущал мой возраст. В мировой практике еще не было 17-летних вратарей.

Перед началом традиционного турнира на приз газеты "Известия", который собирает лучшие любительские сборные мира, А.В.Тарасов предложил тренерскому совету Федерации хоккея включить меня в сборную. Его не поддержали: "Молод еще Третьяк. Разве можно на такого мальчишку надеяться?" Тарасов настаивал на своем.

Так осенью 1969 года я попал в сборную страны.

В моем архиве хранится вырезанная из газеты заметка, которой я очень дорожу. В небольшом интервью А.В.Тарасов, пожалуй, впервые публично похвалил меня. Вот текст этого интервью:

— Чем вам понравился молодой вратарь?

— Во-первых, своей старательностью и фанатичной преданностью хоккею. Трудолюбием. Незаурядными данными. Владик умеет анализировать свои действия, делает верные выводы, а его игра в высшей степени осмысленна.

— В чем отличие манеры Третьяка от других вратарей?

— В его подходе к решению тактических задач. Владислав смело и широко маневрирует, все свои действия совершает обдуманно.

— Сможет ли он стать действительно выдающимся вратарем?

— Теперь все зависит от него самого. Парню — 17 лет. Ему надо сейчас повзрослеть. Тогда Владику будет легче решать все психологические и спортивные проблемы. Тогда он правильнее распорядится своей славой. Лично я полагаю, что он сможет это сделать. Я верю в Третьяка".

Конечно, мне очень повезло, что меня заметил Тарасов, что он начал заниматься со мной, терпеливо изо дня в день делать из мальчишки вратаря. "Учиться всегда — каждый час, каждую минуту, быть недовольным собой, не обольщаться успехами, извлекать правильные уроки из поражений… Идти и идти вперед!" — эти слова Анатолия Владимировича Тарасова я воспринимал как тренерскую установку на всю жизнь.

Собственно говоря, я никогда — до самого последнего матча — не считал свое, если так можно выразиться, хоккейное образование законченным. Совершенству предела нет, и из каждого прожитого дня я старался извлекать для себя какие-то уроки.

Я никогда не стеснялся перенимать все лучшее, что видел у других. Опытные хоккеисты, которые меня окружали, как правило, щедро делились своими знаниями, секретами своего мастерства, они не смотрели на новичка сверху вниз. Жак Плант

как-то сказал мне, что он всю жизнь учился на собственных ошибках, помочь ему было некому. Я же в этом смысле могу считать себя счастливым. Мне всегда везло на хороших людей.

Ну, представьте себе, к примеру, такую ситуацию. Основной вратарь сборной 60-х годов Виктор Коноваленко семь раз был чемпионом мира, дважды — олимпийским чемпионом. В свои тридцать авторитет он имел огромный. И вот Виктору говорят, что дублером у него будет 17-летний мальчишка. И он видит этого мальчишку — не очень складного, щупловатого, с длинной цыплячьей шеей. Что, по-вашему, должен подумать в такой ситуации прославленный ветеран? Как он должен отнестись к своему новому партнеру? Коноваленко же при первой встрече оглядел меня с ног до головы, потом, как равному, пожал руку и произнес: "Ну-ну, не робей". Больше, по-моему, он тогда ничего не сказал, да это и неудивительно: Виктор был чрезвычайно неразговорчив.

О скромности этого человека ходили легенды. Он никогда и ничего не просил, ни на что не жаловался, старался всегда и везде быть незаметным.

Едва познакомившись со мной, Коноваленко стал терпеливо раскрывать секреты вратарского искусства. Прославленный ветеран заботливо поднимал на ноги безусого мальчишку. Он спешил передать мне все, что знал, что успел постичь за годы своей славной карьеры, и наука эта для меня оказалась поистине бесценной.

А ведь к самому Виктору Коноваленко судьба не была так благосклонна. В 14 лет, чтобы помочь семье, он пошел работать на Горьковский автомобильный завод. Играл в футбол в детской команде

"Торпедо". Потом записался в заводскую хоккейную секцию, стал вратарем. И хотя впоследствии с ним занимались известные тренеры, Виктору, особенно на первых порах, до многого приходилось доходить своим умом. Были у него и неудачи, порой тяжелые; наступали времена, когда в него переставали верить… Но ничто не могло сломить характер вратаря.

Коренастый, плотный, неповоротливый с виду, Виктор мгновенно преображался, стоило ему занять место в воротах. Флегматичность уступала место молниеносной реакции, быстроте. У него была прекрасная интуиция. И никогда его не покидало хладнокровие — вот что особенно важно. Только по какому-то обидному недоразумению Виктора ни разу не признали лучшим голкипером мировых первенств. Ни один страж ворот в любительском хоккее в те времена не имел столько титулов, сколько было у него.

Не помню, чтобы ребята в нашей сборной кого-нибудь уважали больше, чем Коноваленко.

В 1970 году я впервые участвовал во взрослом мировом чемпионате, который проходил в Стокгольме. Основным голкипером был Виктор. Играл он великолепно. Я бы тогда без колебаний присудил Виктору звание лучшего вратаря. Особенно запомнился мне один эпизод из матча со шведами. Шел второй период. Мы проигрывали со счетом 1:2. Вот какой-то шведский хоккеист рвется к нашим воротам, но слишком далеко отпускает шайбу. Виктор в отчаянном броске падает и пытается выбить ее. А швед не может погасить скорость и мчится вперед. Его конек врезается в лицо вратаря. Коноваленко увезли в больницу, а в ворота встал я. И пропустил две довольно легкие шайбы. Видно, очень сильно волновался… Мы уступили в этом матче со счетом 2:4.

На следующий день все газеты писали, что русский вратарь должен надолго забыть о хоккее. "Сделано 14 рентгеновских снимков. Они показывают: у Коноваленко серьезно повреждена переносица, кроме того, он получил тяжелые травмы головы. Один из лучших игроков сборной СССР прикован к постели".

Пока обыватель переваривал эту информацию, Виктор… уже тренировался на льду "Юханесхофа". Вечером сборная вышла на свой очередной матч — с финнами, и Коноваленко занял привычное место в воротах. Правда, в третьем периоде его заменил я, но на табло к тому времени уже, кажется, значилось 10:0 в нашу пользу. Изумлению шведов не было предела. Еще через день газеты сообщили: "Персонал больницы потрясен мужеством русского вратаря".

Судьба золотых наград чемпионата-70 зависела от исхода нашего повторного поединка со шведами. Выиграем — станем чемпионами мира, проиграем — займем только третье место. Трибуны взорвались аплодисментами, когда на лед, как всегда невозмутимо и неторопливо, выехал Виктор Коноваленко. Конечно, мы выиграли тот матч.

Трусливых хоккеистов я не встречал. А вот таких мастеров, которые бы могли служить образцом храбрости, знаю сколько угодно.

…Рагулин десять раз завоевывал звание чемпиона мира. Был самым надежным защитником мирового любительского хоккея. Вратарям хорошо игралось за его могучей спиной! На Рагу липа можно было положиться в любых ситуациях. Помню, в начале моего спортивного пути мы встречались с ленинградскими хоккеистами. Матч был, как говорят, рядовым, он ничего особенного для нас не значил, к тому же мы крупно вели в счете

— 7:1, по-моему… Один из ленинградцев, оказавшись в удобном положении, неожиданно и сильно

За могучей спиной Александра Рогулина я чувствовал себя спокойно бросил по моим воротам. Ситуация была такова, что спасти нас от гола мог только Рагулин, собой прикрыв путь шайбе. И он без колебаний сделал это, причем шайба едва не разбила ему лицо. После матча я подошел к защитнику:

— Палыч, зачем ты рисковал? Ведь мы все равно выигрывали…

— А я тогда не думал, выигрываем мы или проигрываем. Важно было ворота прикрыть.

— Но ведь ты мог получить травму…

— Знаешь, Владик, — перебил он меня, — если ты будешь каждый раз взвешивать, когда надо проявить смелость, а когда не надо, ничего путного у тебя не выйдет. Надо всегда! А отвернешься от шайбы один раз, другой, и, глядишь, ты уже растерял всю свою храбрость.

…Наши армейские тренеры особенно любили ставить в пример молодым спортсменам Евгения Мишакова. И прежде всего потому, что этот хоккеист был удивительно самоотверженным и стойким. Женя, по-видимому, совсем не знал, что такое боль. Кажется, весь он был сделан из особо прочной стали. Однажды Мишаков перенес сложнейшую операцию мениска, после которой люди на многие месяцы выбывают из строя. А он уже через две недели приступил к тренировкам.

А в сборной таким "железным человеком" был динамовец Валерий Васильев. В 1976-м в Катовицах ему во время матча раздробили мизинец.

— В раздевалку, — коротко приказал Кулагин. — Лечиться.

— Нет, я могу играть, — упрямо возразил Валерий и остался на льду.

Момент был трудный, чемпионат, как вы помните, проходил для нас неудачно, и Васильев понимал, что он очень нужен команде. В раздевалке после матча Валера снял перчатку, и мы ахнули:

она почти до краев была наполнена кровью.

У наших тренеров всегда были и сейчас есть свои "фирменные" упражнения для выработки у игроков волевых качеств. Вспоминаю опять-таки Анатолия Владимировича Тарасова. Он включал в тренировки бокс, борьбу, заставлял нас прыгать с высоких стенок. И горе было тому, кто допускал при этом хотя бы маленькую слабость.

В 1971 году в Швейцарии Тарасов после "раскатки" оставил на льду Шадрина, Зимина и меня. Говорит нападающим:

— Один из вас бросает по воротам Третьяка шайбу, а другой в это время толкает вратаря, бьет его, мешает ему. Ясно? Ребята засмущались:

— Как это мы будем Владика бить?

— Вы что, голубчики! — загремел Тарасов. — Нашлись тут кисейные барышни!!

Ох, и досталось мне тогда…

Я еще был юный, неопытный. После каждой тренировки уходил со льда весь в синяках и ссадинах. Бывало, как бросит кто-нибудь в упор, я с обидой на этого игрока клюшкой замахиваюсь:

ты что, мол, убить меня хочешь?

А Тарасов тут как тут:

— Ах, вам больно, молодой человек? Вам надо не в хоккей, а в куклы играть.

Потом отмякнет немного:

— Запомни: тебе не должно быть больно. Забудь это слово — "больно". Радуйся тренировке. Ра-дуй-ся!

Впоследствии много раз я с благодарностью вспоминал те уроки.

До сих пор в сборной, подобно легенде, рассказывают историю, как Анатолий Владимирович учил хоккеистов смелости. Однажды после длинной, утомительной тренировки он вдруг объявляет:

— Со льдом покончено. Бежим в бассейн.

Дело было в ЦСКА, бассейн там в двадцати метрах от Дворца спорта. Прибежали ребята, разделись, ждут, что дальше делать. Тарасов показывает на Бориса Майорова:

— За славным капитаном команды все на пятиметровую вышку бегом марш! А оттуда — головой вниз! Ну-ка, Боря!

Майоров поднимается и нерешительно идет к вышке, а Сологубов ему шепчет:

— Ты попроси Тарасова — пусть он вначале сам покажет. Борис мгновенно сориентировался:

— Анатолий Владимирович, а мы не знаем, как надо прыгать вниз головой. Просим показать.

Все сидят на скамеечке, с интересом смотрят. А тренер, как он потом говорил, ни разу в жизни не нырял и вообще высоты побаивался. Пошел он на вышку. Хорошо, что навстречу ему попался один настоящий прыгун. "Вы, — говорит, — не отталкивайтесь, а просто падайте на воду головой вниз".

Тарасов смело встал на краю мостика, задумался на минуту и прыгнул. И, конечно, плашмя ударился о воду. Но зато вслед за

ним прыгнули все остальные. И не по одному разу. На вышку полез даже хоккеист, который не умел плавать. Его отговаривают:

тебе, дескать, нырять не обязательно, посиди. А он:

— Еще подумает тренер, что я трус. Всей командой потом его выуживали из бассейна. А как наши наставники учили защитников ловить на себя шайбу! Они ставили игрока в ворота — в полной амуниции, но без клюшки и с синей линии его "расстреливали". Защитник должен был отбивать шайбу своим телом. Все через это прошли. А почему, вы думаете, так отчаянно смело ложились под шайбу Рагулин, Давыдов, Ромишевский, Кузькин, Брежнев, Зайцев?..

Хоккей — занятие само по себе суровое, а если соперник попался, мягко говоря, невоспитанный, то здесь уж надо уметь и постоять за себя.

В далеком 71-м году мы проводили за океаном серию товарищеских матчей с любительской сборной США. Американцы подобрались драчливые. Что ни игра — лезут на рожон, затевают стычки, пускают в ход кулаки. Однажды, в тот момент, когда на льду осталось трое наших хоккеистов и четыре соперника, они в очередной раз затеяли побоище. Судьи были такие нерешительные! Вижу я — дело плохо, достается нашим. А у вратарей есть неписаный закон: что бы ни происходило на площадке, стой в воротах и не вмешивайся. Обе команды в полных составах могут выяснять отношения, голкиперов же это как будто не касается. Поглядывают себе издалека, настрой берегут. Я этого правила всегда придерживался строго. Да и по натуре своей никогда драчуном не был. Но тогда, каюсь, не выдержал, вступился за своих. Зачинщик драки капитан американцев Кристиансен, наверное, долго будет помнить тот матч. Отбил я ему охоту кулаками размахивать.

Конечно, случай из ряда вон выходящий. Больше я такого не припомню. И хорошо.

Умение терпеть боль, преодолевать страх требуется, конечно, не только хоккеистам. Да и не только спортсменам вообще. Жизнь на каждом шагу проверяет нас на прочность. Кстати, хоккеистам в трудные минуты было легче, чем представителям других видов спорта. И знаете почему? Нам помогало славное прошлое нашего хоккея. Оно как благодатная, хорошо удобренная почва для корневой системы могучего дерева. Когда ты помнишь о блестящих победах твоих предшественников, когда ты воспитан на доблестных традициях, тогда силы и отвага словно удваиваются.

В 1969 году я закончил школу, а осенью успешно сдал экзамены на заочное отделение института физкультуры.

Конечно, учиться мне было нелегко. После тренировок устанешь, случалось, так, что книжки из рук валятся. Но

пересиливаешь себя: черный кофе, холодный душ — и за учебники.

Уроки, уроки… Наблюдая изо дня в день за своими старшими товарищами, я старался перенять у них безоглядную, самозабвенную любовь к хоккею, привычку трудиться до седьмого пота.

Даже просто находиться в одной раздевалке со взрослыми мастерами ЦСКА было для меня радостью, я испытывал ощущение праздника, своей причастности к чему-то волнующему, большому. По ночам я, бывало, просыпался и думал: скорее бы утро — снова оказаться рядом с новыми товарищами, снова окунуться в атмосферу праздника. Очень долго не проходило это ощущение.

Великий труженик хоккея Анатолий Фирсов был для меня примером отношения к тренировке. Никто не работал больше него. Он весь состоял из упругих мышц. А каким неудержимо яростным Фирсов был в игре! Выходил он на площадку, и трибуны сразу начинали гудеть в предвкушении гола. Фирсовского "щелчка" смертельно боялись вратари. Шайбу он посылал с такой силой и скоростью, что уследить за ней было невозможно. Мы особенно ценили Анатолия за то, что в трудные минуты он умел повести за собой команду, сплотить ребят. Он был капитаном ЦСКА, играющим тренером. Как жаль, что не удалось ему встретиться на льду с канадскими профессионалами… Какая бы захватывающая это была дуэль — Фирсов против Эспозито! В 1972 году Анатолий, по моему мнению, вполне заслужил включения в сборную СССР — он тогда играл великолепно, а в начале года стал трехкратным олимпийским чемпионом, но, увы, сложилось так, что за океан Фирсов не поехал… '

…Прошло некоторое время, и ко мне пристало прозвище — "Дзурилла". Наверное, потому, что у меня и у блиставшего тогда

чехословацкого вратаря были похожие имена — Владислав, Вла-до. Я ничего против не имел, моему самолюбию даже льстило, что армейцы хоть и косвенно, но ставят меня рядом с великим голкипером. Первым вратарем ЦСКА тогда был Коля Толстиков, и "Дзу-рилла" с удовольствием носил не только свою, но и его клюшку. Коля меня многому научил. Ученик же в итоге оказался "неблагодарным" — вытеснил коллегу с первых ролей.

До сих пор у меня осталось какое-то чувство вины перед Колей, перед Лапшенковым, перед Адониным: я невольно загораживал им дорогу наверх. Психологически им было трудно заставить себя работать в полную силу, зная, что Третьяк почти наверняка останется первым вратарем. Хотя если объективно

рассуждать, то какая тут вина? Разве стал бы я мешать, если бы кто-то вдруг заиграл лучше меня?..

Я уже был первым вратарем ЦСКА, а Колину клюшку все равно носил, и никто этому у нас не удивлялся.

В 1971-м в Швейцарии состоялось мое "утверждение на должность" основного голкипера сборной СССР. Приехал я на предварительные игры чемпионата мира в Берн вторым номером, а уезжал из Женевы две недели спустя первым.

До сих пор храню в памяти ощущение силы, свежести, уверенности, которое не покидало меня весь тот сезон. Все получалось! В чемпионате страны, в неофициальных международных матчах, в главных турнирах — везде… Вот был сезон!

В конце декабря меня взяли в составе взрослой сборной за океан, а юниоры отправились на европейское первенство в Женеву. Вратарем у них был спартаковец Виктор Криволапов. Неожиданные обстоятельства потребовали от Виктора срочно вернуться домой. Руководители хоккея решили, что заменить его должен я.

31 декабря я прилетел из Северной Америки в Москву, 1 января отправился в Женеву, а 2-го вышел на лед.

Помню вытянутые от удивления, ошеломленные лица чехословацких юниоров, когда они увидели меня в столовой: "Вот так сюрприз!" А я про себя подумал: "Фора за нами!"

За команду юниоров тогда играли Лебедев, Анисин, Бодунов, тренером команды был Н.Эпштейн.

До этого я трижды участвовал в молодежных чемпионатах континента: в 1967 году мы заняли второе место, а затем привозили на родину только "золото". Не стал исключением и женевский турнир.

А спустя два с половиной месяца — снова Альпы, опять знакомые, уютные катки. Основным вратарем был, как и прежде, Виктор Коноваленко. Однако в тот раз у него не заладилось, не пошла игра. Кстати, оба матча с нашими главными соперниками — чехословацкими хоккеистами — тогда сложились неудачно: первый завершился вничью (3:3), а второй сборная СССР проиграла (2:5). Мне доверили матч с финнами (10:1) и с ФРГ (12:2).

И вот настал черед решающих поединков. Тарасов меня предупреждает: "Будешь играть с американцами".

А я бы рад, да не могу: накануне простудился, температура поднялась почти до 40 градусов. Играть больным в воротах — не всегда подвиг. Можно и подвести команду: пропустил шайбу, вторую, и ситуацию, глядишь, уже не исправить.

Ох, и отругал меня тогда тренер! Следить за своим здоровьем, тщательнейшим образом беречь его — это тоже долг спортсмена, непременное условие его жизни — такова в нескольких словах суть той тарасовской гневной речи. "Кстати, профессионалов за такие вот болезни (если доказана оплошность спортсмена, его вина) беспощадно штрафуют", — добавил он.

Но что там тренерский гнев… Я и без того переживал, глаза поднять боялся.

Наконец наступает кульминационный момент — матч со шведами. Надо было обязательно побеждать. Выиграем — мы чемпионы мира, уступим — главный приз уедет в Прагу. Я к тому дню уже почти поправился. И накануне матча Тарасов меня предупреждает:

— Завтра будешь играть.

Честное слово, всю ночь не сомкнул глаз. Казалось, решается судьба. Сегодня или никогда. Но более всего страшила перспектива подвести товарищей, не оправдать надежд тренеров. Мне еще не исполнилось и 19 лет…

По правде сказать, шведы тогда выше третьего места подняться уже не могли. Перед матчем они даже не вышли на "раскатку".

Но в психологическом плане преимуществом владели наши соперники. Они могли себе позволить играть свободно, без оглядки, на их плечи не давил груз огромной ответственности.

Мы сначала повели в счете — 2:0, и работы у меня было не очень много. Но, кажется, рановато успокоились наши форварды. Шведы вовсе и не думали сдаваться без борьбы. Две шайбы почти подряд влетают в мои ворота, потом еще одна. Вот тебе раз!

Перерыв. В раздевалке Тарасов устроил такой разнос… Всем досталось, даже прославленным ветеранам. И только меня пощадил разгневанный наставник. Похлопал по плечу:

— Ничего, мальчик, все нормально. Терпи.

После Анатолия Владимировича за команду взялся А.И.Чернышев. Аркадий Иванович почти не повышал голоса, да это ему и не требовалось. Сама манера его поведения — уравновешенная, мудро-спокойная, уверенная — благотворно действовала на коллектив. Чернышева, по-моему, ничто не могло вывести из себя. Забегая вперед, вспомню эпизод из олимпийского турнира в Саппоро. Однажды один из соперников нашей команды явно умышленно, желая как-.то нас раздразнить, спровоцировать, бросил шайбой в Аркадия Ивановича, который стоял у скамьи. Чернышев даже не переменил позы: как стоял, облокотившись о бортик, так и остался стоять. А хулигана того, к слову сказать, наши ребята крепко проучили.

Столь непохожие во всем, Тарасов и Чернышев прекрасно дополняли друг друга, являли блистательный сплав мудрости, опыта, темперамента, педагогического таланта, преданности делу. Такого тренерского дуэта не знал и, возможно, никогда не узнает мировой спорт.

Так вот, в тот раз, в Женеве, Аркадий Иванович нашел какие-то веселые слова, растормошил нас, заставил улыбаться.

— Вы же сильнее, черти непутевые! Вам же тут равных нет…

Но и Тарасов, оказывается еще не все сказал. Уловив перемену в нашем настроении, он перед самым выходом на лед сел на скамейку и будто бы для себя запел: "Это есть наш последний и решительный бой…"

Так запел, что у нас глаза влажными сделались. Нам уже ничего не требовалось говорить. Мы рвались на лед.

6:3! В девятый раз подряд советские хоккеисты стали чемпионами мира. И еще один рекорд был зафиксирован в Женеве: в девятый раз чемпионами провозгласили Александра Рагу липа, Вячеслава Старшинова и Виталия Давыдова.

— Ну вот, Владислав, — как-то по-особенному пожал мне руку Тарасов, — ты теперь основной вратарь сборной. И из Москвы есть приятная новость: коллегия Спорткомитета присвоила тебе звание "Заслуженный мастер спорта".

Помню, как будто это случилось вчера. А случилось это 3 апреля 1971 года.

Потом был первый олимпийский турнир. Саппоро, 1972 год.

Та Олимпиада оказалась последней без колючей проволоки, высоких заборов, жесткого режима охраны — словом, без всего того, что стало затем появляться в связи с угрозой террористических актов. Игры в Саппоро благополучно обошлись без сторожевых собак, им сопутствовала атмосфера и дружбы, и доброты. Правда, вначале были серьезные опасения, что Белая олимпиада будет белой только по названию: снега до февраля на острове Хоккайдо не было. Однако накануне открытия Игр небеса над островом буквально разверзлись, снег валил несколько суток подряд. А стоило Играм закончиться, как на следующий день резко потеплело, пошел дождь, и за несколько часов весь снеговой покров исчез, будто его и не было.

Что запомнилось в Саппоро? Матч со шведами был единственным, в котором мы потеряли очко (он закончился вничью — 3:3). Перед хоккейным турниром новый наставник "Тре крунур" бывший профессионал Билл Харрис самоуверенно пообещал сделать шведов чемпионами. После этой ничьей многие решили, что Харрис, быть может, сдержит свое слово.

Но надежды питали шведов недолго: они проиграли

командам ЧССР и Финляндии. Затем заставили о себе говорить задиристые парни из команды США, которые со счетом 5:1 одолели сборную Чехословакии. Журналисты писали в том духе, что эти забияки еще покажут себя и что даже русской команде следует опасаться остроты их зубов. "Осторожно, они кусаются" — так прямо и назвала свой репортаж одна местная газета. Преувеличивали, однако, возможности американцев. Мы без особого напряжения выиграли у них — 5:2.

С таким же счетом закончился и наш последний матч на олимпийском турнире — с командой Чехословакии. Вначале трижды подряд ошибся Дзурилла (редкий случай!), и мы повели — 3:0. Затем, особенно в третьем периоде, соперники предприняли ряд ожесточенных попыток переломить ход борьбы. Но им это уже не удалось.

В составе той команды, в третий раз подряд завоевавшей олимпийское золото, плечом к плечу на лед выходили Александр Рагулин, Анатолий Фирсов, Евгений Мишаков, Виталий Давыдов, Александр Мальцев, Валерий Харламов, Александр Якушев…

Мне в Саппоро удалось стать самым результативным голкипером, то есть пропустить шайб меньше всех других вратарей.

Развенчанный миф

Для всех болельщиков хоккея 1972 год — особенный. Он знаменателен тем, что наконец-то после долгих переговоров, сомнений, споров сильнейшие хоккеисты-любители встретились с лучшими хоккеистами-профессионалами. Без всякого преувеличения можно сказать, что 1972 год открыл новую эру в истории мирового хоккея.

Не знаю, как для других, а для меня те осенние дни — самые памятные в жизни.

Монреаль, 2 сентября 1972 года. Вспоминаю — и озноб по коже…Точности ради надо сказать, что впервые наши хоккеисты встретились на льду с профессионалами еще в 1954 году, на мировом чемпионате в Стокгольме. Тогда в составе канадской команды были два бывших профессиональных игрока из "Бостон брюинс" — Шилл и Унгер. Сборная СССР выиграла у Канады со счетом 7:2. В 1955–1958 годах наши играли в Великобритании, Франции, Швеции и Голландии с командами, в которые входили бывшие канадские профессионалы. Шестнадцать раз победу тогда одерживали наши спортсмены.

Что касается истории встреч с канадскими любительскими командами, то здесь дело обстояло так: до 1961 года любители из Страны кленового листа играли в хоккее ведущие роли (только на зимней Олимпиаде 1956 года они уступили советской сборной), а затем канадцев потеснили хоккеисты СССР, Чехословакии и Швеции. До 1969 года канадцы выступали почти на всех чемпионатах мира, однако потом долгое время игнорировали эти соревнования. Почему? Не потому ли, что в 69-м канадские любители испытали потрясение, от которого долго не могли оправиться? Во время турне по Канаде сборная СССР одержала десять побед в десяти матчах. 24 января в Оттаве встреча закончилась со счетом 10:2 в пользу наших спортсменов, причем шесть шайб забросил тогда Анатолий Фирсов.

…Еще задолго до серии игр 1972 года многие пытались предсказать исход этого поединка. Анализировали, разлагали игру на различные компоненты, сравнивали, строили догадки. Вопрос, как правило, не ставился так: кто сильнее? Обычно специалисты высчитывали, насколько профессионалы сильнее любителей, с каким преимуществом они добьются победы. Лично я знаю только два противоположных прогноза. Первый из них родился так. Хоккейный обозреватель ТАСС летом 1968 года обратился к шестикратному чемпиону мира Борису Майорову с предложением "сыграть" на бумаге матч СССР — "Монреаль

канадиенс". Майоров выставил свои оценки по тринадцати компонентам игры, взяв за основу пятибалльную систему.

Он отдал преимущество советским хоккеистам в физической подготовленности (5:3), командном умении контролировать шайбу (5:4), осуществлении передач (5:3), реализации численного преимущества (4:3). Канадцы, по его мнению, были сильнее в бросках (4:3), силовой игре (5:4), игре вратарей (5:3), обороне (4:3,5). Равные оценки Майоров выставил в технике катания на коньках (4:4), индивидуальном контроле шайбы (4:4), игре в меньшинстве (4:4), нападении (4:4), в общем характере игры (5:5). Общий итог сопоставления мастерства получился таким — 53,5:51 в пользу сборной СССР.

Обратите внимание на следующее обстоятельство: Б.Майоров тогда отдал безоговорочное предпочтение канадским голкиперам. Он объяснил это так: "Вратари за океаном феноменальные, поистине фокусники. В числе лучших из них ветеран "Монреаль канадиенс" Л.Уорсли и его юный дублер Р.Вашон".

Я в то время играл за юношескую команду, еще и не ведая о том, что будет в 1972-м…

Пожалуй, самый меткий прогноз сделал профессионал Карл Бревер из Торонто, который в том же 1968 году заявил, обращаясь к советским хоккеистам: "Если бы вы приехали на серию матчей в Канаду, то в первых встречах победили бы канадцев. Позже канадцы победили бы вас. Профессионалы, пока не будут биты, ни в ком из любителей серьезного противника не видят. Значит, вероятна их неполная мобилизация в начале серии".

Но, повторяю, таких голосов было мало, они тонули в хоре других пророчеств, предсказывавших любителям неминуемый разгром.

Перед началом серии чуть ли не все канадские газеты писали, что самое слабое место в советской команде — это вратарь Третьяк. Для этого у них были веские основания. Дело в том, что наблюдатели их НХЛ в августе приезжали в Москву и присутствовали на товарищеском матче сборной СССР с ЦСКА. Я в этот декь играл хуже некуда и пропустил немыслимо много голов — девять. Почему так произошло, скажу позже. А специалисты из Канады записали в свои блокноты: "Третьяк, кажется, еще очень молод, чтобы выстоять против НХЛ. В трудных ситуациях он проявляет нерешительность. Вратарь — самое ненадежное звено в советской команде". Эти слова затем и появились в канадских газетах.

Кроме этого в газетах было еще немало интересного. Журналисты Канады и США словно соревновались между собой: кто сильнее запугает нашу сборную. В одной статье утверждалось,

что канадские суперзвезды своими бросками пробивают хоккейные борты. В другой корреспондент обещал съесть номер своей газеты, если мы забьем профессионалам хоть одну шайбу. Известный канадский обозреватель писал в эти дни: "Величайшая хоккейная команда Канады готова к матчам. Все считают, что она будет ослепительна как никогда. Мы приготовились зажечь свечи по русским игрокам".

Мне не хочется строго судить такую очевидную самоуверенность. Канадцы всегда считали своих (и только своих!) хоккеистов абсолютно непобедимыми — с этой мыслью жило не одно поколение. Нас же они никогда не принимали всерьез и никогда не интересовались тем, что же такое — хоккей по ту сторону океана. Во всей Канаде не было, по-видимому, ни одного человека, который бы сомневался в победе профессионалов. Да что в Канаде… Почти все наши болельщики тоже отдавали предпочтение канадцам, о которых ходило столько легенд…

Единственный канадский хоккеист, которого я прежде видел в игре, — вратарь Кен Драйден. Он в 1970 году был вторым голкипером в любительской сборной Канады. Тогда (кажется, в Ванкувере) Драйден пропустил во встрече с нами девять шайб.

…Итак, 2 сентября 1972 года… В день первого матча мы приехали в "Форум" на утреннюю тренировку. На льду увидели своих будущих соперников. Показалось, что шайбы после их бросков так и свистят в воздухе. По площадке они не катаются — летают. У нас до тренировки оставалось еще какое-то время. Сидим на трибуне, притихли, смотрим. Каждый думает: ну и ну, достанется нам… Тогда наш тренер Всеволод Михайлович Бобров говорит:

— Выше головы, ребята! Это они фасонят перед нами. Ишь, какие легкомысленные! На этом-то мы их и поймаем, а?

Мы будто очнулись.

Незадолго до начала матча к нам в раздевалку пришел Жак Плант. Да-да, он самый — знаменитый "укротитель шайб", лучший канадский вратарь всех времен. Плант пришел вместе с переводчиками и очень удивил нас тем, что стал подробнейшим образом объяснять, как мне, вратарю, следует играть против Маховлича, Эспозито, Курнуайе, Хендерсона…

— Будь внимателен, — сказал Плант, — когда на льду Фрэнк Маховлич. Он бросает по воротам беспрерывно, с любых дистанций, из любых положений. Подальше выкатывайся ему навстречу. Учти, Иван Курнуайе — самый быстрый нападающий в НХЛ, а Денис Халл может забросить шайбу с красной линии. И помни: самый опасный игрок в нашей команде — Фил Эспозито. Этот парень посылает шайбу без подготовки даже в малюсенькие

щели ворот. Не спускай с него глаз, когда он на "пятачке". Здесь защитники сладить с ним не могут.

Это не забудется никогда. Осень 1972 года.

Первые встречи с канадскими профессионалами

Чтобы было нагляднее, Плант показал мне все это на макете, попрощался и ушел. Так до сих пор я и не знаю, чем руководствовался канадский вратарь, "играя" против своих. Может быть, он чувствовал жалость ко мне, мальчишке, которого собрался растерзать Эспозито? Не знаю… Только спасибо Планту, его советы мне очень помогли.

Потом началась игра. Я разминался так тщательно, как никогда. Представили игроков. Наши фамилии были встречены молчанием, а когда стали называть канадцев, трибуны взревели так, что у меня колени затряслись. Я почувствовал даже что-то вроде испуга. Но встал в ворота, и все прошло. Что было дальше? Свой рассказ я, так сказать, для наглядности попробую "иллюстрировать" цитатами из книг, вышедших в Канаде после той незабываемой серии.

Вот что пишет в книге "Вбрасывание века" Ж.Терру: "Когда Третьяк пропустил первую шайбу на 30-й секунде, все стали кричать:

"Мы съедим их сырыми! Какого черта они здесь делают?!"

Да, так оно и было. Шум тогда поднялся чудовищный. Мне показалось, что на трибунах началось какое-то всеобщее безумие. Рев, треск, свист.

— 0'кэй, — покровительственно похлопал меня рукавицей Фил Эспозито, открывший счет. Мол, не переживай, паренек. Вспомни, с кем играешь.

— 0'кэй, — скорее по инерции пробормотал я в ответ. Выли сирены, вспыхивали мигалки, электроорган играл "Подмосковные вечера". До сих пор удивляюсь, как нас это все не сбило с толку… Еще более яростное ликование захлестнуло трибуны, когда Хендерсон на 6-й минуте забил мне вторую шайбу. Орган заиграл похоронную музыку.

Но затем все встало на свои места. Мы освоились и выиграли со счетом 7:3, повергнув своих соперников в состояние шока. На них просто жалко было смотреть. Зрители бурно аплодировали нам.

На следующее же утро Валерию Харламову предложили миллион долларов за то, чтобы он перешел в НХЛ.

— Без Петрова и Михайлова согласиться на переход не могу, — в шутку ответил Харламов.

Канадцы приняли его слова за чистую монету.

— О, мы все уладим. Они получат столько же. Увы, тогда

даже шутить на эту тему было рискованно. Ни о каких контрактах с канадцами не могло быть и речи. Сотрудники КГБ сопровождали команду во всех ее зарубежных поездках.

…Пришлось тому журналисту, который пообещал съесть свою статью, выполнять обещание. В Торонто перед отелем, где мы остановились, он уселся на ступеньки лестницы, поставил рядом с собой тарелку супа и попросил, чтобы я бросил ту злополучную газету в его суп. Мне было неудобно. Я отказался. Он настаивал. Откуда-то по

явились операторы телевидения. Стать героями такого сомнительного представления отнюдь не входило в наши планы, и мы решили уйти. Тогда корреспондент сам мелко покрошил кусок газеты в суп и все это съел с плохо скрываемым отвращением.

После нашей победы газеты резко изменили тон. Теперь уже они на все лады расхваливали наших хоккеистов и последними словами ругали своих любимцев. Ж.Терру, рассказывая об этом матче в своей книге, отметил: "Третьяк несколько раз спасал ворота от верных голов. Ф.Маховлич не мог скрыть своего восхищения этим молодым голки-

пером. Он сказал мне: "Каждый раз, когда я пытаюсь атаковать его ворота, мне кажется, что Третьяк наперед знает любое мое движение. Словно мы с младенчества играем друг против друга".

Кстати, Фрэнка Маховлича я тоже запомнил очень хорошо. Позже, в Ванкувере, когда канадцы проигрывали нам три гола, я чуть было не сцепился с этим канадцем. Соперники тогда очень нервничали. В мою сторону скользила шайба, за ней мчался Маховлич, но я успел раньше, отбил. Тогда Маховлич сбил меня с ног и уселся сверху. А свистка нет, игра продолжается. Ну, думаю, забьют нам сейчас. Изо всех сил пытаюсь встать, но он здоровый парень. Решил: поднимусь и отделаю канадца. Но тут публика начала свистеть, и Маховлич освободил меня.

Никто больше не писал, что вратарь — самое слабое звено в советской команде. Однажды ко мне подошел один из тех канадских наблюдателей, которые присутствовали в Москве на матче сборной и ЦСКА.

— Отчего же в тот день вы пропустили девять шайб? — спросил он. — Наверное, это была хитрость? Вы хотели нас сбить с толку?

— Нет, — рассмеялся я, — просто на следующий день у меня должна была состояться свадьба. Я думал об этом и не мог как следует настроиться на игру.

— О, поздравляю, — с изумлением ответил мой

собеседник. — Тогда все ясно.

Специалистов профессионального хоккея в те дни чрезвычайно удивляло, что наши ребята не уступают канадцам в силовой борьбе, которая, как известно, считалась традиционным преимуществом североамериканского хоккея. Мы у себя в ЦСКА тем летом специально

готовились к жесткой игре. Тренеры придумали множество разных упражнений для отработки силовых единоборств. Они учили нас не бояться столкновений, мы устраивали "петушиные бои" и даже тренировались в боксе.

Напомню, что в Торонто, во втором матче серии-72, победили хозяева — 4:1, в Виннипеге мы сыграли вничью — 4:4, в Ванкувере успех снова сопутствовал нашей сборной — 5:3.

В Ванкувере канадские болельщики стали впервые освистывать своих любимцев. Сразу после игры Фил Эспозито давал интервью

телевидению. Честное слово, мне было его жаль. Весь мокрый, растерянный, с запавшими глазами, он обиженно говорил в протянутые ему микрофоны:

— Я работал на двести процентов, а вы недовольны. Я еще никогда не слышал упреков в свой адрес. Кто же знал, что русские так сильны? Нам всю жизнь вдалбливали, что они — сосунки, а на деле с каждым из этих парней может подписать контракт любой клуб НХЛ…

Зато мы были счастливы. Пожалуй, мы радовались даже чересчур. Ведь еще предстояли четыре встречи в Москве, а кое-кто в

команде уже уверовал, что мы сильнее канадцев. Рассуждали примерно так: "Ну, если за океаном наша сборная выиграла два матча, то дома она должна победить во всех четырех". А ведь известно, что любая, даже самая маленькая, самоуверенность в спорте наказывается немедленно.

13 сентября, за неделю до первого ответного матча в Москве, канадцы прилетели в Стокгольм, чтобы в двух играх со шведской сборной акклиматизироваться и привыкнуть к большим каткам.

Первый матч они выиграли 4:1, а во втором ушлли от поражения лишь за 47 секунд до финальной сирены (4:4). Шведские газеты ругали гостей за грязную игру, шведы были ошарашены тем, что профессионалы устроили побоище даже во время перерыва — у входа в раздевалку хозяев.

Б.Майоров, специально направленный в Стокгольм, чтобы понаблюдать за этими встречами, вернувшись, сказал: "Канадцы едут к нам очень сердитые".

В первом ответном матче победа была за нами — 5:4. В двух

других, отличавшихся упорной, я бы даже сказал ожесточенной, борьбой победили канадцы — 3:2, 4:3. Причем эти встречи дали возможность московскому зрителю увидеть "изнанку" профессионального хоккея: грязные приемы, удары, запугивание судей, оскорбительные выкрики в адрес соперников — все это канадцы продемонстрировали не стесняясь. Наши болельщики, привыкшие к другой манере спортивного соперничества, были попросту шокированы. Многие требовали раз и навсегда прекратить контакты с профессионалами.

Драматично сложился для нас последний матч в Москве. После второго периода мы были впереди — 5:3, и исход встречи уже почти не вызывал сомнений. Но Эспозито и Курнуайе сумели сравнять счет. Ничья? Остается всего семь минут до финальной сирены. Да, скорее всего будет ничья, и тогда по разнице забитых и пропущенных шайб (она у нас лучше) мы сможем считать себя победителями всей серии. Наверное, так подумали наши игроки, подумали и… изменили своему обычному стилю, перешли к обороне. "Вместо постоянного наступления, которое их никогда не подводило, русские стали откатываться назад, — писал в своей книге "Хоккейное откровение" тренер канадцев Г.Синден. — Это предоставило нам лучшие возможности… Теперь более чем когда-либо раньше мои парни были настроены победить. Наши соперники стремились сохранить ничью. Мы — нет…"

И за 34 секунды до конца матча (за 34!) Хендерсон вывел профессионалов вперед — 6:5. Этот гол я всегда буду считать самым обидным из всех пропущенных.

Шайбой тогда владели наши хоккеисты. А Пол Хендерсон, спот-кнушись, распластался за моими воротами. Но тут следует небрежный пас Васильева, и Курнуайе перехватывает шайбу. Никто не понял, что произошло. Полу пас следует как подарок судьбы, он явно не ждет его. Но… Все остальное — дело техники.

Я вообще считаю, что именно Хендерсон стал главным героем той серии. Не Эспозито, как думают многие. Пол забил решающие голы в двух последних играх. Он стал легендой за океаном. Любой канадец скажет вам, где находился и что делал было в двух случаях:

когда стреляли в президента Д.Кеннеди и когда Пол Хендерсон забивал победную шайбу в серии-72. Кстати, сам Пол считает, что

тот подарок сделал ему Всевышний. Уйдя из хоккея в 81-м, он стал очень религиозным человеком, одним из директоров христианской благотворительной организации "Атлеты в действии". "Прежде я никогда не был набожным человеком, — признался мне Пол, когда мы встретились с ним недавно в

Оттаве. — Но потом внутри меня случился разлад, жизнь стала мукой. И в религии я нашел спасение".

Тогда же Хендерсон сказал мне, что в 72-м ненавидел нас, как самых заклятых врагов. Да разве только он?.. Мы были пугалом

для большей части человечества. А сами, в свою очередь, черт знает что думали о канадцах. Не будет преувеличением сказать, что та серия стала первым мощным импульсом к сближению Востока и Запада, к взаимопониманию, к возникновению доверия. Еще далеко до крушения тоталитарной системы, еще крепок лед "холодной войны", но рука к дружбе уже протянута и сделали это мы, хоккеисты.

После серии канадский вратарь Кен Драйден выпустил книгу своих воспоминаний о тех матчах. Записки Драйдена в основном

посвящены перипетиям самой игры. Но в его рассказ органично вплетаются также впечатления от прогулок по нашей столице. Канадский вратарь подробно рассказывает о посещении Красной площади, Кремля, Большого театра. Он невольно восхищается красотами огромного современного города, перед поездкой в который им рассказывали столько небылиц. "Наш номер в "Интуристе" оказался вполне приличным. Всей команде тут же предложили поужинать в отведенном ддя нас зале на втором этаже. К нашему удивлению, подали отличный бифштекс…"

Прогуливаясь по Москве между играми и тренировками, Драйден делает одно приятное открытие за другим. Оказывается, у русских есть магазин (ГУМ), который можно назвать одним из самых крупных торговых центров в мире. "Мы увидели огромную Царь-пушку, — пишет автор и тут же добавляет: — Слишком большую, чтобы из нее можно было палить". Как вы думаете, будут ли верить канадские болельщики, прочитав эту книгу, идиотским мультфильмам о диких медведях из России? Думаю, что нет. А ведь хоккеем в Канаде интересуются почти все жители, многие из которых наверняка прочитали честную книгу своего голкипера.

Гостеприимная Москва в тот год заставила канадских профессионалов — я уже не говорю о болельщиках — по-иному взглянуть и на свой хоккей. В чемпионате НХЛ грубость считалась суть ли не главным достоинством игроков. Драйден же рассказывает о грязной игре канадцев на московском льду с чувством некоторой вины. И добавляет в конце книги, что тренерская установка на такую игру была ошибочной.

Еще долго по обе стороны океана не утихали страсти, вызванные матчами 1972 года. "Сыграна блестящая серия! —

писала в редакционной статье американская "Крисчен сайенс монитор". — А ее заключительный матч был одним из тех редких моментов в спорте, когда все прежние рекорды, стратегия и хвастливые утверждения отбрасываются в сторону и соперники сражаются вплоть до финальной сирены. Это высший момент в спорте, и он требует от игроков интенсивных усилий — большой сосредоточенности и энергии, подкрепленных огромным эмоциональным настроем. Канада изменила ничейный счет буквально за секунды до окончания матча. Победа осталась за ней. Но и престиж советского хоккея очень выгадал от этой серии".

Два года спустя состоялась новая серия встреч с канадскими профессионалами, только на этот раз представлявшими не НХЛ, а недолго просуществовавшую Всемирную хоккейную ассоциацию (ВХА). После этой серии в Москве был выпущен документальный фильм, названный "Владислав Третьяк против Бобби Халла". Авторы фильма не случайно сделали акцент на моей дуэли с Халлом. Именно Бобби Халл был самой большой опасностью для наших ворот.

Но расскажу обо всем по порядку.

В Монреале у нас была пересадка на рейс до Квебека. В аэропорт нагрянули журналисты. Со всех сторон на меня посыпались вопросы:

— Готовились ли вы специально к матчам с профессионалами?

— Конечно. Так же, как и профессионалы к матчам с нами.

— Как вы оцениваете команду Билла Харриса?

— Никак. Мы абсолютно не представляем, что это за команда и в какую силу она играет.

— Каким, по-вашему, окажется итог этих встреч?

— Успешным для нас.

Сказав это, я внимательно смотрю на канадских журналистов. Два года назад мои слова вызвали бы у них саркастические ухмылки.

Теперь же лица репортеров остаются совершенно бесстрастными, будто я сказал нечто само собой разумеющееся. А ведь фактически я заявил следующее: мы побьем сборную ВХА. Позже, в Квебеке, мы узнали из канадских газет, что профессионалам дружно предрекают чуть ли не разгром. Куда, мол, вам против русских, если даже сборная НХЛ не могла против них устоять…

Из отеля "Хилтон", где нас разместили, едем на тренировку. Зрелище — необкновенное! Наш автобус без остановок мчится по всему городу в окружении полицейских на мощных "Харлеях".

Ревут сиреены, крутятся мигалки. На всех перекрестках нам дают зеленую улицу. Никто не может нас обогнать. Люди машут нам руками с тротуаров и из машин.

Дворец спорта во время тренировки забит почти до отказа. Сборная ВХА в полном составе пришла взглянуть на нас. Старший тренер Борис Павлович Кулагин показывает нам: вон знаменитый бомбардир Бобби Халл, а вот неувядаемый 46-летний Горди Хоу. Некоторых мы узнаем сами: Фрэнка Маховлича, Хендерсона, Степлтона…Встречались с ними два года назад. Канадцы невозмутимо жуют свою резинку, молча смотрят на лед.

— А ну, покажем им, что мы умеем делать, — говорит Борис Михайлов.

Ну и тренировка! Стараемся вовсю! Я стою в воротах так, словно идет решающий матч. Знай, мол, наших. Настроение у ребят прекрасное. Только бы не расплескать боевой запал!

17 сентября, в день первого матча, "Колизей" по самую крышу был забит публикой. Матч еше не начался, а трибуны уже бушевали. Играл электроорган, пронзительно вскрикивали трубы, гремели кастрюли и барабаны. Это напоминало настоящую психическую атаку. Но если два года назад мы были ошарашены такой немыслимой какофонией, то теперь спокойны. Гремите себе на здоровье. Лично я любил играть, когда болельщиков много. Когда страсти на трибунах накалены. Я чуствовал при этом какую-то особую окрыленность, прилив сил, вдохновение.

Матч начался атаками хозяев. Они повели — 1:0. В перерыве мы получили такую установку: "укатать" соперников. Темп, темп, темп! Итог встречи: ничья — 3:3. Работать мне пришлось так много, что если спросить, как проходила игра, то я вряд ли смогу обстоятельно рассказать о ней: весь матч для меня слился в почти непрекращающийся обстрел. Будто на площадке была не одна, а по меньшей мере с десяток шайб, которые канадцы беспрерывно швыряли в мои ворота. Думаю, впрочем, что похожее чувство испытал и канадский вратарь Джерри Чиверс. Он играл блестяще!

Запомнилось несколько эпизодов. Бернье из выгоднейшей ситуации бросает по воротам, я отбиваю шайбу, а соперник в досаде ломает о борт свою клюшку. Будто клюшка виновата. За 34 секунды до финального свистка кто-то из канадцев, кажется Ф.Маховлич, неожиданно выходит со мной один на один, но я по своему обыкновению стремительно выкатываюсь ему навстречу, Маховлич теряется и мажет. Два гола забил мне Бобби Халл. Не зря про него рассказывают легенды. Вот это бросок! Я почти не видел шайбы. Очень надежный защитник — Трамбле. А у нас лучшим, безусловно, был Харламов. Его стремительные проходы надо было снимать на кинопленку и как наглядное пособие

показывать во всех хоккейных командах — от "Золотой шайбы" до высшей лиги.

Харламов был заметной звездой даже на фоне целого созвездия мастеров нашего хоккея начала 70-х годов. При всем желании его ни с кем нельзя было перепутать. Собственный почерк Валерия проявлялся во всем: в обводке, владении шайбой, бросках, отношении к партнерам. Такие неповторимые индивидуальности появляются раз в сто лет, а то и реже.

Хоккейная судьба Харламова складывалась примерно так же, как и у меня. В 1962 году, когда ему было 13 лет, Валера с ватагой мальчишек впервые пришел во Дворец спорта ЦСКА. Из всей компании в спортшколу приняли только его одного. Юных хоккеистов тогда отбирал Кулагин. А Тарасов довершил высшее хоккейное образование Харламова.

Мы начинали с Валерой еще в юношеской команде — он и там был ярче всех. Его талант, как говорят, от Бога. Сколько раз я с восхищением наблюдал за тем, как легко он обводит соперников. Харламову удавалось буквально все: и скоростной маневр, и хитроумный пас, и меткий удар. И все это будто играючи — легко, изящно. Недаром канадцы, эти искушенные ценители хоккея, сразу, после первой же игры 2 сентября 1972 года, выделили Харламова среди всех наших игроков. Для многих канадцев он стал кумиром.

"Люблю сыграть красиво", — часто повторял Валера. Что верно, то верно: хоккей в исполнении Харламова был подлинным искусством, которое приводило в изумление миллионы людей. Когда он появлялся на льду, вратари трепетали, а зрители бурно выражали свой восторг.

Какой-то злой рок преследовал Харламова. В 1976 году, возвращаясь ночью домой на автомобиле, он не смог справиться с управлением и… Машина разбилась вдребезги, а Валеру и его жену доставили в госпиталь. Плохи были дела у Харламова: переломы лодыжек, ребер, сотрясение мозга. Только женился человек, и вот на тебе — "свадебное путешествие" в армейский госпиталь. Долгое время врачи не были уверены в том, сможет ли Харламов снова играть в хоккей. Два месяца он провел на больничной койке.

Только в августе Харламов встал и сделал первые самостоятельные шаги по палате. Но чтобы выйти на лед — до этого ему было еще ох как далеко…

А спустя пять лет — опять автомобильная катастрофа. И на этот раз с трагическим исходом. Весть о гибели Валерия застала нас в канадском городе Эдмонтоне перед началом второго розыгрыша Кубка Канады. Никогда не забыть: каток в Эдмонтоне,

минута молчания в память о выдающемся советском спортсмене. Обнажив головы, стояли напротив нас профессионалы. Скорбно замерли на трибунах 18 тысяч канадских зрителей. Наверное, в этот момент люди испытывали одно и то же чувство: Харламов с его неповторимым талантом принадлежал всему человечеству. Всем, кому дорог спорт.

И потом, все дни, что мы были за океаном, канадцы подходили к нам на улицах, выражали свое искреннее соболезнование. Телевидение по нескольким программам показывало видеозаписи толевых моментов с участием Валерия Харламова. Все понимали, что это утрата невосполнимая.

Если уж я начал рассказывать про Харламова, то должен отметить следующее: Валерию помогли раскрыть свой талант его замечательные партнеры по тройке — Борис Михайлов и Владимир Петров. Вообще, говорить об этих хоккеистах по отдельности очень трудно, да и, пожалуй, неправильно. В разные годы по разным причинам первое звено пытались "разбавлять" другими спортсменами, но не знаю, как вам, а мне в его игре тогда чего-то не хватало.

Кажется, они родились для того, чтобы встретиться и стать лучшим в мире хоккейным звеном. Лично я в трудные минуты верил только в них. Сколько раз, бывало, они переламывали ход неудачно сложившегося матча, брали игру на себя, забрасывали решающие шайбы… Они были лучшими много лет.

Самый старший из них — Борис Михайлов. В команде он всем бойцам боец. Его излюбленным местом во время атаки был "пятачок", где играть больнее всего, где соперники в жаркие моменты обычно не церемонятся. Канадский форвард Эспозито тоже считался большим любителем добивать шайбы, но он-то здоровенный парень, его с места трактором не сдвинешь, ему самой природой ведено дежурить на "пятачке", а Михайлов отнюдь не атлетического сложения, зато по характеру, по волевому запалу канадцу с Михайловым не тягаться. Далеко ему до нашего капитана.

Не обладая техникой Харламова, скоростью Балдериса, мощью Петрова, он тем не менее был чрезвычайно полезен команде. Он — вожак. На него равнялись, за ним тянулись, ему подражали.

Человека учат не только родители, детский сад и школа. Самый полезный университет — сама жизнь. Как жаль, что сплошь и рядом нам встречаются люди, считающие себя в 20 лет уже вполне и навсегда сформировавшимися, знающими все и вся. По мне, так до старости надо постоянно быть недовольным собой и, жадно впитывая в себя жизнь, учиться и учиться у нее.

Михайлов и здесь мог быть примером для молодых хоккеистов.

На сборах и турнирах Борис всегда жил в одной комнате с Володей Петровым. Они мало похожи друг на друга. Петров — горячий, самолюбивый, вспыльчивый, любит в глаза резать все, что думает. Бывает, проходишь мимо их комнаты и слышишь — опять спорят. Но эти споры гасли так же быстро, как возникали. Друзья есть друзья. Если Михайлов делал дома шашлык, то, будьте уверены, рядом с костерком возился Петров.

Я считаю, что Петров был самым сильным центрфорвардом в мире. Он атлет и всегда крепко держался на коньках. Я, во всяком случае, ни разу не видел, чтобы кому-нибудь удалось свалить Петрова на лед.

Всю эту троицу отличала совершенно неутолимая жажда гола. Им было не важно, кто из них забьет, на кого запишут шайбу и пас, — важно забить. Они просто физически не переносили поражений, даже если играли в футбол или бильярд. Им обязательно надо было побеждать, и только побеждать! Обычно их тактика заключалась в том, чтобы ошеломить, смять, закрутить соперника в бешеной карусели, посеять в его рядах панику и, воспользовавшись этим, красиво забросить шайбу. Каждый из них был уверен в товарище, как в самом себе, и действовали они все без оглядки. Даже на тренировках наше первое звено не любило уступать. Надо было видеть эти тренировки! Даже льду становилось жарко.

…Матч окончен. Мы сидим в раздевалке, расслабленные и опустошенные. Абсолютная тишина. "Ну и баня! — думаю я. — Похоже, эти встречи будут потруднее прежних. Кто говорил, что в Канаде нас ждет легкая прогулка?"

Пришли запасные игроки. Они во время игры сидели на трибунах, среди зрителей. Вид у них чрезвычайно возбужденный. Вратарь Володя Полупанов изумлен до глубины души:

— Вот это матч! Это… — Он никак не может подыскать слова, способные выразить все его чувства. — Это фантастика какая-то!

А мы сидим и молчим. Дай отдышаться, Володя.

— Я еще никогда не видел такого хоккея! — кричит с порога Юрий Сапелкин.

— Ну, Владик, сколько раз ты спасал команду! — Это мой дублер Саша Сидельников подошел. А мы сидим и молчим. Сил нет. Вечером Бобби Халл выступал по телевидению:

— У русских хорошая команда. Она, как взвод в армии, дисциплинированна и дружна. Каждый знает, за что он в ответе. А мы сегодня слишком нервничали. Маккензи признался мне, что перед выходом на площадку у него от волнения дрожали колени.

Но уж теперь-то мы возьмем себя в руки. Наши парни выиграют эту серию.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал Сидельников, выключая телевизор.

По обыкновению, мы снова живем с ним в одном номере. Говорим мало. Не потому, что нам не о чем поговорить. Нет, причина в другом. Я вообще перед матчами замыкаюсь в себе, становлюсь молчаливым и отрешенным. Саша знает об этом и старается не докучать мне досужими разговорами.

Второй матч состоялся в Торонто — хоккейной столице Канады. Хоккей здесь — божество, которому поклоняются все, независимо от возраста и пола. Хоккей! Хоккей! Хоккей!

В Торонто, как и два года назад, мы потерпели поражение со счетом 1:4. Я так до сих пор и не пойму, отчего же все-таки не заладилась игра у наших защитников, что с ними случилось? Конечно, условия были непривычными: площадка уж больно маленькая. Наши ребята привыкли действовать широко, они любят за воротами побегать, в пас поиграть. А здесь никакой свободы для маневра: пространство между воротами и задним бортом всего в метр шириной — не очень-то разбегаешься. Да и тактически, по-моему, наши защитники сыграли неверно. Васильев и Гусев почему-то совсем не страховали друг друга.

Ох, и устал же я! Два периода отстоял, в перерыве говорю тренерам:

— Не знаю, хватит ли сил… А они мне:

— Потерпи, Владик. На себя вся надежда.

Я вышел на лед, чувствую: совсем не успел отдохнуть. И что вы думаете? На первых же секундах Маккензи, как разъяренный бык, прорывается к моим воротам. На первых же секундах!.. Я сразу включился, сразу забыл обо всем. Я видел только Маккензи и по его замаху, по его глазам старался понять, куда он бросит. Отбил,. И пошло, и поехало. Бросок, еще бросок, еще… Справедливости ради надо сказать, что большинство канадских атак завершалось как-то бестолково. Выходят к воротам и бросают. Нет чтобы обмануть меня, обвести, выманить из ворот… Нет, выходят и лупят изо всех сил. Будто хотят пробить меня насквозь. Это и есть то, что называется прямолинейностью канадского хоккея.

И куда только подевалась усталость! Я играл словно в каком-то забытьи. На меня нашло нечто такое, что не объяснить словами. Вдохновение, может быть. Да, наверное, лучше всего это назвать вдохновением. Все во мне было обострено до предела. Я не мог себе позволить даже секунды передышки, но, вероятно, это было к лучшему: расслабься я хоть на мгновение, и мог напрочь

улетучиться мой настрой, мое вдохновение.

В третьем периоде мы "заработали" буллит. Смотрю: выходит против меня какой-то долговязый парень. Не Халл, не Хоу, а совершенно мне неизвестный канадец. Как потом выяснилось — Уолтон. Ну, думаю, раз ему доверили, значит, это у них самый техничный игрок, большой мастер обводки. Обычно в таких случаях я себя спрашиваю: возьму или не возьму? А тут не думаю ни о чем. Все погасло. Вижу только соперника и шайбу… И ничего больше. Пока атакующий игрок не пересек синюю линию, я не могу двигаться с места. Но вот Уолтон прошел синюю линию, я сразу выскакиваю ему навстречу, чтобы закрыть как можно большую часть ворот. Выскакиваю так резко, что канадец от неожиданности робеет и явно торопится с броском. Ну, такие-то шайбы я беру… Трибуны взревели непонятно от чего — то ли от досады, то ли от восторга. Уолтон ко мне подъехал:

— Гуд гейм! (Хорошая игра!) Я ему:

— Сэнк ю. (Спасибо.)

Когда мы вернулись в раздевалку, ноги у меня подкосились и в полном изнеможении я рухнул на скамейку. Все прошло, и осталась только одна смертельная усталость.

Десятки вопросов роились в голове. Смогу ли я дальше выдержать столь жестокий штурм? Найдут ли наконец свою игру защитники? Неужели канадцы все матчи проведут в таком ураганном темпе? Как справиться с Халлом? Почему канадский арбитр Браун не засчитал гол, забитый Петровым?

В самолете, когда мы летели из Торонто в Виннипег, я спросил судью Брауна, отчего ему изменила объективность.

— Не напоминайте, пожалуйста, об этом, мистер Третьяк, — горестно покачал головой канадец. — Мне так плохо. Из 20 тысяч человек, которые присутствовали в зале, я один не увидел этого гола.

Наши хоккеисты достойно пережили столь явную несправедливость. Мы привыкли к тому, что слово судьи — закон. А интересно, как бы реагировали канадцы, случись с ними такое?

Сильны были наши соперники. Пока они играли явно лучше нас. С подъемом. Самоотверженно. Каждый из них был готов грудью отражать шайбы, даже ветеран Горди Хоу. Удачной казалась мне и тактика канадцев — действовать от обороны, на контратаках. Та самая тактика, которую мы успешно применяли в Канаде два года назад. Но мне не верилось, что наши соперники выдержат до конца такой ураганный темп, что они и впредь будут играть на такой высокой ноте.

Ажиотаж, который царил перед третьим матчем, не поддается описанию. Десятидолларовые билеты шли с рук за 200 долларов.

Тон выступлений в печати резко переменился. Канадцы, кажется, серьезно поверили в то, что сборная ВХА победит нас.

Виннипег — родина Бобби Халла, одного из самых великих хоккеистов Канады и одного из самых добродушных людей, которых я только встречал. Халла можно считать образцом выдержки и спокойствия. Его вторая после хоккея профессия — фермер, он разводит коров. Халлу было 35 лет, но его игра все еще не утратила свежести и задора. Он умел в хоккее все. Еще бы не уметь! Ведь Бобби Халл впервые взял в руки клюшку, когда ему исполнилось всего четыре года. В 18 лет стал профессионалом. Интересно, что Халл, в отличие от своих коллег, приходил на все тренировки сборной СССР и очень внимательно наблюдал за нами. И он, и другой великий хоккеист из команды "Канада-74", 46-летний Горди Хоу, жили в таких же скромных номерах, как и все остальные канадские игроки. Халл и Хоу первыми выходили на лед во время тренировок. Своим подчеркнуто скромным поведением они словно постоянно напоминали молодым игрокам:

смотрите, как должны вести себя настоящие хоккеисты.

Мы вышли на третий матч в своем обычном сильнейшем составе. Кулагин сказал запасным игрокам, которые тоже рвались в бой: "Потерпите, ребята. Вот победим пару раз соперников, докажем,

Они доставляли мне больше всего хлопот в тех матчах: Бобби Холл и Горди Хоу что мы сильнее, тогда сыграете все". Не знаю, как остальные, а наш тренер был твердо уверен в победе. Харрис поставил в ворота запасного вратаря Дона Маклеода. В газетах было написано, что Чиверс взял себе передышку. Видно, Джерри тоже несладко приходилось.

Лед был безобразным — весь в каких-то буграх и лужах. Кстати, пусть вас не обманет вид голубого, матово-белого или зеленоватого льда, который с высоты трибун всегда кажется безупречно гладким. Секретом идеальной заливки хоккейных полей владеют, увы, немногие. А ведь даже маленькая выбоина или едва заметный бугорок могут повлиять на исход матча.

С первых же минут встречи я понял, что наши форварды, как говорится, в ударе. Они смяли канадцев. Соперники, как я и предполагал, не смогли вытянуть до конца свою слишком высокую ноту, они начали сбавлять темп.

Во втором периоде Уолтон так сильно бросил шайбу мне в живот, что я скривился от боли. К горлу подступила тошнота. Сел на лед. Голова кружится. А игра идет! И Хендерсон рвется к воротам.

Держись! В перерыве наш доктор дал мне какие-то пилюли,

чтобы боль унять. Счет к третьему периоду был 7:2 в пользу нашей сборной. Ну, думаю, раз игра сделана, значит, теперь в ворота поставят Сидель-никова. Но нет, вышло опять мне… Десять минут промучился, ни одной шайбы не пропустил. Потом подъехал к нашей скамейке — там доктор уже нашатырь приготовил. Понюхал я ватку, посмотрел украдкой на тренеров: может, теперь заменят? Нет, мне доигрывать. А самочувствие у меня совсем скверное. Вот-вот потеряю сознание. В той последней лесятиминутке я пропустил сразу три шайбы.

Первую забил Хендерсон. Интересно получилось. Он в том матче несколько раз выходил к воротам и тут же самым примитивным образом делал бросок. Хендерсону бы "подергать" вратаря, не торопиться, переправить шайбу партнеру… Он же бросает себе, как заведенный. А я без особого труда парирую шайбы. И вот он снова мчится на мои ворота. Смотрю: защита наша очень некстати "вздремнула", значит, надеяться надо только на самого себя. А справа от Хендерсона летит другой канадец, и его положение для атаки еще более удобно. Ну, думаю, теперь-то Хендерсон уж точно отдаст шайбу партнеру. Нельзя не отдать! Глупо не отдать! И я стал смещаться в сторону второго канадца, "приоткрыв" ближний угол. А Хендерсон, оказывается, и теперь не думал никому пасовать. Опять бросил сам. И как раз попал в тот самый угол.

Снова больше всего волнений доставил мне Бобби Халл. Бывало, после его бросков я вообще не видел шайбу — он выстреливал ее, словно пулю. Но это еще не все. Обычно, когда хоккеист бросает или щелкает шайбу, он делает замах, по которому опытный вратарь может определить многое: и направление полета шайбы, и силу броска. Долю секунды длится замах у классных мастеров, но я вполне успеваю прикрыть то место в воротах, куда целит форвард. Халл же швырял шайбу без замаха. Он забивал много голов. Но вот что любопытно: все остальные играли только на Халла.

Вот Маккензи и Лякруа рвутся вперед. Они действуют напористо, быстро, смело. Но, откровенно говоря, я почти не обращаю на них. внимания. Я ищу глазами Халла. Где он? Ага, Халл, как обычно, медленно крадется к моим воротам. Маккензи и Лякруа перекидывают шайбу друг другу, но, ручаюсь, никому из них и в голову не придет бросать по воротам. У них какая-то магическая вера в Бобби Халла. Бить должен он, только он. Вот Халл наконец выходит на ударную позицию, и тут шайба адресуется ему. Бросок…

Это в Москве он забьет только одну шайбу — там Бобби будут очень зорко сторожить, — а в Канаде на его счету шесть голов. От

матча к матчу я пытаюсь найти контрманевр против канадца и в конце концов прихожу к такому выводу: надо выходить на Бобби Халла не тогда, когда он уже в нашей зоне, а сразу, лишь только шайба попала к нему. Так я и делал в последних играх.

Пятый гол забил в мои ворота Уолтон. Бросок был очень сильный. Я поймал шайбу, но она каким-то непостижимым образом выскользнула из ловушки и, как живая, впорхнула в сетку.

В Виннипеге мы одержали победу. Убедительную. Красивую. Трудную. Счет — 8:5.

Приятно было сознавать, что канадский хоккей, считавшийся еще недавно тайной за семью печатями, ныне разгадан нами. Его традиции, его тактика — все это теперь поддавалось пониманию. Мы нашли его уязвимые стороны и, как мне кажется, временами неплохо пользовались этим. И канадцы, что называется, на лету схватывали преподанные им уроки. Большинство хоккеистов сборной ВХА старались играть в комбинационной манере, тактика у этой команды была куда разнообразнее, чем у той, с которой мы встречались два года назад. Харрис научил своих подопечных и хитроумным перемещениям, и коллективной игре. Пожалуй, только Халл и Хендерсон остались верны прежнему стилю.

Несколько любопытных наблюдений, сделанных в ходе той серии. Почему-то многие канадские игроки предпочитали играть без шлемов. Однажды я спросил об этом у кого-то из профессионалов.

— Это легкомысленная и глупая привычка, — ответили мне. — Отчасти именно из-за нее в нашем хоккее случается много травм. Вот уже несколько лет мы даем себе зарок: играть в шлемах. Но приходит сезон, и все остается по-старому.

Беда в том, что профессиональные хоккеисты никогда не носили шлемов, и это стало своего рода отличительным знаком профессионалов, традицией, сломать которую было очень трудно. Я, однако, и тогда не сомневался, что в конце концов здравый смысл возьмет верх. Так и случилось…

…Мне нравился вратарь Джерри Чиверс. Хорошо он играл:

храбро, умело, спокойно. Очень сильный вратарь. И человек на редкость, славный. Перед матчем обязательно подъедет, постучит клюшкой по моим щиткам: мол, желаю всего хорошего. Но вот я никак не мог принять того, что Чиверс курит. Даже перед самой игрой его можно было встретить у раздевалки с толстой сигарой в зубах. Однажды я спросил:

— Джерри, зачем ты куришь?

— Это помогает мне снять волнение, — ответил он. А в

контракте у Чиверса оговорено, что во время перерывов между периодами он может пить пиво. Удивительно! По-моему, это так же безрассудно, как и выходить на площадку без шлема.

Или вот еще… Почему так откровенно грубо играет Маккензи? Он так и ищет, с кем бы сцепиться, кого бы толкнуть. Мак-кензи и не пытается скрывать этого.

— Да, я играю грубо, — говорит он. — Но я не буду возражать, если и против меня будут играть грубо.

Лично мне не по душе такая "философия". Не по душе мне и сам забияка Маккензи. Все бывает на льду. Но вот матч окончен, страсти улеглись, мы рукопожатиями приветствуем друг друга и мирно расходимся в разные стороны. Я протягиваю Маккензи руку, а он демонстративно отворачивается и будто невзначай больно цепляет меня клюшкой.

Четвертый матч, в Ванкувере, мы сыграли вничью — 5:5.

Затем состоялись четыре встречи в Москве. Не буду рассказывать о них подробно, напомню только, что успех был целиком на вашей стороне.

В те дни я с особым удовольствием вспоминал предсезонную подготовку, которую мы прошли. В основе нашей работы, как и прежде, оставались атлетические упражнения. Посторонний человек вполне мог почувствовать усталость, даже со стороны наблюдая за нашими тренировками — так они были тяжелы.

Зато теперь, в ходе серии матчей с профессионалами, нам было легче, чем соперникам. Мы выиграли пятый матч — он был переломным. Мы чувствовали себя все увереннее, а канадцы, напротив, выдохлись и теперь лишь изредка показывали прежний хоккей.

Перед седьмой встречей до тренеров нашей сборной дошли слухи, что канадцы якобы хотят "убрать Третьяка". Иначе говоря, нанести мне такую травму, после которой я уже не смогу защищать ворота.

— Берегите Владика, — наказали наши тренеры ребятам перед выходом на лед. — Если кто из соперников до него хоть пальцем дотронется, спуску не давать.

Но все обошлось… А в последней встрече я не участвовал. Сидел с женой на трибуне, в третьем ряду, впервые смотрел матч не из ворот. И вы знаете, у меня даже сердце заболело: так волновался за ребят, и особенно за вратаря Сашу Сидельникова. Наша молодежь была на голову сильнее профессионалов. Если бы не Чиверс, который стоял превосходно, победа могла быть еще более убедительной.

Итак, наша сборная одержала четыре победы, три матча сыграла вничью и потерпела только одно поражение.

Соотношение забитых и пропущенных шайб — 32:27 в пользу советской команды.

На площадках Канады и Москвы встречались не просто две сборные — встречались два разных хоккея. Две совершенно непохожие школы. Победили мы. Значит, наш хоккей был более современен. Значит, все эти годы мы шли по правильному пути.

А три месяца спустя наш клуб ЦСКА снова поехал за океан… Правда, на сей раз играть нам предстояло не с профессионалами, а с любителями, но я не случайно вспомнил об этом турне. По правде сказать, все мы смотрели на поездку в Канаду как на некую передышку. Мы намеревались сыграть с заокеанскими любителями, не затрачивая много сил, а что получилось на самом деле? Все наши соперники, словно сговорившись, лезли из кожи вон, чтобы победить ЦСКА. Мы поначалу даже опешили. Что ни матч, то прямо-таки битва за каждую шайбу. Только потом нам рассказали, чем все это объясняется. Оказывается, победа над нашей командой имела огромное значение для престижа каждого из канадских клубов. Она повышала их реноме в тысячу раз. А если учесть, что играли в этих клубах 18-19-летние парни — кандидаты в профессионалы, их рвение станет еще понятнее.

Первую встречу мы провели в Гамильтоне. Площадка там была настолько маленькая, что на ней бы не шайбу гонять, а детям в песочек играться. Тесно, непривычно… Нам удалось победить с перевесом всего в один гол. На следующий день ко мне подошел тренер известной профессиональной команды "Торонто Мейпл Лифе".

— Ну, как вы чувствовали себя вчера во время матча? — спросил он.

— Плохо, — огорченно махнул я рукой.

— Сочувствую вам. Легче играть в телефонной будке.

В Торонто у местной любительской команды мы тоже выиграли с большим трудом. Канадцы сражались так, словно на карту был поставлен по меньшей мере миллион. Зрителей пришло видимо-невидимо. Газеты писали, что русские спортсмены дают хорошие уроки хоккея, показывая красивую, грамотную, современную игру.

И снова вся основная тяжесть борьбы легла на плечи нашего первого звена…

В Торонто мы посетили Музей хоккейной славы. Прекрасный музей! Здесь о хоккее можно узнать буквально все. В экспозиции представлены и наши известные спортсмены, тренеры… Одно из центральных мест занимает огромный восковой макет, воспроизводящий ситуацию последних секунд восьмого матча сборной СССР со сборной НХЛ — того самого матча, в котором

при счете 5:5 они забили в наши ворота шестую шайбу, решившую исход всей серии в их пользу. Мы увидели среди экспонатов стенд, посвященный А.В.Тарасову, клюшку с автографом А.Якушева и мой свитер, загадочно пропавший в сентябре 72-го года из раздевалки в Ванкувере.

Семь встреч провели мы в Канаде, во всех семи победили и, вконец измотанные, вернулись домой. Вот тебе и передышка…

Но миф еще не был развенчан до конца. Канадцы, потерпев ряд поражений на уровне сборных, продолжали утверждать, что их клубы играют сильнее, чем наши. В конце декабря 1975 года мы прилетели за океан, чтобы выяснить, так это или нет? Турнир, в котором две наши команды — ЦСКА и "Крылья Советов" — должны были встретиться с сильнейшими клубами НХЛ, получил название — Суперсерия.

…Перед самым отъездом в Канаду я почувствовал, что наконец-то обрел боевую форму. До этого игра часто не клеилась, а тут все встало на свои места, и шайба теперь была у меня как дрессированная. Я чувствовал себя великолепно. Даже ветераны нашего клуба удивлялись:

— Ну, Владик, ты будто заново родился. Как-то на тренировке я защищал ворота, играя за звено Владимира Петрова… Мы вели в счете.

— Конечно, — с обидой сказал Петрову лидер наших соперников Владимир Викулов. — У вас Третьяк стоит, а ему не забить.

— Поменяемся, — с готовностью предложил Петров. — Дело не в Третьяке. Играть надо лучше, вот и все.

Поменялись. Я встал в ворота команды Вику лова, и теперь уже она уверенно повела в счете.

Простите за нескромность. Но этот эпизод вспомнился мне в связи с рассказом о суперсерии. В конце 75-го я постоянно испытывал то, что, вероятно, можно назвать хоккейным вдохновением.

Как хорошо, что это случилось именно в декабре…

В Монреале мы вначале почувствовали себя очень неуютно. Во-первых, было страшно холодно. Мороз стоял просто убийственный. Разница во времени сказывалась очень остро. Все тело ломало. Постоянно хотелось спать. И почему-то всех одолевала мучительная жажда. Видимо, виной тому была непривычная для нас пища. Все красиво, аппетитно, но безвкусно или с каким-то непривычным привкусом. Даже картошка и та казалась странной.

Поселили нас в отеле "Элизабет". Как и раньше, команду дружно осадили канадские журналисты — их вопросам не было

конца.

Фанатичная любовь канадцев к хоккею общеизвестна. Но если раньше кумирами для них были свои и только свои звезды, то теперь все изменилось. Мы чувствовали это на себе. Любой полисмен приветливо улыбался, узнав нас на улицах Монреаля. Даже Гарри Синден, бывший тренер сборной НХЛ, враждебно настроенный к нам после серии 1972 года, теперь сменил тон. Вот что мы прочитали в одной из газет за его подписью: "Русские сильны не только коллективной игрой, тщательно разработанной тактикой и до дюйма выверенным пасом. Оказывается, у них к тому же есть хоккеисты способные сыграть смело и инициативно, кроме того, они фантастически меткие. У нас кое-кто сранивает Харламова с Риком Мартином, но кроме Харламова у русских немало других индивидуально сильных форвардов. А сколько у нас Мартинов?"

Впрочем, к этим похвалам мы относились сдержанно и не принимали их всерьез. Мы знали, что недостатков у нас тоже хватает.

В канадских и американских газетах теперь уже никто не писал, что "хозяева съедят нас сырыми", но все же большинство обозревателей отдавало предпочтение профессионалам. Каково же было наше удивление, когда, открыв "Журнал де Монреаль", мы прочли в этой газете вот такой заголовок: "Руки вверх перед русскими". А чуть ниже хоккейный обозреватель спрашивал читателей: "Хотите мой прогноз? Я отдаю предпочтение советским хоккеистам. Они одержат пять побед при двух поражениях и один матч сведут вничью. Я, конечно, хотел бы ошибиться, но…"

Насколько мне известно, этот журналист оказался едва ли не единственным человеком в Канаде, правильно предсказавшим итоги суперсерии.

Хозяева устроили прием в монреальском "Форуме" для ЦСКА и "Крыльев Советов". Оттуда мы сразу направились на тренировку, и все игроки "Монреаль канадиенс" потянулись за нами — смотреть. Ничего похожего на прошлые серии: "профи" внимательно наблюдали за каждым советским спортсменом, что-то записывали, на лицах — смесь уважения и восторга. Я опять не мог не вспомнить сентябрьские дни 1972 года — сколько спеси, высокомерия и презрения демонстрировали нам тогда и игроки, и руководители НХЛ1 Куда все это подевалось?

Потом наша команда вылетела в Нью-Йорк для встречи с "Нью-Йорк рейнджерс".

Встретили нас там неважно. Долго не могли разместить в отеле. Не очень-то торопились накормить ужином. Ребята

нервничали: "Они что, специально нас хотят разозлить?"

Когда начался матч, мы оказались в положении догоняющих, но это лишь раззадорило армейских форвардов: "Ах, так? Ну, держись, Эспозито!" Противникам был навязан быстрый, темпераментный хоккей. Мне кажется, соперники временами просто не успевали понять, что происходит на площадке. Даже их вратарь был в смятении и ничем не смог помочь своей команде.

— О, эти круговые комбинации!.. Я смотрю по сторонам, когда они начинают свою карусель, и не могу сообразить, где же наши игроки, — сказал после матча Пит Стемковски.

В одной из газет я прочитал: "А может быть, это вовсе не мы, а русские изобрели хоккей? Во всяком случае, так могло показаться вчера на льду "Мэдисон сквер гарден". Не кто иной, как Борис Александров, показал "рейнджерам", как надо играть в хоккей".

Но вернемся к матчу. На лед возле меня упало тухлое яйцо. Игра была остановлена. Я посмотрел на трибуну. Там полицейский держал за шиворот какого-то зрителя с оттопыренными карманами. Потом полисмен принялся лупить своими кулачищами по этим карманам. Оказывается, этот тип принес полные карманы тухлых яиц. Хорошая там у них получилась "яичница"…

В конце матча в меня бросили бумажным стаканчиком. Повернувшись в сторону трибуны, я показал рукой на табло: "Лучше посмотри на счет, хулиган". А счет был 7:3 в нашу пользу.

У соперников, как мы и ожидали, лучше всех выглядел Эспозито. Три года назад его называли "забияка Фил". Похоже, в той серии Эспозито так и не смог примириться с тем, что советские хоккеисты на равных играли с профессионалами. Фил играл превосходно, но иной раз выходил "за рамки", и нельзя сказать, что мы тогда расстались друзьями.

Теперь Эспозито стал сдержаннее. Признал за нами право на большую игру. Хозяева "Бостон брюинз" перепродали Эспозито клубу "Нью-Йорк рейнджерс". Мы в Бостоне спросили, чем это было вызвано, и с удивлением услышали в ответ, что в "Бостон брюинз" считают совершенную сделку чрезвычайно выгодной для себя.

— Важно вовремя избавиться от стареющего игрока, — пояснили нам. — Еще немного, и Эспозито уже никто бы не купил.

Да, изменился наш старый приятель. На коньках он бегал уже не так быстро, как раньше, и из-за этого не успевал вернуться к своим воротам. Но блестящая техника, мощная игра на "пятачке" и поразительное чутье по-прежнему были верными козырями

Эспозито. После игры в Нью-Йорке он скажет:

— Я предупреждал своих партнеров, что с русскими надо быть начеку, но они смеялись надо мной…

На следующий день мы вернулись в Монреаль и прямо из аэропорта в хорошем настроении поехали на каток — тренироваться. Мы понимали, что главные, самые трудные матчи впереди. Нашим следующим соперником был "Монреаль канадиенс" — именитейший клуб в НХЛ, законодатель мод, поставщик звезд, 18 раз владевший к тому времени Кубком Стэнли.

Без всяких преувеличений скажу: вся Канада жила этим матчем. Ажиотаж достиг невероятного накала. Считалось, что "Монреаль канадиенс" должен дать решительный бой советским хоккеистам.

Появление команд на льду трибуны "Форума" встретили таким ревом, какого я еще никогда не слышал. По сравнению с ним реакция нью-йоркской публики могла бы считаться мертвой тишиной. Во время игры я всегда старался подсказывать что-то своим партнерам, давать какие-то советы. Здесь же делать это было абсолютно бессмысленно — я не слышал собственного голоса.

Сначала канадцам удалось сломить нашу оборону, и они повели в счете. 2:0 — так закончился первый период. Нашим форвардам долго не удавалось наладить контратаки, не получались игра в пас и коллективные действия. Соотношение бросков по воротам — 10:4 в пользу соперников. Одним словом, первый период был проигран нами вчистую.

Но, к счастью, никто из моих друзей не поддался панике. В раздевалке тренеры рекомендовали игрокам быстрее кататься по всему полю, точнее адресовать друг другу шайбы. "И дело пойдет", — уверенно сказал Локтев. Очень хорошо, что наши тренеры в самых критических ситуациях никогда не кричат на игроков, не осыпают их бранью. Если даже они раздражены и взвинчены, то все равно вы не услышите от тренеров резких или грубых слов. Накричать на игроков во время матча — значит окончательно сбить их с толку.

Второй период мы начали в меньшинстве: двухминутное наказание отбывал Жлуктов. Вот где мне пришлось потрудиться! Канадцы, кажется, превзошли самих себя. Броски следовали один за другим, и все сильные, точные. Но мы выстояли, а через некоторое время Михайлов сократил разрыв в счете.

Потом были удалены Солодухин и Гусев. Ребята втроем отчаянно оборонялись, но после сильнейшего броска Курнуайе шайба

влетела-таки в мои ворота. Я, честно признаться, ее и не видел — такая там передо мной была свалка. И снова канадцы атакуют…

Я любил играть, когда трибуны полны и зрители не щадят ладоней. Более того, мне иногда казалось, что играть интереснее, если зрители болеют против меня. Существует такое понятие (хорошо знакомое преподавателям и артистам) — "контакт с аудиторией". Так вот, наилучшим образом я ощущал этот контакт, приподнятость, вдохновение, когда многотысячный зал не отрываясь следил за моими воротами, жаждал увидеть в них черный каучуковый кругляш, а я ловил его, отбивал его, грудью падал на него. Нет, не видать вам, голубчики, шайбы в моих воротах. Из-под груды тел я в очередной раз поднимаюсь со льда и, подсознательно отмечая, что цел и невредим, разжимаю ладонь — ловушку. Вот она, ваша шайба… И все начинается сначала.

Харламов забил гол-красавец! Он со сверхзвуковой скоростью проскочил между двумя защитниками, хладнокровно обыграл вратаря Драйдеиа и завершил свой потрясающий рейд точным броском.

В третьем периоде канадцы снова бросились на штурм. Здорово они играли, ничего не скажешь. И Пит Маховлич, и Лефлер, и Курнуайе сражались азартно, смело, честно. Матч в Монреале оставил у всех нас самое прекрасное впечатление. В моем понимании это и есть настоящий хоккей — скоростной, комбинационный, жесткий (но не грубый), с увлекательным сюжетом. Я был бы не против сыграть этот матч еще раз.

Последний гол в этот новогодний вечер забил Борис Александров. 3:3!

Пита Маховлича, Ивана Курнуайе и меня назвали лучшими игроками встречи. Нас оставили на льду и втроем сфотографировали на память. Трибуны безумствовали. Когда сейчас, спустя несколько лет, я смотрю на эту фотографию, то до мельчайших деталей вспоминаю замечательный вечер в Монреале.

После матча мы поехали в советское генконсульство на встречу Нового года. По-моему, все остались довольны итогом матча: и наши соперники, и мы, и зрители. За несколько минут до полуночи я подошел к телевизору. Повторяли наиболее острые моменты встречи, а потом комментатор в восторге посыпал свою голову конфетти и крикнул: "Ура! Ничья! С Новым годом!" Так закончился этот незабываемый вечер.

Назавтра все канадские игроки заявили, что сыграли лучший матч своей жизни. Большинство экспертов и зрителей говорили о том, что ничего подобного они не видели уже много лет.

5 января наша команда прилетела в Бостон. Здесь должен был состояться решительный матч суперсерии. "Бостон брюинз" — это тоже один из самых именитых и сильных клубов.

Тренировались мы вначале не на главном катке — там сломалась холодильная установка, — а далеко за городом. Хоккейный стадион в Бостоне очень старый. Если не ошибаюсь, он был построен еще в 1926 году. Это огромное и мрачноватое здание. Есть у него, правда, одно преимущество перед другими (для нас, во всяком случае): ледяная площадка там не такая тесная.

Бостонские хоккеисты, воодушевленные победой "Буффало" над "Крыльями Советов", страстно хотели обыграть нас. Гарри Син-ден — бывший тренер сборной НХЛ, а теперь менеджер "Бостон брюинз" — по пятам ходил за нашей командой. На одну из тренировок ЦСКА он привел всех своих парней. Они уселись поближе к бортику и сосредоточенно наблюдали за каждым советским хоккеистом. Это пристальное внимание заставило каждого из нас подтянуться, стать собраннее, еще раз прочувствовать важность предстоящего поединка.

Когда я остаюсь один, то обычно мысленно готовлюсь к предстоящей встрече, анализирую действия соперников, нахожу в них сильные и слабые стороны. На этот раз я рассуждал так: "Бостон брюинз" — команда, с которой нам предстоит встречаться впервые, но если иметь в виду, что она яркий представитель традиционной канадской школы, то можно выстроить воображаемую модель игры. Конечно, они сразу бросятся на штурм. Ошеломить, смять соперника, выбить его из равновесия, забросать шайбами — профессионалы еще в 1972 году не без успеха демонстрировали такой хоккей. Значит, особенно серьезно надо настраиваться на первые минуты встречи — они могут стать решающими.

…Как я и думал, матч начался яростными атаками хозяев. И без своего знаменитого Бобби Орра, который на этот раз не вышел на лед из-за травмы, бостонцы были очень сильны. С первых же секунд они применили свой излюбленный вариант игры — бешеное давление по всему полю. Темп был такой, что казалось — сил игрокам хватит ненадолго. В первом периоде хозяева 19 раз бросали по моим воротам. Серией острых атак ответили Валерий Харламов и Борис Михайлов. А счет так никто и не открыл.

"Это была не просто игра — такой, какой она должна быть; это была поэма движений — именно так ее воспринимали те, кто до тонкостей разбирается в хоккее", — напишут утренние газеты.

Второй период начался с того, что я совершил грубую

ошибку. Форбс бросил издалека, и шайба, попав в край щитка, отскочила прямо в ворота. Стоило чуть-чуть ослабить внимание, упустить из виду шайбу, и вот пожалуйста, она уже трепыхается в сетке. Давно я так не ошибался… Но соперники, кажется, уже выдохлись. Харламов, Мальцев, Цыганков, Александров точно бьют по воротам. Борис Александров так хладнокровно обыграл вратаря Жильбера, что зрители загудели от восторга. Отлично сыграл наш капитан Борис Михайлов. Шайб он забил меньше, чем его партнеры, но зато с какой отдачей, как самоотверженно и ярко провел Борис все четыре встречи!

После игры в Бостоне один канадский корреспондент спросил меня, как, по моему мнению, сложится четвертый, заключительный матч суперсерии — с "Филадельфией флайерс".

— У нас хорошее настроение, — ответил я. — Вы же видели! Если филадельфийцы не станут грубить, то результат у нас будет не хуже, чем сегодня.

Увы, последний матч испортил наше хорошее настроение.

Я думаю, хозяева льда все отрепетировали заранее. Еще на приеме, за два дня до игры, они дали нам понять, что не намерены церемониться с гостями. Обладатели Кубка Стэнли продемонстрировали свое если не враждебное, то откровенно недружественное отношение. Никто не подошел к нам, не поздоровался. Даже местных журналистов покоробило такое явное негостеприимство.

Что было дальше — даже вспоминать не хочется. Хоккея не получилось. Игру "Филадельфии флайерс" нельзя считать чистой, а победу — заслуженной.

Кстати, примерно таким же образом высказались после этого матча и многие заокеанские хоккейные авторитеты. Например, Бобби Халл сказал, что он возмущен игрой филадельфийцев.

— Клюшки даны нам не для того, чтобы устраивать побоища, а чтобы доставлять зрителям удовольствие игрой, — справедливо заметил Халл.

Газета "Нью-Йорк тайме" назвала встречу "триумфом террора над стилем".

Когда тренеры в первом периоде увели нашу команду с катка, не считая возможным продолжать матч в таким условиях, мы были уверены, что больше не выйдем на лед. Ни один хоккеист из ЦСКА не хотел играть с филадельфийцами. Каждого из нас могли ударить сзади, подцепить клюшкой, пнуть коньком — ну какой же это спорт? Это ничего общего не имеет со спортом.

Не забывайте еще и о том, что меньше чем через месяц после Филадельфии нам предстояло участвовать в олимпийском турнире. Тренеры строго-настрого запретили игрокам ввязываться

в стычки. Мы должны были вернуться домой в полном здравии, а не искалеченными.

Только после долгих заверений хозяев в том, что игра будет продолжаться в рамках правил, наша команда вернулась на площадку. Вернулась без всякого настроения. У нас словно все погасло внутри, мы не играли, а доигрывали. Филадельфийцы добились своей цели, но разве можно их победу считать справедливой?

Пусть вас не введет в заблуждение мой слишком взволнованный тон. Не думайте, что события на катке "Спектрум" явились для меня каким-то откровением. Нет, мы и раньше сталкивались с грязной игрой профессионалов — и в 1972, и в 1974 годах. Но то, что случилось в Филадельфии, было апофеозом хоккейного бандитизма. Даже много дней спустя я не мог без содрогания

вспоминать об этом. И не только я. В мировой спортивной печати появилось много статей, в самых резких тонах осуждающих тренера Ф.Шеро и его головорезов.

…Суперсерию в итоге мы выиграли. "Крылышки" тоже великолепно сыграли за океаном. И их итог — победный. Наш хоккей еще раз достойно подтвердил, что он был на передовых позициях.

Секретов нет

Чемпионат мира 1974 года проходил в Хельсинки. Начался он с того, что мы крупно проиграли команде ЧССР — 2:7. Настроение было ужасное. Помню, после какой-то игры местный репортер спросил у меня:

— Скажите, мистер Третьяк, стали бы вы вратарем, доведись вам снова начать хоккейную карьеру?

Я пожал плечами, застигнутый этим вопросом врасплох.

— Не знаю.

— Но все же, — настаивал репортер.

— Подумал бы, — уклонился я от прямого ответа.

Я действительно не мог с абсолютной уверенностью ответить на этот вопрос. К тому времени я уже вдоволь нахватал синяков и шишек, через край хлебнул вратарской доли. Скажи мне кто-нибудь тогда, что играть предстоит еще десять лет, — ни за что бы не поверил.

Когда я выступал за юношей, в нашей команде неожиданно заболел один форвард. Это случилось накануне важных игр, а заменить его было некем. Тогда попросили меня, вратаря, надеть форму этого парня и сыграть на его месте под его фамилией. В двух матчах я забил две шайбы. Нехорошо, конечно. Каюсь, ведь это была самая настоящая подставка. Но надеюсь, что за давностью лет буду прощен. Мне тогда очень понравилось атаковать чужие ворота. Однако захотел бы я всегда быть форвардом? Нет, не уверен…

В 1971 году Жак Плант подарил мне свою книгу "Школа вратаря". Он написал на обложке: "Мне кажется, Вы с удовольствием прочтете эту книгу, поскольку мы подружились во время Вашей последней поездки в Канаду. Вы — один из самых лучших молодых вратарей, которые когда-либо приезжали к нам. Желаю Вам играть еще в течение многих лет и стать самым лучшим вратарем в мире". Я действительно с большим удовольствием и пользой для себя прочитал эту книгу. И кое-что даже выписал оттуда. Например, такую любопытную цитату:

"Напряжение — вот имя игре вратаря… Никогда люди не смогут понять, насколько велико оно, это напряжение. Уилф Кьюд (знаменитый профессиональный вратарь. — В.Т.) однажды перед матчем был в таком нервном напряжении, что за обедом швырнул бифштекс в свою жену… Вскоре после этого он решил, что с него хватит, и вышел из игры. Я часто задумываюсь над тем, какой была бы его реакция на изогнутые клюшки и броски с ходу, которые применяются сегодня. А вспомните "мистера Вратаря" —

Гленна Холла. Его все еще можно встретить на стадионе — смертельно больного, постоянно сглатывающего слюну. Нервная система Гленна Холла была настолько подорвана, что часто он не мог сдержать тошноты и остаться в воротах до конца игры".

"У вас может разболеться желудок, — пишет далее Ж.Плант. — Вас может трясти как в лихорадке, будто вы продрогли до костей. В большинстве случаев эти ощущения проходят, стоит только начаться игре. Но если они остаются или повторяются слишком часто, вы должны бросить хоккей, как это сделали до вас многие вратари, которых перенапряжение привело к язвенной болезни".

Может быть, Плант несколько сгущает краски, но в общем он правдиво рассказывает о доле вратаря. В последние годы моей вратарской карьеры я испытывал многие из тех неприятных ощущений, которые описывает Плант. Тошнота, бессонница, боль… Кажется, на теле не осталось ни одного живого места.

Читаем дальше: "Временами, сидя в раздевалке, вы будете в недоумении спрашивать самого себя, как вы здесь оказались, зачем избрали долю вратаря. Другие игроки станут смеяться и подшучивать над вашими переживаниями. Они не способны думать об игре так, как вы, они не испытывают такого напряжения. Если полевые игроки совершают ошибку, они, возможно, извинятся перед вами, но это будет слишком поздно. Вы не сможете сказать ни слова в свое оправдание в тот момент, когда судья примется выковыривать шайбу из ваших ворот и все взоры будут прикованы к вам, как бы говоря: "Это твоя ошибка. Почему ты пропустил шайбу?" Болельщики могут освистать вас — будьте готовы к этому. Такова уж ваша работа".

Канадец справедливо утверждает, что большинство тренеров не имеют ни малейшего представления об игре вратаря. О хоккеистах и говорить нечего. "Никто из них, — с горечью замечает Ж.Плант, — не в состоянии понять, что испытывает голкипер перед матчем и в ходе матча. После финального свистка вратарей вынуждают объяснять, почему им были забиты голы. Как правило, они берут вину на себя. Когда же они пытаются указать на ошибки других игроков, их обвиняют в желании найти оправдание своим промахам".

Или вот еще одно мнение — оно принадлежит Бобби Халлу:

"Я бы сказал, что всякий вратарь — играет он в высококлассной команде или в команде начинающих — сделан из особого теста. Даже при моей любви к хоккею я рад, что мне ни разу не пришлось испытывать свое мужество игрой в воротах. Каждый тренер ценит хорошего защитника и хорошего нападающего на вес золота, но хорошему вратарю вообще цены

нет".

Однажды мне на глаза попалась газетная заметка, повествующая о том, что один канадский журналист, задавшись целью написать книгу о судьбе хоккейных вратарей, вышел на лед катка в форме голкипера. Этот 50-летний человек в течение пяти минут защищал ворота команды "Бостон брюинз" в товарищеском матче с "Филадельфией". Заметка сообщала, что за пять минут журналист пропустил одну шайбу, зато отразил буллит и парировал три броска. Недурно, особенно если учесть, что тренировался он всего две недели…

Но суть не в этом. Интересен сам факт, свидетельствующий о том, что ремесло хоккейного вратаря является загадкой даже для таких всезнающих людей, как спортивные журналисты. Один из них даже решился подвергнуться пятиминутному "обстрелу", чтобы хоть чуточку понять, каково же приходится во время матчей нам, голкиперам. Вряд ли ему пришло бы в голову выйти на лед, задумай этот журналист написать книгу о жизни форвардов.

Все привыкли: начинается матч, и места перед воротами занимают два спортсмена, уже своим внешним видом резко отличающиеся

от остальных. Их тела закованы в непробиваемые (якобы непробиваемые!) щитки, лица закрыты масками, а в руках клюшка таких размеров, что кажется — их и ото льда-то не оторвать. Все привыкли, а ведь если подумать: что может быть абсурднее зрелища, когда пять человек изо всех сил швыряют тяжелую, будто булыжник, шайбу в шестого, а этот шестой — вот чудак-то! — вместо того, чтобы увертываться, наоборот, ногами, руками, телом ловит шайбу?

Но попробуйте-ка сегодня не выставить на матч вратаря — нет, это невозможно. Голкипер стал едва ли не самой главной фигурой в команде. Его оберегают от нападения слишком азартных соперников, его, как живой талисман, окружают перед матчем, постукивая клюшками по вратарским щиткам (на счастье!), на него с надеждой смотрят, если конкурент силен и меток, — выручай, вратарь! Никому сегодня и в голову не придет вспомнить о том, что когда канадцы придумали хоккей, то вратарей попросту не существовало. Нападающие были, защитники тоже, а место в воротах оставалось пустым. Вот, наверное, результативные матчи были в те годы!

О нашей вратарской доле ходит много досужих разговоров. Правда в них густо перемешана с легендами. Я, к примеру, однажды прочел, что будто бы в одной из канадских профессиональных команд был вратарь, который за 110 матчей

не пропустил ни одного гола, а на его лице было свыше 400 шрамов. Наверное, это вымысел. Зато точно знаю другое: мой знакомый голкипер Джерри Чиверс из ВХА на свою маску наносил изображение швов, которые бы "украшали" его лицо, играй Чиверс без маски. Говорят, за восемь лет канадец нарисовал 120 швов. Между прочим, не только он разрисовывает свою маску. В Канаде я видел вратарей, лица которых были скрыты изображениями рычащих львов, кобр, клубных эмблем, флагов…

Конечно, та роль, которую голкиперам исправно приходится играть каждый день, накладывает отпечаток на их характер и образ жизни, но не настолько, чтобы всех, кто стоит в воротах, считать чудаками. Однако могу сказать откровенно: я не встречал среди вратарей плохих людей. Человек неуравновешенный, ненадежный, злой, каким бы талантом он ни обладал, никогда не сможет защищать ворота.

Говорят: вратарь стоит в воротах. Неправда, он не стоит, а играет в воротах. Играет! Бессменно, в течение всего матча он ловит и отбивает шайбы, его толкают и мешают ему, он совершает спринтерские рывки и немыслимые выпады, он весь — внимание и порыв. И он хорошо помнит о том, что вратарю, единственному из всей команды, нельзя ошибаться.

Лев Яшин утверждал, что нет в спорте более благородной должности, чем вратарь. И более трудной, добавлю я.

Быстрота, ловкость, безупречная координация движений, выносливость и сила — вот что требуется вратарю. Некоторые спрашивают: а сила зачем? Не забывайте: голкипер все свои стремительные движения совершает в амуниции, которая весит 15–20 килограммов. Вратарю также нужны особая наблюдательность, умение мгновенно ориентироваться, смелость, уравновешенность, интуиция, сильная воля.

Бывает, что за весь период до шайбы дотронешься всего несколько раз, а напряжение такое, что к перерыву еле волочишь ноги. Жак Плант абсолютно прав: напряжение — одна из особенностей вратарской доли, и успешно справиться с ним можно лишь в том случае, если правильно тренируешься и строго соблюдаешь режим.

Бывший вратарь сборной Чехословакии Ладислав Горский подсчитал, что футбольный голкипер вступает в игру в среднем 10–15 раз за матч, а хоккейный — более 40 раз!

Да, игра безжалостна к вратарю. А если шайба скользнула в сетку и за спиной, как сигнал бедствия, зажегся красный фонарь, то к вратарю безжалостны бывают и болельщики, и даже его товарищи по команде. Такая уж это должность в хоккее. Вот

почему не спится после поражения нам, вратарям.

В нашем деле нельзя добиться успехов за один день. Мало будет и целого года. Несколько лет напряженного труда, неудачи, боль, страх, победы и поражения — только пройдя длинную и трудную дорогу, где больше ухабов, чем ровного пути, вы сможете сказать: я — вратарь. Вы должны отчетливо сознавать это, выбирая из груды клюшек ту, которая тяжелее всех.

…Но вернемся в Хельсинки на чемпионат 1974 года. 18 апреля состоялся второй матч со сборной Чехословакии. Перед встречей тренеры "перетасовали" все тройки. Владимира Петрова,

который получил травму, заменил Александр Мальцев, а Сашино место занял Лебедев. Мы удивились таким смелым перестановкам (как же сыгранность?), но в общем-то они оказались удачными.

Прямо передо мной, по другую сторону площадки, занял свое место чехословацкий вратарь Иржи Холечек. Не вижу из-за маски его лица, но по тому, как неспокойно Холечек переминается с ноги на ногу, чувствую, что он сильно волнуется. Холечек — великолепный вратарь. Он гораздо старше меня и знаком со всеми тонкостями нашего ремесла. Забить ему шайбу в ближнем бою почти невозможно. У него феноменальная реакция, он смел и расчетлив. Только один недостаток знаю я за Холечеком: пропустив шайбу, он вдруг может разнервничаться и наделать затем кучу ошибок — тут ему и забивают.

Однако первую шайбу в этой игре пропустил не он, а я, когда на пять минут был удален Цыганков. Я посмотрел на скамью штрафников, выгребая шайбу из сетки: Гена сидел весь зеленый от волнения и досады. Лишь во втором периоде после длительной осады Якушев сравнял счет. Холечек, как я и ожидал, после этого расстроился и вскоре снова допустил ошибку. Мальцев вывел нас вперед.

Больше в этом матче шайб мне в ворота не забивали. Но как рассказать, чего это стоило?.. Чехословацкие хоккеисты заставляли меня в дикой пляске метаться от штанги к штанге. Их броски были точными и сильными.

Вот шайба у Мартинеца. Он еще далеко, почти у красной линии, но я уже "включился" на 98 процентов, я знаю этого хоккеиста — он без промаха бросает с любых дистанций. Вот его партнер с шайбой стремительно накатывается на мои ворота. Бросит сам или сделает передачу? Я слежу за его глазами. Если он посмотрит на

меня, значит будет бросок; если же отведет взгляд вправо, значит, отдаст шайбу Мартинецу, а уж тот не замешкается. Так и есть: мгновенный пас вправо — держись, вратарь…

Наша сборная победила в этом мачте со счетом 3:1. В последнем матче чемпионата мы играли со сборной Швеции. Установка была такая: атаковать и атаковать, любыми путями сломить оборону соперников, разбить их защитный вариант. Это нам удалось. Мы забили три шайбы, пропустив лишь одну. Счет мог быть большим, но вратарь Абрахамссон творил чудеса. Михайлов "расстреливал" его ворота почти в упор, тот брал шайбы. Кристи Абрахамссон — добродушный парень, но на льду он становился неузнаваем, превращался в этакого задиристого петуха: только задень его — сразу бросается в драку, кричит и размахивает клюшкой. По мне, вратарь должен свои эмоции держать глубоко внутри. Зачем же так распаляться?

В шведском хоккее накоплены хорошие традиции подготовки вратарей. Насколько мне известно, голкиперы << Тре крунур" трепетали только перед одним форвардом любительского хоккея — перед

нашим Анатолием Фирсовым. После его знаменитого "щелчка" врс тари и мигнуть не успевали, как в их ворота влетала шайба. Я иногд думаю: как же мне-то повезло, что Фирсов играл именно в наше команде и никогда не "щелкал" по моим воротам! Знаю, что некс торые вратари, видя один только его замах, закрывали глаза, ка питулируя заранее.

Сразу после этого матча мы поехали в свой отель, чтобы под готовиться к заключительному торжественному приему. Я зашел

соседний номер, где собрались наши игроки. И вот тут-то сказалось все чудовищное напряжение последних дней: закружилась голова, к горлу подступила тошнота. Я быстро вышел из комнаты…

Заключительный прием был устроен в концертном зале "Финляндия". Мне вручили приз лучшего вратаря чемпионата.

Возвращаясь вечером в отель, я думал: нет, теперь-то меня не надо спрашивать, согласен ли я променять свою вратарскую долю на что-то иное.

Теперь — самое время поделиться некоторыми профессиональными секретами из моей вратарской практики.

Однажды во время очередного турне советской сборной по Северной Америке я наткнулся в одной из местных газет на статью, которая называлась "Загадка Третьяка". Журналист совершенно серьезно обвинял меня в том, что я использую против соперников силу гипноза. Приводились высказывания двух профессионалов, встречавшихся со мной на льду. Один из них примерно так рассказывал о собственных ощущениях: "Я перехватил шайбу и ринулся к воротам русских. И вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный, проникновенный

взгляд. Я поднял голову и понял: на меня смотрит Третьяк. Совершенно спокойно и уверенно. Будто зная наперед, как я буду атаковать и куда я буду бросать шайбу. Я хотел сделать обманный финт, передать шайбу партнеру, но не смог воспротивиться какому-то мощному притяжению, исходившему от этой неподвижной фигуры в воротах. В последний момент я занервничал, бросил шайбу наугад, и, естественно, Третьяк поймал ее".

Мне, конечно, было смешно читать такие небылицы о своей игре. Признаюсь вам честно: никаким гипнозом я никогда не пользовался — не обладаю такими способностями. И если меня признавали лучшим вратарем многих хоккейных соревнований, если удалось мне установить своеобразный рекорд — за сто шестьдесят минут игрового времени не пропустить ни одной шайбы, — то дело здесь не в таинственной силе. Добиться этого вратарь может только за счет своего мастерства, характера и трудолюбия. Я преодолел в себе страх, не боялся шайбы. Заметил: чем увереннее чувствую себя в воротах, тем неувереннее играют против меня соперники. Так сказать, психологический эффект наподобие закона сообщающихся сосудов, хорошо известного всем из школьного учебника физики.

Из своего мастерства я никогда не делал особых секретов. Моими тренировками часто интересовались журналисты, специалисты. И я всегда охотно отвечал на их вопросы, показывал, как готовлюсь к матчам. Потому что, на мой взгляд, нельзя механически перенять, украсть приемы мастерства. Их нужно чувствовать и постоянно развивать у себя. Они органически связаны с твоим игровым опытом и без него особой ценности не представляют.

Конечно, у любого вратаря есть свои любимые, "фирменные" приемы, а также своеобразные "домашние заготовки" на каждую игру.

Такие секреты голкипер, естественно, старается скрыть от соперников, которые могут применить против них свою контригру. Ну, например, когда я только-только пришел в хоккей, за свердловский "Автомобилист" играл хороший вратарь Виктор Пучков. Один раз его брали даже на чемпионат мира — дублером Виктора Зингера. У Пучкова был коронный прием. Когда форвард выходил с ним один на один, вратарь неожиданно бросался ему в ноги и отбирал шайбу. Решительные действия голкипера заставляли атакующего как бы врасплох, и он пасовал в этом поединке. Так продолжалось до тех пор,

пока форварды не разгадали тактику Пучкова. И сразу же нашли против нее свои приемы. Сначала они укладывали вратаря

на лед, а затем спокойно объезжали его и забивали шайбу в пустые ворота. Вскоре мне тоже пришлось отказаться от таких выпадов. Я понял, что в современном хоккее, с постоянно возрастающими скоростями и комбинационными действиями, распластавшийся на льду вратарь уже бессилен исправить свою ошибку.

Пришлось искать собственные приемы защиты ворот. Непростым был этот поиск, не сразу приводил он к результатам. Когда я начал отбивать шайбы внешней стороной конька, точнее, носком и нависшим над ним щитком, Тарасов меня сначала здорово отругал.

— Что это за новости, молодой человек? — накинулся он на меня. — До вас в хоккее лучшие наши вратари — и Пучков, и Зингер, и Коноваленко — играли в такой ситуации внутренней стороной конька…

И показывал мне не совсем простое вращение конька, которым увлекались мои предшественники.

Но, как ни высок был для меня авторитет ветеранов, как ни строг был Тарасов, я продолжал играть по-своему. Потому что чувствовал: мне так удобнее, так быстрее прегражда́л дорогу шайбе. И хоккейная жизнь показала, что я был прав. Сейчас так отбивают шайбы большинство вратарей.

Еще один мой игровой секрет, о котором я никогда раньше не рассказывал. В последние годы я научился играть "по глазам". Возможно, это и дало повод некоторым хоккеистам обвинять меня чуть ли не в гипнозе. В чем суть этого приема? Долгое время я тренировал в себе способность предугадывать действия нападающих. Выходя на лед, я всегда держал в памяти целую картотеку на соперников, которые были наиболее опасны для моих ворот. Ведь каждый игрок действует на льду по своему особому стереотипу. Нужно только понять механизм его движений и правильно выбрать позицию в воротах. Все эти наблюдения конечно же повышают надежность вратаря.

Но вот на хоккейной площадке вратарь попадает в экстремальную ситуацию. Он оказывается один против двух форвардов. В такой ситуации легко растеряться. Тогда стопроцентный гол. Я же стараюсь прежде всего сохранить хладнокровие. И начинаю внимательно следить за глазами хоккеиста, у которого находится шайба. Если Азы высшего пилотажа вратарского искусства — ими надо овладевать с малых лет в последний момент он посмотрит сначала на меня, а потом на шайбу, — по воротам будет бросать сам. Я тогда уже забываю о его партнере и вступаю в противоборство только с ним. Но если нападающий перед броском кинет мимолетный взгляд на своего

товарища по команде, а потом на шайбу, так и жди — последует передача партнеру. А я уже готов к ней. Вот и вся хитрость предвидения. Спартаковские и динамовские хоккеисты, которые часто тренировались со мной в сборной страны, как-то узнали про мои способности играть "по глазам". И, бывало, на тренировках обманывали меня. Но вот в игре такой номер у них не проходил. В ответственном мачте трудно ставить подобные эксперименты. Кстати, уже простившись с хоккеем, я старался обучить этому приему, если можно его так назвать, моих младших коллег. К сожалению, никто из них пока игру "по глазам" в совершенстве не освоил.

Но все это высший пилотаж вратарского искусства. Чтобы овладеть им, нужно для начала освоить азбуку вратаря, пройти долгий и нелегкий путь совершенствования мастерства.

Первое, что меня поразило в игре канадских вратарей, — их удивительная способность выходить из ворот под броски, увеличивая тем самым сектор защиты. Я всегда обращал первостепенное внимание на то, что у меня хуже получалось или не удавалось мне вовсе, потому что при современной игре вратарю почти невозможно скрыть свои серьезные недостатки. Постоянно идет всесторонняя проверка его мастерства. Многие годы мои движения в воротах были несколько скованы, ограничены вратарской площадкой. Я никак не мог преодолеть в себе боязнь покинуть ворота, выйти вперед и сыграть клюшкой. Поэтому на тренировках уделял много времени такому нехитрому упражнению: с максимальной скоростью поочередно выбегал из ворот к "пятачкам" для вбрасывания шайбы, а потом задним ходом возвращался к стойке ворот. Так как вратарю никогда нельзя поворачиваться лицом к своим воротам, я научился интуитивно чувствовать сетку, находясь в любой точке хоккейной площадки.

Наблюдения за канадскими вратарями помогли мне сделать еще один важный для себя вывод: нужно развивать в себе высокую стартовую скорость. В игре нужно уметь и расслабляться, и мобилизовать себя на молниеносную реакцию.

Брошенная с 7-10 метров шайба развивает фантастическую скорость — такую, что человек, как бы он ни был натренирован, не способен вовремя среагировать. Выход подсказали собственные наблюдения за игрой. Вратарю важно увидеть момент отрыва шайбы от клюшки. И потом уже не следить за самой шайбой, а мысленно построить траекторию ее полета и успеть воздвигнуть преграду в нужной точке этой траектории. Такой исключительной способностью предугадывать полет шайбы обладал Николай Пучков. Но одно дело знать, другое — уметь самому. Прошло

много лет, пока я смог в полной мере рассчитывать на свою интуицию.

Знаю только одного хоккеиста, который мог бросать шайбу без всякого замаха — одной кистью. Это Бобби Халл. Отражать его броски для всех вратарей было большой проблемой.

Из чего же складывается мастерство вратаря? В своей дипломной работе я написал об этом так: "Характер, помноженный на атлетизм, технику и опыт, — вот что обеспечивает вратарю успех в игре". Чуть позже к этим качествам я добавил еще два — трудолюбие и психологическую устойчивость. Даже сам сейчас удивляюсь, почему я сначала забыл о трудолюбии. Ведь талант без самоотверженного труда — пустой звук!

Важнейшим условием мастерства я всегда считаю характер спортсмена. Человек раздражительный, не умеющий ни себя успокоить, ни других подбодрить, всегда будет в команде паникером, способным в любой момент подвести коллектив. Вратарю это особенно непростительно. Надо с первых шагов на льду воспитывать себя. Дисциплина, умение всегда контролировать свои поступки должны быть в крови у спортсмена. Скольких талантливых ребят, способных стать звездами мирового класса, сгубили расхлябанность, отсутствие "тормозов", нежелание строго соблюдать спортивный режим! Конечно, выкурить одну сигарету или выпить одну рюмку вина — это еще не значит сгубить себя, но беда в том, что за одной поблажкой почти всегда следует другая, третья, и все заканчивается худо. Спорт исключает алкоголь и курение.

Вратарь должен быть авторитетом в команде, должен научиться управлять обороной собственных ворот, как дирижер оркестром. Я бы даже назвал руководство защитой одной из основных обязанностей вратаря. Негромкими, но четкими командами он должен предупреждать своих игроков о перемещениях соперников по площадке. Жак Плант рекомендует вратарям никогда не критиковать своих товарищей по команде, ограничиваться только советами, но никогда не осуждать. Я тоже старался придерживаться этого правила. Вздорный характер вратарю ни к чему. Знаком со многими голкиперами мира. И почти все они — спокойные, уравновешенные люди. Во время матча не надо упрекать вратаря за ошибки.

Напротив, старайтесь постоянно ободрять его. Чем дружелюбней атмосфера в команде, тем лучше и согласованней получается игра.

Вспомним и о других качествах, необходимых вратарю. Он должен быть физически сильным: ему не раз в ходе игры

приходится вступать в непосредственное единоборство с соперником. В армейской команде особое внимание всегда уделялось атлетической подготовке. Как Тарасов, так и Тихонов старались давать игрокам на тренировках предельные нагрузки.

Современный хоккей требует от вратаря технической и тактической грамотности. Хотя арсенал технических приемов у голкипера не особенно велик, его мастерство определяется не только четким исполнением приемов, но и разумностью их применения в конкретной игровой обстановке. Техника игры вратаря должна быть предельно проста, экономна по движениям. Некоторые вратари стараются подчеркнуть свою технику, для чего нередко применяют эффектный прием. Может быть, он и оказывает на соперников эмоциональное воздействие, мешающее атаке, но, мне кажется, надежности вратарю это не прибавляет.

Следующее качество — опыт. Под опытностью надо понимать не возраст вратаря, не количество проведенных им матчей, а тот тактический расчет в действиях, уверенность, собранность, которые позволяют ему показывать высокое и стабильное мастерство. Хорошо, если о вратаре говорят: "Молод, но опытен". Бытует мнение, что опыт приходит с возрастом, с проведением многих и многих ответственных встреч. Трудно спорить с таким доводом, но можно ускорить процесс формирования вратаря. Для этого необходимо, чтобы он исключительно серьезно относился к совершенствованию своей игры, чтобы он знал и свои недостатки, и методы их исправления, чтобы он буквально фанатично относился к тренировкам.

Известный чехословацкий вратарь Ладислав Горский в своей книге "Игра хоккейного вратаря" выделяет три основных направления в тренировке: физическая, тактико-техническая и психологическая подготовка. На мой взгляд, такая конкретизация задач в подготовительный период для голкипера является универсальной. Прежде чем приступить к рассказу о своих тренировках, добавлю, что они должны быть круглогодичными и интенсивными.

Меня часто спрашивают, имеет ли значение рост вратаря. Я думаю, этот фактор не очень важен. Виктор Коноваленко — один из величайших голкиперов — небольшого роста. Знаменитый канадский вратарь Уорсли — тоже маленький. Еще я могу назвать своего друга Гену Лапшенкова, а также Володю Мышкина. У низкорослых вратарей есть свои преимущества. Они более юркие, им легче брать нижние шайбы. Так же, кстати, считает и Плант.

— Рост — дело второстепенное, — говорит он. — Главное, чтобы кандидат во вратари был бойцом, а не трусом, чтобы после каждого пропущенного гола он злился только на себя, а не

обвинял других.

Это очень верное замечание, но все же мне бы хотелось поговорить сейчас не только о характере, который, конечно, необходим, но и о специфике тренировки.

Я — высокий вратарь. Моя слабость — низовые шайбы. Это сразу же заметил Анатолий Владимирович Тарасов и посоветовал, мне серьезно заняться тренировкой ног. Он даже придумал для меня специальные упражнения. Например, я перескакивал через синюю линию на одной ноге, двигаясь по льду от одного бортика к другому. Одно из любимых моих упражнений — перенос центра тяжести с одной согнутой ноги на другую, при этом я стараюсь как можно дальше оттянуть носки ног — что-то вроде задорной пляски вприсядку. Я назвал такое упражнение "ансамбль Моисеева". Кстати, почти всем упражнениям старался дать какое-нибудь образное название — так они лучше запоминаются. Для укрепления мышц ног еще советую делать "крест": поочередные прыжки на одной ноге — вправо-влево, вперед-назад, желательно в полной вратарской амуниции. И вообще, всегда старайтесь выходить на лед одетым так же, как на игру.

Ни в одной другой спортивной игре вратарю не требуются такие ловкие и сильные руки, как в хоккее. Ведь он должен останавливать и отбивать шайбы, летящие в ворота с огромной скоростью! Для тренировки рук полезны отжимания.

Теперь расскажу об интереснейшей полосе препятствий для тренировки практически всех групп мышц, необходимых хоккеисту. Ее придумал Виктор Васильевич Тихонов. Мы назвали эту полосу "городком Тихонова". В принципе такое сооружение легко построить на любой спортплощадке. Вот что оно собой представляет. В начале расставлены десять метровых барьеров на расстоянии двух метров друг от друга. Игроки должны как можно быстрее преодолеть их, а через последний барьер сделать кульбит. Затем обогнуть десяток стоек, далее опять барьеры, но под ними уже нужно пролезть, затем 10 раз отжаться от скамейки и сразу же — кульбит через метровую стойку. И в конце — пять метров бега с ускорением. Три серии таких забегов — и вы почувствуете, насколько серьезна и полезна эта нагрузка. Вратарям вместо отжиманий можно делать "ансамбль Моисеева". Эта полоса позволяет хоккеистам приобретать навык мгновенной координации движений, быстро собираться, изменять темп бега в зависимости от возникших препятствий. Все это пригодится в игре.

При тактико-технической подготовке совершенствуются следующие элементы: выбор правильной стойки, выбор места,

передвижение вратаря и руководство обороной. Каждый вратарь выбирает основную стойку по своей фигуре, ориентируясь на то, как ему удобнее стоять. Есть, конечно, общее правило, которое не позволяет вратарю сильно наклоняться вперед и предписывает держать ловушку чуть впереди себя, потому что шайбу надо ловить и отбивать только в том случае, если она находится впереди.

Клюшка тоже должна быть впереди коньков сантиметров на двадцать. С самого детства нужно стараться ловить шайбу, а не отбивать ее. (Меня могут упрекнуть, что в последние годы я сам частенько изменял этому правилу. Но это объясняется исключительно тем, что броски у ведущих хоккеистов стали очень сильными и неожиданными; когда шайба после такого броска как пуля летит в ворота, то тут уж не думаешь о грамотной технике — лишь бы не пропустить гол.) Если вы отражаете шайбу клюшкой при броске издалека, то старайтесь отбить ее не перед собой, а в углы площадки, чтобы соперник не шел на добивание. Особенно коварные мастера добивания — канадские профессионалы.

Когда вы ловите шайбу, старайтесь все внимание сконцентрировать на этом. Никакой халатности, никакого пижонства быть не должно. Шайба — коварный снаряд, она отскакивает в самых невероятных направлениях.

Клюшка должна постоянно касаться льда, иначе шайба может проскользнуть под ней, прежде чем вы это заметите. Чтобы молодые вратари быстрее усвоили это правило, им иногда специально дают тяжелые клюшки. Еще один важный момент: принимать шайбу надо обязательно остановившись.

Не рекомендую отбивать броски в падении или же опускаясь на колени — при этом увеличивается опасность пропустить верхние или повторные шайбы. Надо уверенно стоять на ногах. Лежачего голкипера легче обыграть, обмануть. Частые падения — это явный признак либо низкого мастерства, либо неуверенности.

Если бросок по вашим воротам делают с острого угла, щиток надо плотно-плотно прижать к штанге, так как иначе шайба может найти малюсенькую щель и отскочить от ноги прямо в ворота: шайба чрезвычайно коварна, шутить с ней нельзя. У меня порой случалось так, что шайба каким-то непонятным образом как живая выскакивала даже из ловушки и летела при этом не куда-нибудь, а обязательно в ворота.

Если вам удалось поймать шайбу, надо заранее знать, что вы будете с ней делать. Ведь, как правило, шайба у вас задержится не больше секунды.

У меня спрашивают: надо ли ловить те шайбы, которые идут

мимо ворот? Каждый голкипер при этом поступает по-своему. Я, к примеру, считаю, что этого делать не надо. Только если потребуется совершить вынужденную остановку игры — скажем, для смены состава, — тогда можно остановить шайбу. И еще. Бывает, что за воротами натянута сетка, и высоко посланная шайба, ударившись об нее, может отскочить прямо на клюшку сопернику. Моргнуть не успеете и — гол. В таком случае тоже необходимо перехватывать шайбу.

Кстати, есть очень эффективное упражнение для тренировки навыка ловли шайбы. Два игрока действуют против вратаря. Они штурмуют ворота до тех пор, пока не забьют гол или голкипер не поймает шайбу. Или "болтанка вратаря", когда три игрока буквально расстреливают ворота шайбами из трех разных точек площадки.

Если не можешь поймать шайбу, необходимо отбивать ее в сторону или за ворота. Но вдруг случится так, что шайба отскочила на "пятачок" недалеко от ворот. Вратарь должен, не раздумывая, накрыть ее. Есть интересное упражнение для тренировки реакции вратаря. Игрок за минуту должен забить пять-шесть шайб, они лежат возле точки вбрасывания. Задача нападающего — бросать по воротам с любой дистанции, причем можно даже добивать. Хороший форвард может сделать за минуту до 15 бросков. А хороший вратарь — отразить не меньше десятка. Интереса ради можно устраивать между ними даже соревнование: кто победит — форвард, забивающий шайбы, или вратарь, отражающий их? А тот, кто проиграл, делает кульбиты. Тренер, который ведет занятия с детьми, должен учитывать следующее: чтобы тренировка не казалась монотонной и трудной, упражнения надо чередовать с игровыми моментами. Еще великий педагог В.А.Сухомлинский писал, что лучше всего дети усваивают материал играя.

Раньше говорили: "Не умеешь кататься на коньках — иди в ворота". Это заблуждение. Вратарь обязан отлично владеть коньками. Это основа его тактичского мастерства. Ведь игра не позволяет ему ни минуты стоять на месте. Вратарь обязан быть готовым к тому, чтобы стремительно выкатиться навстречу атакующему противнику и также быстро вернуться в ворота. Он делает выпады и рывки, а порой и участвует в силовой борьбе. Причем все это — в громоздком вратарском снаряжении, с тяжелой клюшкой.

Я, например, во время тренировочных матчей иногда действую как полевой игрок, правда, клюшка у меня своя, вратарская: полезно ею поорудовать в гуще схватки. Я же говорил, что однажды, будучи юношей, в двух официальных

матчах сыграл на месте форварда и в каждом забил по голу.

Из наших голкиперов лучше всех держался на коньках Александр Сидельников. Когда-то Саша был нападающим в своем клубе "Крылья Советов".

Умение безупречно кататься поможет вам уверенно играть за воротами — это совершенно необходимо классному голкиперу. Однако, если у вас еще мало опыта, не торопитесь покидать свое место. Только когда шайба брошена из-за синей линии, у вас будет достаточно времени, чтобы подобрать ее и успеть вернуться в ворота, прежде чем соперник окажется рядом.

Важно научиться не только хорошо кататься, но и правильно падать, а также быстро вставать. Вратарю часто приходится вступать в "ближний бой". Чтобы победить в нем, нужно как следует освоить упражнение "ванька-встанька". Расскажу, как я его делаю. Сначала падаю на одно колено, потом на другое, затем 20–30 раз на два сразу. Тут такой нюанс. Когда поднимаешься, то невольно отрываешь клюшку ото льда. Повторный бросок низом и — гол! Нужно приучить себя, поднимаясь, следить за клюшкой.

Я уже рассказывал об игре "по глазам". Но допустим, возникла такая ситуация: на ворота выходят два игрока, и я жду броска от того, кто с шайбой. Вышел из ворот, приготовился. Но в последний момент игрок схитрил — передал пас партнеру. Конечно, если последует удар с ходу, то тут уж вратарь бессилен. Но нападающий обычно останавливает шайбу и тихонько, для верности, посылает ее в направлении незащищенных ворот. В такой ситуации голкипер может спасти команду от верного гола, применив так называемый слайпинг. Он как бы стелется по льду ногами вперед, и шайба попадает ему в щитки. Этот прием хорошо получается у шведских вратарей. Замечу, что со стороны он выглядит очень эффектно и красиво. Есть немало упражнений для тренировки подобного трюка. Одно из них я уже описывал: два нападающих против вратаря.

Большие споры вызывает игра голкипера, когда шайба находится за воротами, на клюшках соперников. Я считаю, что в этот момент прежде всего необходимо закрыть ногой ближний угол и следить за шайбой, не поворачивая корпуса. Причем принять такую стойку, чтобы в момент передачи шайбы на "пятачок" ты мог легко выкатиться из ворот и сразу же принять стойку пониже обычной, нахохлиться, как петух, чтобы закрыть побольше пространства. А когда игрок находится слишком близко к воротам, необходимо выкатиться так, чтобы — "приклеиться" к нему и так сопровождать, пока он не удалится от ворот. Есть хорошее упражнение для тренировки этого навыка. За воротами находится 10 шайб и нападающий чужой команды, а на "пятачке"

перед воротами маневрируют два его партнера. Задача игрока с шайбой — пробить по воротам с ходу. А цель вратаря — не дать себя запутать, защитить ворота.

В конце тренировки, на которой отрабатываются тактико-технические навыки, дается, как правило, очень полезное упражнение, которое называется "ералаш". Три-четыре игрока бросают непрерывно по воротам примерно с точки вбрасывания. Вверх, вниз, в левый угол, в правы угол, в "домик". Для начинающих хоккеистов объясню: "домиком" называется треугольное "окошко" между щитками и льдом. Оно появляется у вратаря всегда, когда он принимает основную стойку. При выполнении этого упражнения некоторые вратари, хорошо играющие ловушкой, иногда прибегают к маленькой хитрости. Не только на тренировках, но и в игре они специально открывают левый угол. Неопытный нападающий легко "клюнет" на этот финт, и шайба окажется в ловушке у вратаря.

Хотя я тоже неплохо играю ловушкой, все же никогда углы не открывал.

Кульминационным, самым сильным моментом в игре вратаря является буллит. Если в футболе при пенальти положение бьющего всегда предпочтительнее, то в хоккее у голкипера и нападающего шансы, как мне кажется, равны. Более того, порой я склоняюсь к тому, что опытный вратарь находится в более выгодной ситуации, чем его соперник.

Мне приходилось много раз отражать буллиты в матчах разного уровня, и удача почти всегда была на моей стороне. Обычно, как только нападающий пересекает синюю линию, я резко и далеко выкатывался ему навстречу — это его пугало и позволяло мне загородить большую площадь ворот. Нельзя реагировать на обманные движения. Я всегда учитывал, кто именно из форвардов выполняет штрафной бросок, и действовал в зависимости от индивидуальной манеры и характера своего соперника. Я всегда помнил: у каждого свой излюбленный финт, и редко кто во время исполнения буллита решится на что-нибудь новенькое.

Тренировки можно проводить как на льду, так и на площадке, заменяя соответственно шайбу теннисным мячиком. И вообще, в период предсезонной подготовки я советую почаще выходить на теннисный корт. Так что вместе с клюшкой покупайте сразу и ракетку.

Любая тренировка начинается с разминки. У голкипера она, естественно, особая. Бег по кругу, приседания. Продолжительность кросса для вратаря не должна превышать 35–40 минут.

Мой вам совет: каким бы видом спорта вы ни занимались, делайте свою тренировку разнообразной, энергичной, проводите ее с выдумкой, не давайте себе скучать. Тренировка должна награждать вас силой, а не угнетать усталостью.

Помню, лет семь назад, зимой, Тарасов назначил нам тренировку по атлетизму. Юра Лебедев, Слава Анисин и я вышли в парк, сделали, как положено, разминку и ждем дальнейших указаний.

— Размялись, — скорее утверждает, чем спрашивает Тарасов. — Тогда слушай мою команду. Вон, видите, горка, а на ней дерево растет? Из трех разных точек вы должны наперегонки домчаться до этого дерева. Всем ясно? Вперед!

Фокус состоял в том, что снега на этой горке было нам по пояс. Как тут бежать? Разве только с лопатой наперевес… А Тарасов уже свистит в свой свисток. Вперед!

Мы карабкаемся, продираемся, ползем вверх. Снег сыплется за воротник, набивается в кроссовки. Тяжело. Весело. Необычно. Добрались до цели — ноги свинцовые, дыхание горячее. Чуть отдышались и побрели обратно.

А снизу грозное, тарасовское:

— Вы что это, молодые люди, прохлаждаетесь? Вниз — не пешком, а кубарем!

До сих пор мы со Славой Анисимовым любим вспоминать ту тренировку: "А помнишь, как кубарем летели?"

Разминку закончили, переходим к основным упражнениям. Первое. Берем в руки один-два теннисных мяча. Принимаем вратарскую стойку. Одной рукой бросаем мяч в сетку, другой — ловим его после отскока. Так "приобретается" зрение и вырабатываются навыки ловли шайбы. Затем усложняем упражнение, нагружая ноги. При бросках, например, можно выполнять "ансамбль Моисеева". Потом еще усложняем упражнение. Перед вратарем появляется

игрок. Он мешает ловить отлетающие от стенки мячи. Дальше мы меняемся с ним ролями. Он бросает мяч о стенку и одновременно мешает мне его поймать.

Второе. Так называемое зеркальное упражнение. Два вратаря становятся друг против друга. Задача одного — выполнять любые пришедшие на память упражнения. Чем они интенсивнее и разнообразнее, тем лучше. Задача второго — точно повторять эти упражнения. Партнеры выглядят как двойники в зеркале. Похоже это на какой-то своеобразный экзерсис, но вместо строгой балетной школы здесь в основе импровизация и фантазия. Затем вратари в паре работают с двумя мячами, передвигаясь по площадке. Со стороны, может быть, это напоминает цирковое

жонглирование. Так что, как видите, в тренировке много общего с искусством. Но самое главное — все время поддерживать хорошее, боевое настроение. Тогда любые, даже самые большие, нагрузки переносятся легко. Эмоциональный подъем на тренировке способствует усвоению необходимых навыков.

Третье. Теперь вратарь занимает свое законное место в воротах. Тренер или другой игрок берет 50-100 теннисных мячей, ракетку и начинает непрерывно бить по воротам, причем чередует удары то в "блин", то в ловушку. После таких упражнений вратаря с уверенностью можно называть "обстрелянным". Потом задача голкипера становится еще более сложной. Перед ним появляется другой вратарь в амуниции. Он тоже как будто ловит мячи, но в последний момент пропускает их, стараясь как можно больше мешать основному вратарю. Через некоторое время на помощь тренеру приходит еще один игрок, и они поочередно бьют мячи по воротам. В это время второй вратарь продолжает закрывать зону видимости. Это уже не обстрел, а испытание посложнее, как для новобранца в армии "обкатка" танками.

Несколько замечаний относительно снаряжения вратаря. Я уже не раз говорил о том, что шайба бьет очень больно, и от ушибов порой не спасают никакие щитки. Случаются и травмы, но риск угодить к врачу тем меньше, чем лучше ваше снаряжение. Оно должно всегда быть в полном порядке. Я подчеркиваю это, потому что иной раз какой-нибудь плохо завязанный маленький ремешок может стать причиной большой неприятности. Хоккей не тот вид спорта, где можно пренебрегать мелочами.

Нижнее белье, коленные щитки, щитки для ног, плечевые и локтевые щитки, прикрытие грудной клетки (панцирь), хоккейные брюки и свитер, перчатка-ловушка, "блин", шлем, маска, вратарская клюшка, коньки — вот обязательный перечень снаряжения, необходимый сегодня вратарю. Гардероб, как видите, солидный. Пожалуй, старинные рыцари и те одевались попроще. Но ведь им не приходилось сражаться с Филом Эспозито…

Теперь перейдем тренироваться на лед. Я уже говорил, что в принципе здесь надо выполнять почти то же, что и на спортивной площадке. Но уже с большим приближением к игре. На разминке уделяйте внимание тому, что у вас хуже получается, не забывайте кататься на коньках назад, причем в стойке вратаря. Растяжки постарайтесь сделать на скорости. Потом — катание с шайбой, перепасовывая ее от конька к клюшке. Следующий этап — работа у бортика. Ставишь на него ногу и как можно сильнее стараешься ее потянуть. Потом гимнастика, разминка коленных суставов,

слайпинг, зеркальные упражнения. В конце тренировки надо дать вратарям возможность поиграть в команде — ведь каждый из них тоже мечтает забивать шайбы. И еще один совет. На лед вратарь должен выходить раньше других игроков, предварительно размявшись еще в раздевалке. Это чисто психологический момент. Вратарь сразу, без раскачки вступает в игру, сразу показывает, на что способен. Важно даже на тренировке стараться держать марку своей "непробиваемости".

Канадцы считают, что опыт приходит к вратарю примерно к тридцати годам. Я бы не стал утверждать столь категорично. Надо учитывать индивидуальные качества спортсмена. Но сейчас, когда я вспоминаю свои первые шаги на льду, удивляюсь, как много лишних движений я делал, не умел отдыхать, расслабляться, а для вратаря это очень важно.

Вратарь должен знать природу любого финта, повадки и особенности, наиболее характерные для многих нападающих. Все это воспитывается на тренировках. В психологическом поединке с соперником голкипер не должен реагировать на его ложные движения, важно сдерживать себя. Нельзя также проявлять и признаки нерешительности. Решение нужно принимать смело и выполнять его мгновенно. Хорош тот вратарь, который умеет сочетать в ходе игры расслабление с предельной собранностью, может аккумулировать в себе большой запас сил для взрывных действий в каждом игровом эпизоде. Ведь его ошибку исправить некому, сзади голкипера ворота, а за ними красный фонарь — бесстрастный сигнализатор неудачных действий команды и вратаря. Но даже на неприятную для него яркую вспышку фонаря он должен отвечать спокойствием, собранностью. Поэтому в тренировочной работе упражнения большой интенсивности следует сочетать с расслаблением, с паузами для отдыха.

С годами вы научитесь разумно управлять собой во время хоккейного боя. Очень важным является умение, когда можно, расслабиться и, когда нужно, мобилизовать себя. Скажем, если шайба находилась в углу площадки, откуда бросок сделать практически нельзя, я был "включен" процентов на шестьдесят. Когда шайба адресовалась тому игроку, кто может бросить по моим воротам, "включался" на девяносто пять процентов. И, наконец, только в момент броска были "включены" все сто процентов моих возможностей.

Пожалуй, самый типичный недостаток большинства вратарей — это их волевые "провалы", особенно в ходе ответственных встреч с сильным соперником. Одни допускают грубые ошибки из-за боязни поражения, уже до матча чувствуя себя не в своей тарелке. Другие, допустив оплошность в начале встречи,

расстраиваются, не могут мобилизовать мастерство и волю. Третьим мешает чрезмерное желание как-то по-особенному себя показать. Поэтому очень важно настроиться на игру.

Сразу замечу, дело это настолько сугубо индивидуальное, что от советов я здесь воздержусь. Каждый вратарь психологически готовится к матчам по-своему. Виктор Коноваленко мог часами раскладывать пасьянс. Я слышал, что знаменитый канадский голкипер Глен Холл с целью привести себя в надлежащее состояние незадолго до матча начинал последними словами ругать хоккей, свою вратарскую долю, соперников, партнеров, зрителей — словом, всех на свете. Так он снимал излишнее напряжение и на льду появлялся уравновешенным. Я же обычно ухожу в себя. В день матча я думаю только об игре, ни о чем постороннем, только об игре. Я твержу себе: ты обязан не подвести команду. И напоминаю себе: с тебя спрос особый, ты — вратарь, ты — главный человек в команде. Днем я стараюсь уснуть. Нервы должны быть в полном порядке. Я становлюсь молчаливым: не расплескать бы в пустых разговорах весь свой настрой. Скоро матч. Вместе со всеми выпиваю черный кофе. Окружающее — то, что не относится к предстоящей игре, — окончательно перестает для меня существовать.

Когда иду из раздевалки на лед, я никого не замечаю и никогда ни с кем не здороваюсь. Многих это обижает: Третьяк знакомых не видит, друзей не узнает. Другие — люди как люди. Мальцев шагает — вроде бы замкнутый, даже угрюмый. Но услышит со стороны: "Здравствуй, Саша!" — и суровое лицо смягчается: "Приветик!" Якушев озабочен, но вежлив: "Здравствуй' здравствуйте!" Девушки машут Васильеву руками, и Валера улыбается им приветливо. А Третьяк шагает себе, молчит — бездушная машина, да и только… Да, бессмысленно обращаться ко мне в эти минуты. Не отвечу, пройду мимо. Может быть, только еще ни опущу голову и прибавлю шаг. Но не стоит обижаться на меня уже весь на льду в гуще хоккейной борьбы… А поздороваемся поговорим после матча.

То, о чем я рассказываю, не имеет ничего общего с суеверием или бездумной привычкой. Настраиваясь на игру, я отнюдь не даю отдых своему мозгу. Напротив, я усиленно думаю о том, как играть лучше, взвешиваю сильные и слабые стороны соперника, Составляю план своих действий.

Однажды на одном из занятий в институте педагог попросил меня ответить на ряд вопросов, касающихся психологических проблем спортивной подготовки. Ответы представляли для него научный интерес, поэтому наша беседа была записана на магнитофон. Лента сохранилась, и некоторые фрагменты из этого

диалога я включил в книгу.

Психолог: Как вам удается в течение всех 60 минут матча удерживать определенную интенсивность внимания? За счет чего вы поддерживаете высокий уровень активности?

Третьяк: Кроме различных технических приемов я использую самовнушение, все время стимулирую свое внимание. В зависимости от ситуации я говорю себе: "внимательнее", "не отвлекайся", или "а вот сейчас отдохни, расслабь плечи", "обрати внимание на свое лицо — лоб не хмурится, гладкий", или "я чувствую легкость, свежесть, дышу глубоко".

Перед игрой я себе внушаю: "ты должен стоять хорошо", "нельзя пропускать шайбы". Я одинаково серьезно готовлюсь к любому матчу, с любым соперником. Жаль, не все наши игроки сознательно владеют методами психорегулирующей тренировки — это очень важно сегодня.

Психолог: На чемпионате мира 1974 года в игре с командой ЧССР вы пропустили шесть шайб…

Третьяк: Семь. А мог пропустить и семнадцать. Почему так произошло? Да потому, что психологически к этой встрече команда готовилась неправильно. Перед игрой и тренеры, и журналисты нам говорили: у вас только один матч на этом чемпионате — с ЧССР, и вы должны его выиграть. Только чехословацкая команда и только она! Нас просто запугали предстоящим матчем. Это называется "накачка". Мы проиграли встречу еще до выхода на лед. Боялись самих себя. Страх поборол нашу уверенность. Игроки с самого начала стали ошибаться, вот и посыпались голы.

Тактика у меня такая: когда шайба в нашей зоне у своего игрока, я спокоен, мышцы расслаблены, я отдыхаю — не могу же я все время быть на пределе! — а в том матче наши игроки в своей зоне беспрерывно теряли шайбу, "дарили" ее соперникам, и "включаться" я, конечно, не успевал. Из семи шайб четыре или пять мы им просто "подарили".

Психолог: Что вы понимаете под быстротой мобилизации, в чем она заключается? Направлено ли ваше сознание на себя, внутрь, или вы следите за тактикой нападающих?

Третьяк: Я стараюсь все время удерживать нить игры, даже успеваю оценивать действия своих партнеров: этот хорошо сыграл, этот плохо, тому следует дать пас туда… Все время как-то моделирую ход матча. Очень важно взять себя в руки, после того как соперник забил шайбу или две шайбы подряд, то есть нанес ощутимый психологический удар. Я себя заставляю не думать, почему это произошло (анализ потом, по видеозаписи), а сейчас необходимо быстро собраться, внушить себе: "Ничего не

случилось, я стою хорошо…"

Должность вратаря очень ответственна. Бывает, что мы крупно ведем в счете, и нападающие могут позволить себе расслабиться, сделать небрежный пас… Вратарь на это права не имеет.

Психолог: А если в момент неудачи вам делают замечание со стороны?

Третьяк: Это только усугубляет отрицательные эмоции, начинаешь раздражаться и, как следствие, можешь допустить новые ошибки.

Психолог: Что происходит с вами, когда меняются составы? Какие мысли у вас возникают? Как это влияет на ваши эмоции?

Третьяк: Безусловно, смена игроков влияет на настроение вратаря. Вот наша первая тройка. Когда она на льду, я спокоен. Когда же выходит молодежь, я чувствую: эти могут ошибиться, я им стараюсь подсказывать. Волнение, конечно, больше.

Психолог: То есть вы прогнозируете ситуацию с поправкой на отрицательный исход и дополнительно мобилизуетесь?..

Третьяк: Да.

Психолог: А не мешают ли ваши указания игрокам?

Третьяк: Думаю, что нет. Конечно, если кто-то ошибся, я стараюсь избегать обидных слов. Лучше, напротив, подбодрить человека.

Психолог: Это правильно. Ведь речь у нас идет о напряженной ситуации игры, иначе говоря, о стрессовой ситуации. В такой обстановке слово (а оно, помимо смыслового содержания, имеет еще и эмоциональную окраску), может глубоко травмировать человека. В этом, как мне кажется, заложена одна из причин срывов в любом виде человеческой деятельности, связанной с большим напряжением или большой ответственностью. Спортсмены весьма подвержены цепной реакции передачи отрицательных эмоций. Вы правильно заметили, что команду нельзя "накачивать", то есть жестко нацеливать ее только на победу — это следствие скорее тех страхов, которые спортивные руководители испытывают более за себя, чем за команду.

Третьяк: Да, от вратаря в этом смысле зависит очень многое. Но главное, безусловно, не слова, которые говоришь своим товарищам, а твоя игра. Бывает, команда слаба, но вратарь играет блестяще и тем самым воодушевляет своих партнеров и деморализует соперников. Если голкипер показывает надежную игру, то и у защитников появляется активность: они смело могут идти вперед, обострить ситуацию. Словом, страж ворот, как никто другой, способен вселить уверенность в свою команду и напротив

— деморализовать соперников.

Психолог: Интересно, что вы понимаете под чувством времени? Как вы на льду воспринимаете время? Скажем, до конца матча остается три секунды…

Третьяк: Например, мы ведем в счете в решающем матче мирового первенства. И три секунды до финального свистка… Ты эти три секунды буквально объемно осязаешь. Они заполняют тебя. Вот сейчас прозвучит свисток, и ты — чемпион! Это ожидание бывает по своей определенности даже острее, чем сам результат.

Бывает, торопишь время — чтобы скорее оно пошло. Бывает, наоборот. У нас есть и плачевные примеры потери чувства времени. Например, последний матч со сборной НХЛ в Москве мы проиграли за несколько последних секунд. Расслабились, вот и поплатились за это. Хороший был урок. С тех пор я никогда не даю себя убаюкивать до самого конца поединка. Урок запомнился. Именно канадцы научили меня не расслабляться до самого финального свистка.

Психолог: Ответьте теперь на такой вопрос: воспроизводите ли вы соревновательные ситуации заранее, в своем воображении или на площадке? Совершенствуете ли таким путем варианты своих будущих действий в воротах?

Третьяк: Я могу сказать, как провожу свою утреннюю тренировку перед игрой. Именно здесь и происходит то, о чем вы говорите.

После разминки я встаю в ворота. Без помех настраиваю свое внимание на детали. Скажем, думаю о различных вариантах бросков из разных точек и о способах их отражения, мысленно вижу проходы соперников и выбираю самое удобное место в воротах. Причем соперников я представляю не абстрактных, а вполне живых: если нам предстоит матч с канадцами, то моделирую "канадский вариант", если со шведами, то "шведский". И т. д.

Психолог: Вы ориентируетесь только по отношению к одним воротам или тренируетесь по обе стороны площадки?

Третьяк: Я тренируюсь в одних воротах.

Психолог: А не мешает ли это потом в игре?

Третьяк: Нет.

Психолог: Давайте предположим, что в ходе игры вам срочно надо заменить в воротах травмированного товарища. Ситуация — экстренная. Время адаптации сокращено до предела. Как в таком случае проходит ваша подготовка?

Третьяк: Моментально делаю разминку. Словами мобилизую себя: "Сейчас будет тяжело, приготовься…" Помогает то, что я

знаю ситуацию на поле.

Психолог: Наверняка вы переживаете за свою команду, когда тренер вместо вас ставит в ворота другого голкипера. Что в таком случае лучше — смотреть матч, чтобы быть в курсе событий, или не смотреть и тем самым сохранить нервную энергию?

Третьяк: Поскольку я сижу на скамье запасных в метре от льда, то как не смотреть?.. Конечно, утомляет это очень сильно. Я, бывает, в запасе устаю больше, чем во время игры. Стараюсь не посещать ни футбола, ни хоккея, ни других спортивных игр.

Психолог: Предположим теперь совсем нереальную ситуацию:

вы сидите на скамье до выхода на площадку с завязанными глаза-

Даже когда тренеры давали мне возможность передохнуть, мысленно я все равно оставался на льду

ми. Насколько повлияет на ваши действия отсутствие зрительной оценки?

Третьяк: Повлияет… Однако, повторяю, я не могу определенно сказать, что же лучше: наблюдать за игрой, чтобы быть в курсе событий, или не наблюдать, чтобы сохранить нервную энергию.

Психолог: Какое значение, на ваш взгляд, имеет осознание сильных и слабых сторон соперника?

Третьяк: Очень большое. Я, как вратарь, должен знать манеру игры, достоинства и недостатки всех полевых игроков, которые могут

выйти на лед против нашей команды. Меня иногда спрашивают: боитесь ли вы того или иного игрока? Я никого не боюсь. Бояться вратарю нельзя — ни шайбы, ни соперников. Надо стараться детально изучать действия всех соперников и под каждого из них подстраивать свою тактику. Я примерно знаю, кто и как будет обыгрывать меня, на кого нужно выкатиться подальше, а кого встретить на линии ворот.

Психолог: Как бы вы определили себя по темпераменту? Вы — холерик или сангвиник? Иными словами, подчиняете ли вы все события своим внутренним переживаниям или же ведете себя ситуативно:

быстро приспосабливаетесь к изменившимся условиям, более конформичны?

Третьяк: Мне трудно сказать определенно. Видимо, вывод должны сделать вы.

Психолог: Академик Павлов делил людей на два типа — художественный и мыслительный. К какому типу относите себя вы? Преобладает ли у вас во всем рациональный подход или же вы живете эмоциями, вспышками?

Третьяк: Видимо, я все-таки рационалист.

Психолог: В любой деятельности можно выделить три мотива:

стремление к результату, к самой деятельности и желание получить общественную оценку. Какой мотив вы считаете ведущим для себя в настоящее время?

Третьяк: Мне кажется, первый. Смысл большого спорта в том, чтобы стать чемпионам, самым лучшим из всех. Иначе это будет просто физкультура.

Психолог: Вы как-то говорили, что, когда родители привели вас в хоккейную школу, вам безразличен был сам процесс игры, ее

результат. Больше всего вам нравились внешние атрибуты — форма и прочее. Сейчас, как видно, мотивы изменились. Скажите, а испытываете ли вы удовольствие от самой деятельности в хоккее? Для вас это труд?

Третьяк: Труд. Я бы даже сказал, что весь большой спорт — это непосильный труд.

Психолог: Испытываете ли вы эстетическое наслаждение от своих действий на льду?

Третьяк: Да. Бывает, возьмешь трудную шайбу ("мертвую", как у нас говорят) и у тебя прямо мурашки по коже. Взял! Это непередаваемое ощущение. Я отношусь к числу тех вратарей, которые гордятся не только числом пойманных шайб, но и тем, как они были пойманы. Но здесь же хочу заметить, что чаще я все же бываю недоволен своими действиями. Да это и плохо, когда человек все время собой любуется.

Психолог: Как вы себя чувствуете во время игры: есть ли у вас возможность заглянуть внутрь себя или вы созерцаете собственное "я" со стороны, как будто это не вы в воротах, а кто-то другой?

Третьяк: В начале матча мне достаточно один раз удачно поймать шайбу, и я приобретаю уверенность. Говорю себе: "Все нормально. Волноваться нечего. Ты справишься". Правда, тут есть одна опасность: от полной уверенности недалеко до самоуспокоения. Очень важно, чтобы не понизился эмоциональный фон, не упала концентрация внимания. Надо найти "золотую середину".

Психолог: Вас расслабляют или, напротив, мобилизуют неудачи, если они случаются в первые минуты игры?

Третьяк: Если гол мне забили в начале матча, то вновь настраиваться, конечно, очень тяжело. Гораздо тяжелее, чем после гола, скажем, пропущенного на 20-й минуте. Получаешь весьма ощутимую психологическую травму. Нападающие это

знают и всегда стараются забросить шайбу в первые секунды. "Прощупать" вратаря, как говорится. Что требуется от голкипера в такой момент? Не потерять уверенность в своих силах — это главное. Отвлечься от нежелательной ситуации, не думать о ней. Славится тот вратарь, который и после пропущенной шайбы находит в себе силы сыграть так, словно ничего не случилось.

Психолог: Вы играете в маске. Суживает ли она объем зрительной информации?

Третьяк: Я этого не замечаю. Я настолько привык к маске, что она мне нисколько не мешает. Даже по улице мог бы ходить в маске совершенно спокойно.

Психолог: Можете ли вы передать какие-либо тонкости рефлекторных ощущений, специфических для вратаря?

Третьяк: У вратаря очень много рефлексов, основанных на одном общем побуждении: не пропустить шайбу. Даже если, будучи на льду, голкипер случайно снимет перчатку, а в это время в ворота

бросят шайбу, он станет ловить ее голой рукой. Это рефлекс. Неосознанное, но прочно закрепленное в сознании движение. Словно срабатывают какие-то глубинные механизмы мозга. Бывает, что шайбу изо всех сил бросают в ворота метров с четырех. Никакое сознание, никакая просто реакция здесь уже помочь не может. Нужна реакция выработанная, направленная, что ли… Рука сама, автоматически, пошла на перехват шайбы. Если же ты вначале подумаешь, как отбить шайбу, да чем ее отбить, то безнадежно опоздаешь. К моменту принятия решения за твоей спиной, как сигнал бедствия, будет гореть красный фонарь…

Темп игры в хоккей сейчас настолько возрос, что невольно становишься "телепатом": иногда уже и видеть бывает некогда, важно предвидеть. Мы учимся читать мысли. Правильно прочел — выиграл, неправильно — проиграл.

Психолог: Каким образом вы ощущаете изменение места, времени и климатических условий? Скажем, как переносятся переезды через океан?

Третьяк: Я заметил, что переезды в сторону Канады переносить легче, чем на восток, допустим, в Японию. В 1974 году, во время серии матчей со "звездами" ВХА в Канаде, наши игроки были надолго выбиты из колеи — они не спали, плохо себя чувствовали. Имеет значение и конкретное место игры. Например, в Канаде нельзя не учитывать темперамент местных болельщиков, которые производят шум, сравнимый с грохотом извергающегося вулкана. Мне кажется, что шумовые эффекты на канадских стадионах вызвали излишнее перенапряжение у

некоторых наших игроков.

Психолог: Как вы считаете: нужно ли команду заранее приучать к агрессивным шумовым эффектам зала? В США, например, нечто сходное применяют при обучении боевых пловцов. Когда они на учебных занятиях штурмуют острова, через мощные репродукторы к ним доносятся оскорбительные слова. Такая обработка приводит штурмующих в ярость и снимает неуверенность и страх перед трудностями.

Третьяк: Не знаю, может быть, надо попробовать, но только для игры с канадцами, только для них.

Психолог: Какие бы вы могли назвать стимулы, формирующие и поддерживающие активность на всем протяжении тренировочных сборов и игр?

Третьяк: Приятно, не скрою, получать призы и награды за добытую в борьбе победу. Не последнее место занимает и признание зрителей, которые чутко отзываются на нашу игру.

Почему лед соленый

Нет, не все в моей биографии было так безоблачно, как это кому-то может показаться. Случались и горькие поражения, и тяжелые травмы. Неудачи преследовали нас на международной арене в 1976 и 1977 годах. Второе место на чемпионате мира в Польше, третье — на чемпионате мира в Австрии, провал в первом розыгрыше Кубка Канады… Нет, не все было так гладко в судьбе хоккейного вратаря.

В начале апреля 1976 года мы прилетели в Варшаву.

— С кем у нас первый матч? — спросил меня кто-то из молодых хоккеистов, когда мы расположились в отеле. — С Польшей? Ну, это пустяки.

Я прямо-таки опешил. Ничего себе настроение!

— Ты куда приехал? — говорю. — Ты на чемпионат мира приехал. Здесь слабых соперников нет. Выкладываться надо в каждом матче. В каждом, понял?

Он недоуменно пожал плечами и отошел. Не поверил мне. А жаль.

На игру с хозяевами в ворота вначале поставили моего дублера, Александра Сидельникова. Матч начался атаками нашей команды, Михайлов, Якушев, Мальцев выходили один на один с вратарем поляков Ткачем, но все эти дуэли выигрывал голкипер. От обороны наши соперники переходят к острым и умелым контратакам и дважды добиваются успеха — 2:0. Со скамьи запасных мне хорошо видны все ошибки моих товарищей. Защитники стоят на месте. Нападающие вяло перебрасывают шайбу. В действиях команды нет ни свежести, ни задора. Ужас…

Когда четвертая шайба влетела в наши ворота, тренеры заменили Сидельникова. В ворота встал я. Поздно. Мы уже проиграли.

Еще ни на одном первенстве наша сборная не дарила очки командам, которые бы не считались ее основными соперниками в борьбе за первое место. И вот…

В дальнейшем мы так и не смогли найти свою игру. Неудачно провели обе встречи с чехословацкими хоккеистами (2:3, 3:3), проиграли во втором круге шведам (3:4) — словом, очков растеряли как никогда много и в итоге чудом "зацепились" за второе место.

Анализируя причины этой огорчительной неудачи, я пришел к следующему выводу: сборная в том виде, в каком она прибыла на чемпионат, не могла рассчитывать на успешное выступление. Все логично. Тренеры сделали основной акцент на подготовке к

зимней Олимпиаде-76. Борьба в Инсбруке отняла у всех нас слишком много сил. Мы стали олимпийскими чемпионами, но какой ценой! Ребята были измотаны и морально, и физически. Многие вернулись из Австрии с тяжелыми травмами. Уже в Катовицах, едва начался турнир, сборная получила еще ряд серьезных "пробоин": из-за травм команда потеряла Шалимова и Мальцева. Кроме того, в ее составе не было Петрова.

Мне кажется, в Катовицы следовало везти молодежный состав:

братьев Голиковых, Балдериса, перспективных защитников… Игроков, которые год спустя все равно вошли в состав сборной. Не хочу сказать, что молодежь обязательно победила бы в Польше, но, наверное, она сыграла бы не хуже. А проверку прошла бы — лучше не придумаешь.

…После отпуска, который мы с женой провели в Крыму, меня вызвали в Комитет по физической культуре и спорту.

— Готовься, — сказали мне. — Возможно, вскоре поедешь за океан, на Кубок Канады.

Откровенно говоря, я испытал двойственное чувство, узнав эту новость. С одной стороны, мне снова хотелось сразиться с профессионалами — этими искушенными мастерами хоккея. Было заманчиво вновь побывать на большом хоккейном празднике, на котором ты не последний человек. Хотелось проверить себя — свое умение и свой характер — все ли как прежде? Но наряду с этим были некоторые обстоятельства, смущавшие меня. И главное — тот состав сборной, который определили для поездки в Канаду.

Летом случилось несчастье с Валерием Харламовым, и наша сборная осталась без лидера.

Не повезло и ведущим спартаковским хоккеистам, которые вместе с армейцами всегда составляли костяк сборной: их роковым образом преследовали травмы, и к началу сезона звено Шадрина оказалось явно неподготовленным.

Возможно, все это окончательно повлияло на решение хоккейного начальства послать в Канаду не первый состав сборной, а так называемый экспериментальный вариант. В него включили несколько малоизвестных и необстрелянных игроков, а управление командой доверили Виктору Тихонову, Борису Майорову и Роберту Черенкову.

Я уже говорил, что обеими руками голосую за то, чтобы в трудных матчах закалять молодежь. Делать это необходимо, иначе мы останемся без смены. Но мне показалось, что не очень-то верили в такую команду посылавшие нас руководители. А это уже плохо.

— Ваша задача — войти в тройку призеров, — напутствовали команду перед выездом.

Можно было эти слова понять и так: "Знаем, что вы не самые сильные, поэтому много от вас не требуем". Вряд ли такое напутствие способствовало поднятию боевого духа у хоккеистов.

Что касается меня, то я чувствовал себя в состоянии принять самый серьезный бой с любым соперником. Да и другие ветераны были настроены решительно.

Турнир начался для нас сразу, без разведки — матчем с чехами. И, увы, тут же оправдались мои опасения по поводу новичков

команды. Они волновались и не показали своей лучшей игры. А главное, они не показали боевого характера. На мои плечи легла большая нагрузка: чехословацкие хоккеисты несколько раз выходили со мной один на один. В нашем тылу не было никакого порядка. Мы потерпели поражение со счетом 3:5.

В сборной ЧССР одинаково хорошо были сбалансированы все линии, а в комплектовании найдена гармония между ветеранами и молодежью. Это был подлинный сплав опыта и молодости, хладнокровия и задора. Взять, к примеру, чехословацких вратарей. Я хорошо знаком и с Иржи Холечеком, и с Владо Дзуриллой. И того и другого по возрасту вполне можно было отнести тогда к ветеранам, но как они играли!

Правда, Дзурилла однажды уже пробовал распрощаться с хоккеем. В 1972 году, после пражского чемпионата мира, его торжественно проводили на отдых. Однако четыре года спустя выяснилось, что сборной снова нужен этот человек — спокойный, добросовестный и надежный. Долго уговаривать Дзуриллу не пришлось, он опять охотно взял в руки клюшку и заиграл, как в свои лучшие годы.

А впереди уже маячил второй бастион — шведский. Нам были хорошо известны сильные и слабые стороны "Тре крунур", но теперь в команду вошли профессиональные игроки, и это должно было изменить тактический рисунок ее игры.

3:3 — счет этого матча. Мы упустили победу на последних минутах, упустили самым непростительным образом. Капустин передал шайбу прямо на клюшку шведу из профессионального клуба "Торонто мейпл лифе" Б.Сальмингу, защитник Куликов в это время замешкался, а другой шведский профессионал, Хедберг, получив пас, вышел со мной один на один и лишил нас победы.

Досаду после матча слегка скрасил приз, который мне, как лучшему игроку встречи, вручил Жак Плант. Он назвал меня первым вратарем в мире. Конечно, такая высокая оценка из уст

легендарного Планта была очень лестной, но, право, было бы куда приятней услышать похвалу, адресованную всей команде…

Удачно сыграв с финнами (11:3), мы перебрались в Филадельфию, где должен был состояться матч со сборной США.

Термометр даже в тени показывал плюс двадцать пять. На катке "Спектрум", где мы тренировались, было душно, как на пляже. Мы, взмокли, едва взяв клюшки. Но тренировка прошла как обычно — все занимались старательно, с охотой. Даже Виктор Шалимов, до конца не оправившийся после тяжелой травмы, надел коньки и вышел на лед.

Не буду подробно останавливаться на этом матче. Мы сравнительно легко выиграли у американцев (5:0), и я подумал, что новички вроде бы начинают обретать уверенность. А канадцы уступили сборной ЧССР, пропустив в третьем периоде единственную за весь матч шайбу. Чехословацкую команду эта победа сразу вывела в финал.

Нам же теперь предстоял самый трудный поединок — с хозяевами соревнований.

И опять дебютанты команды не смогли справиться со своими нервами. Играли они старательно, но волнение будто опутывало их по рукам и ногам. Счет на 8-й минуте открыл канадец Перро, затем Викулов провел ответную шайбу. Перед самым перерывом Халл снова вывел своих вперед. В следующем периоде Барбер довел счет до 3:1. Таким он и остался. Мне пришлось отразить более 40 бросков, однако это не беда, мог бы и больше. Жаль, что наши полевые игроки, взяв сначала хороший темп, потом перешли на медленную, тягучую игру — это оказалось на руку канадцам.

Итак, впервые за много лет главные награды крупного хоккейного турнира разыгрывались без участия нашей сборной. Финал из трех матчей свел команды ЧССР и Канады. Что ж, справедливо. Они оказались лучшими на этом хоккейном празднике.

… Думал ли я тогда, что третье место, столь непривычное для каждого игрока в красном свитере, ждет нас и в Вене, на мировом первенстве?

Но до чемпионата мира было еще восемь месяцев. Вернувшись домой, мы разъехались по своим клубам, чтобы, слегка отдышавшись, начать подготовку к чемпионату страны, который должен был продолжаться с октября по март.

Сюрпризов этот чемпионат не принес. Наша армейская команда ровно прошла всю длинную дистанцию, особенно первую ее половину (только одно поражение в матче с ленинградцами и ничья со "Спартаком"). В команде царил дух полного

взаимопонимания.

После Нового года ведущие игроки почувствовали некоторую усталость — именно этим я бы объяснил поражения от "Трактора" и рижского "Динамо". Балдерис забил мне четыре шайбы, и в газете написали, что Третьяк боится рижанина. Это неправда, я никого не боялся. Балдерис, конечно, хороший форвард, он всегда был нацелен на ворота, но те четыре шайбы я бы объяснил скорее нашей усталостью — моей и защитников.

Ключевым, переломным моментом чемпионата страны тогда стали наши встречи с московским "Динамо" — единственным клубом, который мог поспорить с нами за "золото". Победив в третьем матче динамовцев со счетом 5:2, мы в 20-й раз стали обладателями медалей чемпионов страны.

…Чемпионат закончился, и наконец-то я смог уделять больше внимания семье. В декабре родилась дочь Ирина. Я был рад этому, мне доставляло огромное удовольствие возиться с малышкой, брать ее на руки. Да и за учебники пора браться снова: я решил поступать в Военно-политическую академию.

Однако передышка была недолгой: началась подготовка к первенству мира. А спустя некоторое время, в середине мая, в моем дневнике появились такие строки: "Впервые в жизни май обманул меня. Раньше этот месяц всегда дарил только радость. Красивая пора! Весна, сирень, конец сезона, награждение медалями, грядущий отдых… Но сейчас у всех нас словно камень на душе. Наверное, каждый хоккеист, как и я, испытывает потребность остаться наедине со своими мыслями. Но разве это возможно — скрыться от всех? Куда ни придешь, везде слышишь беспощадный вопрос:

Ну как же это вы проиграли? Что случилось? Как будто можно двумя словами ответить, почему сборная вернулась из Вены с бронзовыми медалями… Мы еще и сами толком не разобрались в этом.

Так я и не привык к этому… Шайба будто не в ворота влетала, а простреливала меня насквозь. Каждый раз было больно

Нужно время, чтобы улеглись страсти, чтобы вернулась способность анализировать. А пока каждый из нас находится во власти эмоций, в плену переживаний и досады. Наше третье место болельщики восприняли как трагедию, и их можно понять. Мы приучили их к победам, приучили к мысли, что наш хоккей самый сильный в мире".

Как же это произошло? Почему?

Я буду далек от правды, если скажу, что мы приехали в Вену, терзаемые плохими предчувствиями. Нет, настроение было обычным, как перед любым ответственным соревнованием. Я,

впрочем,

чувствовал некоторую психологическую усталость: побаливала голова, не хотелось думать о хоккее…

Сезон был очень трудным, и отыграл я практически без замен — и за клуб, и за сборную.

Венский чемпионат обещал интересную борьбу. Впервые наряду с сильнейшими любительскими сборными в нем участвовали профессиональные команды США и Канады. Правда, канадцы приехали не лучшим составом — многие игроки были заняты в заключительных играх Кубка Стэнли, но и в этой команде было немало звезд.

Мы неплохо начали чемпионат, побеждая подряд всех соперников, в том числе и канадцев. У них в первом матче мы выиграли с поистине разгромным счетом — 11:1. И нельзя сказать, чтобы эта команда произвела на нас сильное впечатление: профессионалы были совершенно несыгранны. Мне даже казалось, что они толком не представляли, зачем приехали в Австрию.

28 апреля состоялся матч СССР — Чехословакия. Вот когда я почувствовал себя не в своей тарелке. Да и все остальные тоже. Слишком памятны были поражения, которые мы потерпели от команды ЧССР на минувшем чемпионате мира в Катовицах и в турнире на Кубок Канады… Тренеры тщетно пытались снять напряжение:

— Успокойся, успокойся, Владик. Все будет хорошо.

— Я спокоен, — отвечал я не столько им, сколько самому себе. — Да, я спокоен.

Но вот мы вышли на лед. Пожалуй, соперники нервничали еще больше. Вратаря сборной ЧССР Холечека окружила вся команда — что-то говорят ему, хлопают по щеткам клюшками. На первой же секунде сильный бросок по моим воротам сделал Эберман. Я отбил. Затем с глазу на глаз со мной вышел Бубла, он бросил, я подставил клюшку и сразу грудью упал на шайбу. Момент был напряженный.

Многое зависело от того, кто откроет счет. К счастью, это удалось нам. На 6-й минуте Капустин стремительно прошел вдоль борта за ворота Холечека, затем выдал пас назад, и Жлуктов с ходу забросил шайбу в ворота. Вскоре Мартинец, когда чехи играли в большинстве, швырнул шайбу издалека. Я был закрыт игроками и не среагировал на бросок. Счет сравнялся — 1:1.

На второй период мы вышли с совсем другим настроением: мы чувствовали, что сильнее соперников, что можем убедительно выиграть.

Так и случилось. Капустин (дважды), Михайлов и Бабинов

довели счет до 5:1, а в третьем периоде Якушев поставил точку — 6:1.

После игры ко мне подошел чехословацкий игрок Новак.

— Все правильно, — сказал он. — Вы сильнее, вы будете чемпионами.

— Посмотрим, — уклончиво ответил я. Когда мы пришли в душ, Эберман, явно опечаленный неудачей, сказал:

— Ну что ж, мы чуть не выиграли Кубок Канады, а вы выиграете звание чемпионов мира. Так будет, вот увидишь…

— Ты, наверное, шутишь, — перебил я его. — Вся борьба на чемпионате еще впереди.

Я действительно думал так, как говорил. Но этого отнюдь не скажешь о некоторых других наших хоккеистах и тренерах.

Они, кажется, поверили в то, что "золото" нам уже обеспечено. Слишком рано поверили… Смелые интервью журналистам, преждевременные выступления перед болельщиками, которые приехали в Вену, самоуверенность — все это было совершенно не в стиле нашей команды. Возможно, это и подвело нас.

2 мая мы вышли на матч со сборной Швеции. Достаточно было выиграть, и мы обеспечивали себе золотые награды. Никто и не сомневался в победе. Подумаешь, шведы… Сколько раз их побеждали! Безусловно, на настроение наших игроков повлияли и слишком оптимистические высказывания газет. "Русские сильнее всех, — писали они. — Чемпионат закончен. Чемпионы уже известны".

Напрасно тренеры не нарушали эту идиллию, не напомнили игрокам о том, где они находятся. Впрочем, и тренеров отчасти можно было понять. За шесть матчей наша команда забросила соперникам 64 шайбы. Трудно было не поверить в то, что мы действительно сильнейшие. Одна победа, и мы — чемпионы!

И вот начался матч со шведами. На первой же минуте Харламов едва не забил гол. Через некоторое время шайба еще трижды могла влететь в ворота "Тре крунур". Как ни странно, но и это пошло нам во вред. Мы решили: ну, все в порядке — "поймали" свою игру, сейчас забросаем соперников шайбами. Но время шло, а ничего похожего на успех не было. Первый гол шведы забили нам в первом периоде. Наши игроки напоминали рыб, бьющихся об лед. У них было огромное желание победить, у них было мастерство, но все это не приносило реальной пользы.

Во втором периоде шведы стали играть активнее, а на нашу защиту напало какое-то оцепенение. Соперники без помех бросают по моим воротам, смело идут на добивание, мои же товарищи по команде… спокойно стоят и наблюдают. Прямо

мистика какая-то! К тому же шведы грамотно построили защиту. Даже играя в меньшинстве, они запросто лишали наших хоккеистов возможности атаковать ворота, а при первом же удобном случае, не медля, контрнасту пали.

Закончился этот матч с удивительным результатом: мы проиграли — 1:5.

И сразу же атмосфера в команде переменилась. На смену благодушию пришло нервическое ощущение потери. Как будто нам теперь предстояло участвовать в погоне за чем-то украденным.

И посыпалось с разных сторон: "вы должны", "вы обязаны", "вам надо", "должны, должны, должны"… Человек посторонний, услышав все это, мог, наверное, решить, что, если мы не выиграем первое место, настанет конец света. Такая "накачка" не сулила ничего хорошего — это подтвердил уже следующий матч, с чехословацкой командой.

На этот раз соперники поставили в ворота Дзуриллу. Первый же период окончился со счетом 3:0 в пользу ЧССР. Что случилось — до сих пор не могу понять. Защита опять играла из рук вон плохо. Нападающие были беспомощны.

Понурые, потерянные, мы брели в раздевалку. Не хотелось смотреть друг другу в глаза. Никто не узнал бы в этот момент сборной СССР. В коридоре меня догнал Владимир Петров.

— Ты кончай шайбу вперед отбивать, — проворчал он.

— А ты лучше бы обороне помогал, — огрызнулся я.

И это было непохоже на нас — чтобы в перерыве между периодами, как бы трудно ни складывался матч, мы затевали перепалку. И это говорило о том, что команда больна.

Второй период начался с того, что соперники забросили нам четвертую шайбу. При явной пассивности защитников они били, били и забили-таки нам гол. Я почувствовал нечто похожее на панику. "Ну давайте, ребята, возьмите себя в руки, — мысленно умолял я. — Мы же десятки раз выигрывали у сборной Чехословакии! Мы же сильнее…" Харламов, Михайлов и Балдерис отквитали три гола, но большего сделать не удалось. Дзурилла был на высоте. Итак, еще одно поражение.

…После чемпионата, уже в Москве, мне довелось услышать мнение одного психолога по поводу наших неудач в Вене. Оно не было неожиданным, подтвердило мои собственные мысли.

— Вы разучились проигрывать, — сказал психолог. — Уступая в счете, вы начинаете паниковать и забываете свою игру. Каждый лихорадочно делает то, что он считает нужным. Каждый вроде бы лезет из кожи вон и тратит все силы, но на льду нет команды, нет сплоченного коллектива. Преимущество в матчах со

шведами было на вашей стороне, а победу праздновали соперники. Это же абсурд! Думаю, что и тренеры не были способны разумно руководить игроками в тяжелые моменты. Вместо того чтобы сплотить сборную, они занялись поисками виновных. Ведь так?

— Да, вы правы.

…Однако не все еще было потеряно. Следующий матч предстояло играть с Канадой. К этому времени канадцы стали неузнаваемы. Видимо, в них взыграло самолюбие, вспомнили они о своей профессиональной гордости. Да и реакция канадских болельщиков, ругавших свою сборную на чем свет стоит, видно, возымела определенное действие. Профессионалы сыграли вничью (3:3) со сборной ЧССР, затем разнесли (7:0) шведов. Они явно покончили с анархией и, кажется, всерьез решили претендовать на главные трофеи. Забегая вперед, скажу, что, конечно, они заслуживали более высокое место, чем четвертое, но подвела "кленовых листьев" слишком грязная игра. Я всякое видывал на льду, однако то, что иногда вытворяли в Вене канадцы, было и для меня открытием. За такие дела у нас надолго отбирают клюшку. Пэйман, Маккени, Рассел и их приятели хулиганили не переставая, и судьям ничего не оставалось, как постоянно отправлять их на скамью штрафников. А соперники в это время забивали шайбы.

Матч с Канадой, который мы сыграли 6 мая, в этом смысле не стал исключением. Он напоминал то, что полтора года назад произошло в Филадельфии. Канадцы, не будучи уверенными в своем мастерстве, решили запугать нас. Точно так же ранее они запугали шведов. "Психическая атака" началась еще до игры. "Если мне придется прыгнуть и схватить кого-нибудь за горло, чтобы выиграть матч, я сделаю это", — заявил Ф.Эспозито корреспонденту австрийской газеты "Нойе кронен цайтунг". Во время разминки шайба из канадской зоны случайно попала к нам. Гена Цыганков — добрейший парень, наш защитник — только прикоснулся своей клюшкой к этой шайбе, чтобы переправить ее обратно, как на него коршунами налетели профессионалы. Канадцы были готовы затеять драку уже сейчас, на разминке, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, какие они страшные и кровожадные.

Разминка кончилась, и тут кто-то из соперников демонстративно швырнул шайбу прямо в меня. Признаться, я был потрясен. Сколько играю — такого еще не случалось. Но это еще не все. Мы отправились по своим раздевалкам, и здесь нам пришлось услышать из уст канадцев все самые грязные ругательства, которые существуют за океаном. Случись это на

улице, всю канадскую команду немедля отправили бы в полицию. Но это происходило во… Дворце спорта и называлось "психологической обработкой" соперников.

Право, зрелище было мерзкое. Злобные, перекошенные лица, пена на губах. В это трудно поверить, но это так. После матча я подошел к своему старому приятелю, бывшему профессионалу, Аги Кукуловичу, который долгое время работал в московском представительстве авиакомпании "Эр Канада".

— Аги, что же это за банду вы привезли в Вену?

— Мне самому за них стыдно, — ответил он.

Счет в этой встрече открыл Цыганков. Вскоре канадцы забили ответную шайбу, и здесь снова произошло то, о чем до сих пор я вспоминаю с отвращением. Соперники подкатывали к моим воротам и орали прямо в лицо: "Что, съел, проглотил шайбу?!" Они хотели вывести меня из равновесия, но добились обратного. Я сказал себе: "Все, этот гол последний в твоих воротах". Так и получилось.

Больше они мне не забили.

Их бесило то, что наши игроки не поддаются на мелкие провокации, не отвечают ударом на удар. Канадские хоккеисты были просто вне себя. План по запугиванию провалился. Судьи проявили твердость, не прощая ни одну из их выходок. Удаления назначались одно за другим. Канадцы сорвали голоса, ругаясь с арбитрами, но все было напрасно. Нарушителей отправляли на скамью, а мы в это время забивали шайбы.

Грубиян Пэйман, приставленный глядеть за Якушевым, выполнял свою миссию весьма "оригинально": он цеплял Сашу крюком за шею. Рассел орудовал своей клюшкой, как оглоблей в деревенской драке, а когда его наказали, он устроил на скамье штрафников настоящую истерику — швырнул на землю шлем и разразился потоком брани. После сирены, известившей о том, что профессионалы проиграли со счетом 1:8, Маккени в бессильной злобе ткнул клюшкой в живот Шадрина…

Во время чемпионата канадцы пытались обвинить арбитров: они-де неправильно судят, поэтому мы нервничаем и деремся. Эти претензии беспочвенны. Судьи допустили только одну ошибку: во время встречи Канада — ЧССР они напрасно засчитали третий гол, забитый в ворота канадцев. Но даже если допустить, что судьи были субъективны, может ли это оправдать хулиганов на хоккейной площадке?!

Судьбу первого места решила другая встреча — последняя на чемпионате: СССР — Швеция. Успех в этой игре выводил нас в чемпионы, поражение отбрасывало на третье место. После холодного душа, который устроила нам "Тре крунур" 2 мая,

прошло шесть дней. Мы детально разобрались в причинах поражения и были убеждены в том, что произошла просто нелепая случайность. Нам нужно было теперь не повторить грубых ошибок, допущенных в тот злополучный день, просто не повторить и все. Не изменять коллективной игре, вовремя возвращаться в свою зону для организации прочной обороны, нападающим — точнее бросать по воротам Хегюсты, тренерам — без нужды не перетасовывать звенья. Вот и все. Чего проще..

Но… Все наши планы рухнули в первом же периоде. Мы будто забыли то, в чем еще недавно клялись друг другу. Опять — нервозность и суета, снова — провалы в средней зоне, куда беспрепятственно входили соперники, опять — робость и неуверенность в действиях форвардов. Даже такой хладнокровный хоккеист, как Якушев, несколько раз умудрялся не попасть в пустые ворота. Поражение со счетом 1:3 отбросило нас на третье место.

Разве можно было действовать в решающем матче (да и во всех других) так бескрыло и неизобретательно?! В этом матче со всей отчетливостью обнаружилось, что обеднел творческий арсенал нашей сборной. Шведы, по сути дела, опять поймали нас на ту же уловку: они использовали тактику "отката", мы же снова напоминали рыб, которые тщетно бьются о бетонную плотину, хотя рядом — чуть поищи — сколько угодно лазеек. Разве мы были слабее, чем "Тре крунур"? Нет, сильнее! Но наша команда, составленная из звезд, вдруг разучилась выполнять элементарные вещи. Для нее стало проблемой войти в зону соперников, реализовать численное преимущество… Мы не продемонстрировали в Вене ни новых комбинаций, ни оригинальных тактических построений.

Трудно, согласитесь, представить, чтобы чемпион мира по шахматам ехал на ответственный турнир, не имея в своем творческом багаже никаких новинок, "сюрпризов" для соперников. С нами же произошло именно так. А конкуренты не спали. Я из ворот примечал и хитрости новых чемпионов мира с участием Ивана Глинки, и "домашние заготовки" шведов.

Говорят, что в Вене нам чуть-чуть не хватило спортивного счастья. Может быть. Хотя я всегда считал: счастье — удел сильных.

После венского чемпионата в нашем хоккее произошло много перемен. Сборную возглавил новый старший тренер — В.В.Тихонов. Вице-президентом Федерации хоккея СССР стал А.В.Тарасов. Перед нами была поставлена задача — вновь вернуться на столбовую дорогу побед.

Но давайте немного отвлечемся от хоккея. В конце концов,

жизнь состояла не только из ледовых сражений. Была и учеба — вначале в институте, затем в военной академии, были семейные радости, в основном связанные с детьми, была работа, которую тогда называли — общественная. "Ага, — понимающе покривятся сейчас некоторые читатели, — ведь Третьяк состоял членом ЦК комсомола, на съездах выступал, в Кремле ему руку жали". Не ждите, что я сейчас покаюсь. Будто меня силком на высокие трибуны тянули и будто общественными делами занимался я с отвращением. Вовсе нет. Попробую объяснить.

Комсомол был молодежной организацией. Если бы не ее чрезмерная идеологизация, привязанность к партии, обюрокрачивание, то и сейчас она была бы очень даже к месту. Что, разве плохи были студенческие строительные отряды, которые теперь с благодарностью вспоминают миллионы людей? А борьба со шпаной на улицах? А детские турниры "Золотая шайба", "Кожаный мяч" и другие? Все это делала молодежная организация. Она шефствовала над спортом, направляла детей в "Артек" и "Орленок", проводила вечера отдыха и встречи с интересными людьми.

Сейчас нет комсомола, нет и другой молодежной организации, которая бы пришла ему на смену. И все кончилось. Никто не собирает детей на увлекательные детские турниры, никто не приглашает прославленных чемпионов на встречи с болельщиками… Ну и что? Кому от этого стало лучше? Победившей демократии?

Много чего порушили мы в запале, сгоряча. С водой выплеснули не одного ребенка. Еще пожалеем об этом. Хотим, чтобы все сразу стало как у американцев. Чудаки… Во-первых, так никогда не будет. Да и не нужно слепо копировать чей-то опыт. Лучше бы идти своим путем, а прежде чем сделать очередной шаг, тридцать раз подумать да просчитать все последствия.

Что касается моего участия в молодежном движении, то оно заключалось прежде всего в том, что я часто встречался со своими юными болельщиками, рассказывал им о хоккее, о своих товарищах, отвечал на вопросы. По командировкам ЦК комсомола я побывал на многих стройках, встречался с шахтерами, металлургами, тоннельщиками, гидростроителями… Расскажу об одной такой встрече.

…Вертолетные лопасти со свистом замедлили свое кружение. Двигатель стих. Летчик рывком распахнул дверь и выбросил наружу короткую металлическую лестницу. "Прибыли. Можно выходить".

Кругом была глухая забайкальская тайга. Я спрыгнул на землю и… тут же попал в объятия какого-то местного богатыря-

первопроходца.

— Вот уж никогда не думал, что увижу настоящих Мальцева и Третьяка! И где? В глухомани, за много тысяч километров от Москвы! — кричал он.

Его глаза сияли:

— У меня сегодня двойной праздник — утром сын родился. Ну и денек!

— От души поздравляю, — говорю. — А как сына назовешь?

— Еще не решил.

Мы приехали к строителям Байкало-Амурской магистрали. Тренеры Тихонов, Юрзинов, хоккеисты Мальцев, Шалимов и я. Поделившись на две группы, разъехались в разные стороны: одни — к монтажникам, другие — к тоннельщикам. Через два дня встретились на вертолетной площадке, чтобы возвращаться, как там говорят, на "большую землю". И опять ко мне тот строитель-богатырь подошел с крошечным ребенком, завернутым в голубое одеяло.

— Вот он, мой сын, — говорит. — Специально из родильного дома забрал, чтобы ему вас показать. Вырастет мальчишка, и я ему расскажу, что родился он в тот день, когда на БАМ Третьяк приезжал.

Я был тронут. Мы тепло попрощались, обнялись. Я уже пошел к вертолету, когда счастливый парень снова окрикнул меня:

— А чего же не спрашиваешь, как я сына-то назвал?

— Как?

— Владислав! Конечно Владислав! Помни об этом!

Ну разве можно забыть?!

Замечательные мои болельщики… Сколько раз в трудные моменты ваша поддержка помогала мне! Вы не скупились на аплодисменты, а бывало, великодушно прощали промахи. В своих письмах вы давали множество советов и щедро расточали похвалы. Я всегда, где бы мы ни играли, чувствовал ваше доброжелательное отношение, вашу веру. Между нами никогда не было недоразумений, никогда, начиная с того памятного матча ЦСКА — "Спартак" в 1969 году, от которого я веду отсчет своего хоккейного пути. Когда в тот день А.В. Тарасов поставил меня в состав, даже бывалые армейские игроки восприняли это недоверчиво: еще ни разу их ворота не защищал мальчишка. А болельщики в меня поверили: каждую мою удачу в том матче, даже самую маленькую, они награждали аплодисментами.

С тех пор у меня установились самые теплые отношения с любителями хоккея, и я всегда рад встречам с ними. Нас, хоккеистов, часто приглашали на спортивные вечера, которые проходили в воинских частях, студенческих аудиториях,

заводских клубах. Зал обычно набивался до отказа. Люди как будто хотели поближе рассмотреть нас, сопоставить наше хоккейное умение с чисто человеческими качествами, проверить свое отношение к тому или другому хоккеисту.

Больше всего я ценю в болельщиках не безудержный темперамент, не рьяность, а умение разглядеть в хоккее подлинную красоту, оценить тонкую комбинацию, хитрый пас, благородство в игре.

Есть болельщики, вниманием которых я особенно дорожу.

Одним из таких людей был Герой Советского Союза полковник Василий Архипович Гелета. Штурман пикирующего бомбардировщика, фронтовик, он самозабвенно любил хоккей и часто бывал на матчах. Мы познакомились давно, когда я только начал играть в команде ЦСКА. Какой человек! Бывая у него дома, любил слушать его рассказы о воздушных боях, рассматривать ордена, медали.

Есть у меня и еще одна причина относиться к полковнику В.А. Гелете с особой теплотой и благодарностью. Сугубо, так сказать, личного свойства. В 1972 году он познакомил меня со своей соседкой, которая ровно через месяц стала моей женой.

Василия Архиповича уже нет, он не дожил до моего прощального матча. Но я и сейчас, бывая в этом доме, захожу к его родным, вспоминаю этого прекрасного человека.

Интересно, что мое отношение к болельщикам несколько изменилось, когда я, закончив вратарскую карьеру, сам сел на трибуне. Во-первых, мне пришлось… учиться болеть, то есть наблюдать за хоккейными матчами со стороны. Не удивляйтесь, именно учиться, потому что раньше я всегда видел игру либо из своих ворот, либо — это было редко — со скамейки запасных. Это разные вещи: быть участником, даже запасным, и быть зрителем.

Впрочем, просто зрителем мне, по-видимому, никогда не стать:

все время по привычке анализирую действия игроков, особенно вратарей и защиты, вижу ошибки, думаю, как сам бы сыграл в тех или иных ситуациях.

Сидя на трибуне, я, кстати, делаю для себя некоторые открытия. Раньше, к примеру, воспринимал шум зрителей как нечто однородное, безликое. Вслушиваться в какие-то отдельные голоса или выкрики я не мог, это исключалось абсолютно. Попросту говоря, я "выключал" все, что не относилось непосредственно к игре, все, в том числе и гул трибун. Теперь, когда я сам нахожусь в гуще зрителей, слышу их реплики, возгласы, мнения, лучше понимаю, насколько они разные — болельщики хоккея. По темпераменту разные, по культуре

"боления", по видению игры. Да, да, из одного сектора два болельщика могут видеть два совершенно разных хоккея. Один впитывает в себя всю игру целиком, а переживая за свою любимую команду, не упустит случая порадоваться и удачной комбинации соперников, по достоинству и объективно оценить их меткие броски, грамотные действия в защите, азарт в атаке. Другой болельщик будто бы видит не весь хоккей, а только ту его часть, которая связана с игрой "его" клуба. У него словно шоры на глазах. Арбитр у такого болельщика всегда свистит только в пользу соперника, грубит только соперник, а весь хоккей сводится лишь к одному — победе его любимцев.

Не по душе мне этот второй зритель. Надо уметь радоваться игре — ведь это именно игра и ничто другое. Когда мы в Канаде красиво обыгрывали хозяев, местные болельщики устраивали нам овации — они понимали толк в первоклассном хоккее и, как ни обидно было им за своих, отдавали должное мастерству гостей.

В Москве болеть вообще, по-моему, разучились. Бывает, трибуны переполнены, а тишина во время матча стоит такая, будто не хоккей пришли смотреть, а балет. Порядок порядком, и эмоции через край, конечно, не должны выплескиваться, но хоккеистам скучно играть, когда их не поддерживают.

Болельщики… Сколько разных воспоминаний с вами связано!.. Как-то мы встречались с Воскресенским "Химиком". Счет был 3:2 в пользу армейцев, когда Вячеслав Фетисов с шайбой проехал за мои ворота и на какое-то время остался там. Соперников поблизости не было, и я немного расслабился. Вдруг… Невероятно — шайба попадает прямо мне на ногу, а от нее влетает в ворота. За спиной вспыхивает красный фонарь. Публика шумит. Судья показывает на центр. Гол! У меня сердце упало. Как же так? Ни одного соперника рядом не было — не мог же Фетисов сам в свои ворота бросить! Оборачиваюсь: Фетисов как стоял с шайбой, так и стоит. Чудеса? Оказывается, это болельщик "пошутил": швырнул с третьего ряда трибуны шайбу и… забил мне гол. Его, конечно, не засчитали.

Глубоко уважаю истинных ценителей и знатоков спорта. Без них нельзя представить себе наш хоккей. Мне рассказывали, что, когда в Праге проходил решающий матч первенства мира и Европы 1978 года, в московских аэропортах были задержаны вылеты нескольких рейсов: все пассажиры столпились у телевизоров, и никакие объявления, призывы, уговоры не могли заставить их пройти на посадку. Два года подряд до этого — в Польше и Австрии — мы проигрывали чемпионат. Нас крепко поругивали тогда, но главным было другое: в нас верили. Кстати, с тем чемпионатом в Праге, который вновь вывел нас на

передовые позиции в мировом хоккее, связано и еще одно воспоминание — оно тоже касается болельщиков, но не простых, а облеченных властью. Речь — о членах политбюро и о генеральном секретаре Л.Брежневе, Ни для кого не секрет, что Леонид Ильич был страстным поклонником хоккея. Его часто видели в правительственной ложе лужниковского Дворца спорта, причем не только на решающих матчах, но и на вполне рядовых. А раз сам "хозяин" посещал трибуну, то и начальники рангом пониже считали своим долгом тоже приобщиться к хоккею. Кого только не было в Лужниках в те годы — прославленные маршалы, космонавты, народные артисты, министры, секретари ЦК, руководители КГБ и милиции. Словом, весь номенклатурный бомонд.

Так вот — о Праге. На следующий день после окончания мирового чемпионата генсек заходит в комнату, где собрались на свое очередное заседание члены политбюро, и с порога торжественно заявляет: "С победой вас, товарищи!" Секундное замешательство. Потом — аплодисменты. Престарелые вожди быстренько сообразили, с какой победой их поздравляют — с хоккейной. Но и это еще не все. Брежнев был настолько рад нашему успеху, что тут же распорядился наградить лучших хоккеистов орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Надо сказать, награды спортсменам всегда выделялись по строгому лимиту: скажем, за общекомандную победу на зимней Олимпиаде представителям всех видов спорта полагалось только два ордена Ленина. А тут такие ордена вручили сразу двум хоккеистам — Михайлову и Третьяку. Мне тогда было 28 лет.

В 1974 году, вернувшись с "золотом" мирового чемпионата из Хельсинки, я приехал в Кремль, где проходил очередной съезд комсомола. Мне дали заготовленные заранее листки с выступлением и отправили на трибуну. Едва справившись с понятным волнением, начал говорить. И вдруг слышу за спиной громкий шепот:

"Владик, — ты молодец!" И опять: "Владик, молодец!" О, боже мой, что же делать? Прямо за спиной сидит генеральный секретарь, это он обращается ко мне таким странным образом. А как реагировать? Прервать выступление, обернуться и поблагодарить? Или сделать вид, что не слышу? А вдруг он еще громче начнет ко мне обращаться? Это потом многие привыкли к стариковским странностям Брежнева, были даже разработаны определенные правила — о том, как к ним относиться. Но я-то в каком положении оказался? Продолжаю читать по бумажке речь, а сзади опять: "Передай всем ребятам от меня привет". Вот такое было приключение.

В том же году "болельщик номер один" позвонил нам в Канаду прямо в раздевалку, чтобы поздравить с победой в серии игр со сборной ВХА. А однажды, когда на турнире Приз "Известий" мы играли с финнами, в перерыве после первого периода в раздевалку влетает наш спортивный министр Сергей Павлов. Вид у него очень взволнованный. "Комсорг, парторг и капитан, коньки живо снять и наверх — в правительственную ложу. Будете Леонида Ильича с днем рождения поздравлять". Васильев, Макаров и я послушно последовали за начальством и ступили на ковер брежневских апартаментов. Ильич там был вместе с Черненко. Павлов перед ними вытянулся: "Вот, Леонид Ильич, наши славные хоккеисты хотят вас сердечно поздравить с днем рождения". Мы вручили генсеку сувенир и клюшку с автографами игроков, пообещали, что непременно выиграем этот матч (счет после первого периода был 2:1 в пользу финнов). "А почему это у вас фамилии на свитерах по-английски написаны? — поинтересовался, прощаясь, вождь. И пошутил: — Вы же не англичане". Объяснять, что таковы правила международных турниров, никто не рискнул. Более того, завтра на наших формах все фамилии были изображены по-русски.

Надо признать, наши хоккейные руководители умели извлекать пользу из любви вождей к спорту. И себя не забывали и нам кое-что перепадало. К примеру, министр обороны А.А.Гречко — он был большой меценат спорта — после успешных выступлений сборной на чемпионатах мира всегда принимал армейских хоккеистов и жаловал некоторым новые воинские звания. Представляешься, бывало, ему: "Лейтенант Третьяк!" А он этак по-отечески: "Поздравляю вас, старший лейтенант!" Правда, эти приемы у министра всегда были связаны с большим переполохом в команде. Следовало явиться к Гречко в военной форме, а иные хоккеисты понятия не имели о том, как ее носить. Надо было привести прически в соответствие с требованиями устава, что приводило в ужас наш молодняк. Кое-кого тренеры по три раза гоняли в парикмахерскую.

Как-то в начале 70-х, когда мы рубились за первое место в чемпионате страны с "Крылышками", Тарасов на базе в Архангельском объявил: "К нам едет министр обороны. Мы должны встретить его как подобает воинскому коллективу. Перво-наперво, когда министр войдет в помещение, всем встать по стойке "смирно" и дружно гаркнуть: "Здравия желаем, товарищ министр обороны!" Затем Третьяк пусть деликатно попросит квартиры для молодых игроков".

Оставшееся до приезда маршала время мы репетировали дружное приветствие, тщетно добиваясь хоть какой-то

слаженности. Наконец Гречко появился на пороге. Тарасов из-за его спины подал условный знак, и мы грянули. Получилось, кажется, неплохо, но министр только сокрушенно махнул на нас рукой: "Ну кто же вас так учил? Надо говорить не "министр обороны", а "маршал Советского Союза". Эх вы..." Допустивший оплошность Тарасов и глазом не моргнул: "Будет исправлено, товарищ маршал Советского Союза".

Андрей Антонович по-хозяйски уселся за стол, достал пачку "Мальборо" и попросил дать ему спички. "А у нас не курят", — попробовал показать свой характер Тарасов. "А я курю", — невозмутимо ответил маршал, даже не посмотрев в сторону тренера. Анатолий Владимирович сразу оценил обстановку и сделал верные выводы. "Мигом маршалу спички", — прикрикнул он на кого-то из молодых, подозреваемых в курении.

"Надо, ребята, выиграть у "Крыльев Советов", — попросил высокий гость. — Сможете? "Так точно!" — отреагировал за всех наш тренер. "А какие просьбы есть у команды?" Тарасов выразительно посмотрел на меня. Я встал и изложил просьбу: в команде сыграно несколько свадеб, молодоженам хорошо бы выделить какое-нибудь жилье. "Две квартиры даю сразу, а две других — если станете чемпионами страны", — ответил министр, видимо, готовый к такого рода ходатайствам.

И надо же такому было случиться: как раз в том сезоне мы не справились с "Крылышками", после чего обиженный Гречко два года не навещал нас и не проявлял к нам ни малейшего интереса.

Согласно широко распространенной молве мы, ведущие хоккеисты страны, катались, как сыр в масле, поживали припеваючи, ни в чем не зная отказа. Это далеко не так. А чтобы не быть голословным, приведу факты. За победу в Олимпийском турнире 1972 года в Саппоро каждый из нас получил по 300 долларов. Через четыре года в Инсбруке приз был удвоен. Столько же — 600 долларов — нам вручили за "серебро" Лейк-Плэсида. Теперь каждый знает, что такое доллар и что на него можно купить. Самый большой денежный приз я выиграл в 1976 году, участвуя вместе с Мальцевым и Шалимовым в своеобразном хоккейном шоу неподалеку от Торонто. Я там победил в состязании вратарей, за что полагалось 15 тысяч долларов. Но наши спортивные боссы рассудили по-другому:

полученные от канадцев деньги уплыли неизвестно куда, мне же милостливо дали 399 "зеленых". Мальцев получил на сотню меньше, а Шалимов вообще какие-то гроши. Теперь уже не докопаться, кому скрашивала жизнь заработанная нами валюта.

Вообще, возле хоккея кормилось много всякого народа. Одни держались за поездки. Другие стригли купоны от наших успехов,

зная, как ревниво относятся к ним на самом верху. В 74-м в Хельсинки, когда мы проигрывали первый матч чехам, в раздевалку перед заключительным периодом влетел наш посол и устроил команде форменный разнос. Что он только не кричал! "Позорите страну! Я Леониду Ильичу Брежневу сообщу о том, как вы себя ведете". И так далее в том же духе. Конечно, тревожился посол прежде всего за себя, а не за нас. А когда мы в итоге завоевали "золото", тот же человек устроил в посольстве грандиозный прием и с бокалом шампанского услужливо заглядывал в глаза каждому игроку.

Спортивные чиновники за наши победы получали ордена и повышения по службе, а поражения грозили им крупными неприятностями. Могли и вовсе прогнать с выгодной должности, как это порой случалось. За всеми такими "крутыми" решениями всегда стоял ЦК, без него никто и пальцем не смел шевельнуть.

Почему лед соленый? От пота, пролитого в матчах и на тренировках, а случается, и от слез.

В 1978 году, когда в Праге мы вернули себе титул чемпионов мира, на нашей скамейке, не стыдясь, плакал Виктор Васильевич Тихонов.

Не скрою, мы вначале настороженно отнеслись к новому тренеру ЦСКА и сборной. Мало ли их было… Маститых, титулованных… А этот откуда-то с периферии, из Риги. Но очень скоро мы поняли: Тихонов пришел надолго. Это настоящий фанатик хоккея, человек, который 24 часа в сутки живет любимым делом.

Став наставником ЦСКА, Тихонов не стал рубить с плеча, перестраивать на свой лад весь учебно-тренировочный процесс, ломать проверенные игровые концепции. Все лучшее, фундаментальное было сохранено, хотя в чем-то и тренировки команды, и ее стратегия стали другими,

Насколько он болеет хоккеем, как восприимчив к успехам и неудачам, можно было понять, понаблюдав за тренером во время матча. Обнаженный нерв. И как только его хватает до конца игры… Однажды, когда на турнире "Известий" мы со счетом 3:8 уступили чехословацким хоккеистам, у Виктора Васильевича случился сердечный приступ — так глубоко ранила его эта неудача. Я в тот вечер старался не попадаться на глаза тренеру. Было неловко, стыдно. Но он сам нашел меня. Чтобы… успокоить:

— Ничего, Владик, мы еще докажем, кто сильнее. Случай доказать, кто сильнее, представился скоро — на чемпионате мира 1978 года в Праге.

Начали мы его не очень хорошо: победы в матчах с явными аутсайдерами давались почему-то с большим трудом. Я

пропускал много шайб.

— Все в порядке, Владик, — успокаивал Тихонов. — Сколько ты сейчас пропустишь — неважно. Главное, чтобы к решающим матчам ты нашел свою игру.

Мешало волнение. Рожденное ответственностью, оно представлялось от игрока к игроку и сковывало команду.

Я не обижался на защитников. Что толку таить обиды? Ребята и сами переживали не меньше моего. "Лучше подумай, как сыграть надежнее", — сказал я сам себе. Попросил Тихонова дать упражнения на добивание шайбы. Тренер бросал, Михайлов добивал — он большой специалист по этой части.

Мне надо было поймать свою игру. Иначе говоря — обрести то внутреннее состояние, которое много лет верно служило мне. Ничего сверхъестественного, просто поймать, найти, ухватить свою обычную игру — ту, к которой я привык "с пеленок" и к которой — это, может быть, самое главное — привыкла команда, уверенная в надежности тылов…

Переживаний у меня добавилось, когда дважды подряд — 30 апреля и 1 мая — Тихонов не ставил меня на матчи.

— В воротах сегодня Пашков, — просто говорил перед игрой тренер, никак не комментируя свое решение.

Наконец, видя мое подавленное настроение, Виктор Васильевич объяснил:

— Я тебя специально не ставлю в этих матчах. Отдохни. Верю, что потом не подведешь.

Тяжелую травму получил Саша Голиков: нога у него распухла, вздулась — страшно смотреть. За ужином — мы сидели за одним столом — вижу, кусает он губы, на глазах слезы выступили. Потом отодвинул тарелку:

— Не могу, ребята, боль адская.

— Михалыч! — сразу несколько голосов позвали доктора. Он подбежал:

— Давайте быстрее Сашу в номер перенесем.

Там ему лед положили, сделали массаж. Наш врач Сапроненков и два массажиста всю ночь от Голикова не отходили. Я знаю, что с такой травмой люди по десять дней с постели не встают, а Саша уже на следующее утро вышел на лед. Поставил его доктор на ноги. Может быть, этот случай войдет в историю медицины?..

Утром 2 мая вся команда поехала на экскурсию в ботанический сад, а Юрзинов, Цыганков, Саша Голиков и я тренировались. Впереди у нас были шведы.

…Тренировка. Пот заливает глаза. На льду две дюжины шайб, и чуть ли не одновременно они летят в ворота. Но разве я фокусник? Разве у меня десять рук? Эту отбил. И эту… Поймал в

ловушку. Отбил… Уф-ф! Подъезжаю к бортику, чтобы сделать глоток воды, перевести дух. Знакомый чехословацкий журналист — он стоит у скамьи — молча поднимает вверх большой палец. "Спасибо", — киваю ему и снова еду к воротам. Юрзинов, Цыганков и старший Голиков опять, как из пулемета, обстреливают меня шайбами.

— Внимание! — говорит тренер. — Теперь договариваемся так:

мы делаем восемнадцать бросков и если забиваем меньше шести голов, то победа присуждается вратарю. Если шесть и больше, то выигрываем мы. Согласен, Владик?

Я молча встаю в ворота и постукиваю себя клюшкой по щиткам. Бах-бах-бах… Пять шайб в сетке. Хорошо! Мои "соперники" под смех случайных зрителей кувыркаются на льду — таково условие нашей "дуэли".

— Согласен на пять! — кричу Юрзинову.

— Ух, сейчас мы тебе покажем! — шутливо грозится Гена Цыганков и, широко замахнувшись, делает первый бросок…

Теперь из восемнадцати четыре шайбы в воротах. Мои товарищи и тренер опять кувыркаются на льду. Я снимаю маску и еду к бортику. Пот льет с меня ручьями. Мокрые волосы слиплись. Кажется, клюшка весит целый пуд. Со скамейки и с трибун ловлю сочувственные взгляды: мол, достается же человеку…

Но усталость не мешает мне почувствовать, что шайбы постепенно становятся "дрессированными", что я близок к своей лучшей форме. А это главное. Теперь, чтобы окончательно обрести уверенность, мне нужен бой.

И вот матч СССР — Швеция. Забегая вперед, сразу скажу, что он доставил всем нам большое удовольствие. Ребята были великолепны, а счет 6:1 говорит сам за себя.

Теперь мы, кажется, окончательно сбросили с себя путы стартового оцепенения, мешавшие команде играть в полную силу.

Мы вышли на лед и увидели не просто очередных соперников, а хоккеистов, дважды "наказавших" нас в прошлом году и оттого слегка самоуверенных. Я приказал себе остаться "сухим" и действительно два периода держал ворота на замке. Только при счете 3:0 в нашу пользу Андерссон усмотрел щель и верхним броском забил гол, на который мои товарищи сразу ответили тремя.

Я не случайно упомянул про верхний бросок. В этом матче таким приемом шведы завершали едва ли не все свои атаки. Возможно, им показалось, что шайбы, летящие верхом, я пропускаю чаще? Или, быть может, это была чисто

психологическая уловка, рассчитанная на то, чтобы запугать вратаря? Конечно, если шайбы все время летят в лицо, трудно когда-нибудь не зажмуриться. Как бы там ни было, успеха шведам это не принесло.

Когда матч закончился, старший тренер сборной СССР не прятал свою радость.

— Молодцы! — сияя, обнимал он ребят. — Вы на сто процентов выполнили наш план.

Виктор Васильевич — мы сразу заметили — не умел скрывать своих чувств. Возможно, кому-то это не по душе, а мне такие люди всегда нравились — прямые, открытые, принимающие близко к сердцу все, что происходит вокруг них.

После встречи со шведами я как-то по-новому взглянул на дебютанта нашей команды 20-летнего Сергея Макарова из команды "Трактор". Я и раньше с удовольствием наблюдал за этим бесстрашным парнем, а теперь окончательно убедился: в лице новичка сборная обрела достойного хоккеиста. Удивительно, но факт: в его действиях не было заметно ни тени робости. Как будто в своем родном Челябинске Макаров до сих пор только и делал, что играл против шведов и канадцев. Но характер — это еще не все. Сергей — талантливый мастер. Невысокий, пружинистый, он мчится к воротам там, где его не ждут, где все пути, кажется, перекрыты. На льду он дерзок, беспощаден к себе, а снимет коньки — добродушный, славный парень.

В спортивный клуб трубопрокатного завода его привел старший брат, когда Сереже было 5 лет. А в Москве тогда впервые вышел на лед Вячеслав Фетисов — другой наш 20-летний хоккеист. Потом мальчишки играли в турнирах на приз клуба "Золотая шайба". Пришел день, и они встретились в сборной юниоров СССР, которая стала победителем первого чемпионата мира. Было это за год с небольшим до этого чемпионата здесь же, в Чехословакии. Помнится, тогда тренеры наших юниоров высоко оценили игру Фетисова и Макарова, предсказали им большое спортивное будущее. И они не ошиблись. Директорат ЛИХГ впоследствии назовет Фетисова лучшим защитником пражского чемпионата.

— Знаешь, что мне больше всего нравится в игре Фетисова? — сказал мне как-то Виктор Жлуктов. — Манера паса. Защитники обычно посылают шайбу ударом, а он, как Рагулин, делает пас мягко. Есть защитники, которые хорошо разрушают атаку соперников. Сейчас этого мало. Разрушив, надо создать. Вот это и умеет Слава. Я очень рад за него. Лишь бы голова от ранней славы не закружилась.

…Напрасно опасался Виктор. Прошли годы, и уже вот-вот Макарова с Фетисовым стали называть "славными ветеранами". Они вынесли на своих плечах основную тяжесть хоккейных битв 80-х годов.

Судьба продолжала испытывать нас. Матч с хозяевами — и поражение.

"Удаления подвели нас в этой игре, — записал я в своем дневнике. — Настроение скверное. Команда допустила много ошибок, и меня это касается тоже. Почему-то на льду я не чувствовал свежести. Возможно, тому виной гроза, которая сегодня вечером разразилась над Прагой, — воздух стал липким, дышалось трудно, ноги были словно ватные… У меня после этой неудачи такое ощущение, будто я чего-то недоделал, будто безвозвратно ушло что-то важное. Положа руку на сердце, могу сказать, что две из шести пропущенных шайб (третью и пятую) я, наверное, мог взять".

Все эти невзятые шайбы долго потом мешают спокойно засыпать.

Кстати, это может показаться странным, но чехословацким хоккеистам победа в итоге сослужила плохую службу. Мне, как спортсмену, было нетрудно понять их последующее состояние: теперь до самого финиша они вольно или невольно ждали, что мы где-нибудь споткнемся еще раз, и тогда вопрос о чемпионстве будет решен досрочно. Они ждали, растрачивая, сжигая себя этим ожиданием, а мы упорно преследовали их, психологически изматывали соперников и в итоге перед финишем получили некий моральный перевес.

Только раз мы действительно могли споткнуться: подножку нам чуть было не подставили канадцы. Это случилось 3 мая — в роковой для нас день: ровно год назад мы проиграли в Вене шведам и в итоге остались с — "бронзой". И вот — канадцы…

Сборная Канады-78 на пражском льду старательно пыталась наладить принятую в Европе комбинационную игру, и порой это получалось у нее неплохо. А в сочетании с жесткостью, умением сражаться до последней секунды, великолепной техникой катания на коньках (все это с детства привито любому канадскому хоккеисту) коллективная игра команды "кленовых листьев" становилась грозным оружием.

Наш знаменитый актер Евгений Павлович Леонов после матча заметил: "Такую драму не напишет ни один драматург". Сюжет этой встречи развивался вопреки всем законам хоккейного искусства (впрочем, есть ли они, эти законы?). За 56 минут игрового времени мы забили одну шайбу (зато сколько стопроцентных возможностей не использовали!). Одна шайба

была также на счету канадцев, и дело клонилось к ничьей. И вдруг, за четыре минуты до конца, Левер выводит своих вперед. Что тут было! Канадец три раза вынимал из сетки шайбу и снова забрасывал ее в ворота, чтобы все видели:

это он, именно он, Левер, забил гол. На их скамейке все невообразимым образом смешалось. Было такое впечатление, что уже сейчас, не дожидаясь финального свистка, профессионалы достанут шампанское и начнут праздновать победу. Наверное, тогда все подумали: ну, уж четыре-то минуты эти канадцы как-нибудь продержатся…

Но все получилось как раз наоборот. Кто знает, не забей Левер эту злополучную шайбу, возможно, матч так и закончился бы вничью, и тогда нам, скорее всего, нужно было бы расстаться с мечтой о "золоте". Гол же будто подхлестнул наших игроков, красный свет за воротами стал для них неким сигналом к яростному штурму.

Профессионалы смяты, загнаны в угол, растеряны, они явно не могут понять, что происходит. Харламов — 2:2. Капустин — 3:2. Фетисов — 4:2. И какие красавцы голы!

Через день, в повторном поединке с канадцами, не случилось уже ничего похожего. Полтора периода профессионалы еще выдерживали высокий темп, старательно бегали за нами, а потом сдались. Наша команда диктовала на льду свои условия.

Проигрывая со счетом 0:2, соперники пытались противопоставить коллективной игре сборной СССР свое испытанное оружие — нечестный, грязный хоккей. Третья шайба, забитая на последней минуте второго периода В.Голиковым, привела их в ярость. У защитника Риббла этот гол вызвал приступ желчной злобы, и он превратил угол ледяной площадки в борцовскую арену, вцепившись в волосы Билялетдинову.

Те, кто видел матч, могут возразить: мол, и наши спортсмены не были на льду пай-мальчиками, и они в общей сложности 23 минуты отсидели на скамье для провинившихся. Но вся разница в том, что наши давали сдачи, а зачищиками потасовок всякий раз были

канадцы. О стиле их игры лучше всего поговорить с врачом советской команды — он скажет, сколько наложил швов и повязок, сколько сделал обезболивающих уколов…

Изумительный по красоте гол забил в этой встрече Сергей Капустин. Он хладнокровно обвел почти всех канадцев — какой смелый это был слалом! — затем исполнил изящный пируэт перед вратарем Бушаром, отчего тот упал на лед, и уже тогда Капустин подправил шайбу в пустые ворота. Если бы в мире существовала коллекция самых замечательных хоккейных голов,

то шайба наше

го бомбардира, безусловно, украсила бы ее. С ней может сравниться только хрестоматийный проход Хелмута Балдериса во второй встрече с хозяевами первенства, когда, получив шайбу в средней зоне, Бал-дерис пошел прямо на двух чехословацких защитников, они брали его в тиски, но наш форвард каким-то чудом (только он один умел так!) прошмыгнул между соперниками и открыл счет.

Вообще, тандем Капустин — Балдерис, созданный лишь в начале сезона, был самым эффективным на пражском льду. В игре второго звена словно произошел какой-то взрыв, качественный скачок. Долго у ребят ничего не получалось, они переживали, даже, бывало, ссорились, и вдруг все ахнули: какая тройка, какие молодцы! В решающих матчах Капустин, Балдерис и Жлуктов забили важные голы.

И вот остался только один барьер. Нам нужно было обыграть чемпионов мира с разницей не менее чем в две шайбы — только тогда сборная СССР получила бы золотые награды. Трудно в это поверить, но мы почти не испытывали волнения. К последнему матчу команда полностью обрела себя.

Говорят, что с игроками сборной Чехословакии, которые на время чемпионата расположились в загородном мотеле, по вечерам беседовал психолог — это входило в систему предматчевой подготовки. Нам во время чемпионата посчастливилось общаться сразу с тремя "психологами": народным артистом Евгением Леоновым, популярными артистами эстрады Вадимом Толковым и Борисом Владимировым. Я не знаю, знаком ли Евгений Павлович Леонов с тонкостями спортивной психологии, но вот то, что он заражал команду оптимизмом, — это точно. Наши беседы продолжались часами. Леонов рассказывал о своей работе на сцене и в кино, мы ему — о хоккее.

— Завидую я вам, ребята, — говорил актер. — Сколько у вас болельщиков! Вот я народный артист, а разве можно мою популярность сравнить с вашей?

— Можно, — возражали мы ему. — Еще как! А если вы сыграете роль хоккейного тренера, тогда и вовсе всех затмите.

Он смеялся, и мы вместе с ним.

Впрочем, мы не только развлекали друг друга. Для меня, к примеру, эти встречи были еще и очень поучительными.

— Играть, — говорил Леонов, — значит безмерно тратиться, сжигать себя.

Он не проводил параллелей и аналогий с хоккеем, но мы

понимали, что и о хоккее речь шла тоже.

В субботу 13 мая кто-то из ребят увидел Леонова в вестибюле гостиницы с чемоданом.

— Вы что, уезжаете, Евгений Павлович?

— Да вот, пора, в Москве ждут, — со своей обычной чуть застенчивой улыбкой ответил артист.

— А мы как же?

Наверное, на лицах хоккеистов было написано такое огорчение, что Леонов, потоптавшись минуту у дверей, махнул рукой и зашагал обратно к лифту. Он остался с нами до конца и по праву разделил со сборной радость победы.

В воскресенье 14 мая я проснулся в 8.30. С улицы почти не доносился шум автомобилей — верный признак выходного дня. Приведя себя в порядок, я спустился на второй этаж, где в просторной комнате рядом с рестораном столовалась наша команда. Почти все уже оказались в сборе. Завтракали молча. Я обратил внимание на лица ребят: они были, как бы это сказать, отрешенные, что ли… Или замкнутые.

Позавтракав, каждый молча вставал и спешил к дверям. Я понимал своих товарищей, потому что и сам испытывал желание побыстрее остаться один, избежать лишних разговоров. Проглотил яичницу с ветчиной и тоже направился к себе в комнату. В коридоре меня догнал наш врач: "Ты знаешь, — сказал он, — сегодня заболел Сережа Капустин. У него высокая температурам. — "Играть не сможет?" Сапроненков с сомнением пожал плечами. Кажется, и сегодня спать ему не довелось: глаза у него запали, под ними — черные круги…

О том, что на лед не выйдет один из лучших игроков нашей команды Сергей Капустин, я старался не думать. Только констатировал этот факт: плохо, дескать, дело — и все. Что толку терзать себя перед матчем? Лучше совсем не вспоминать о хоккее. Даже на дневной раскатке (мы приехали на каток вчетвером — с Юрзи-новым, Пашковым и Лебедевым) я все делал как бы машинально,

не думая о том, что вечером этот гигантский зал, похожий на разрезанную пополам бочку, содрогнется от призывного клича пражских болельщиков и на этом льду нам предстоит бороться с хозяевами чемпионата за победу и выиграть с перевесом не менее чем в две шайбы.

Перед обедом я пригласил Сашу Пашкова на прогулку. В Праге было прохладно. Белые церемонные свечи прятались в кронах каштанов. Над Влтавой сдержанно пели дрозды. Я вдруг поймал себя на мысли, что и сейчас совсем не испытываю волнения.

Пообедав, я по своему обыкновению крепко уснул. Сон был глубоким и чистым, как у младенца. Через полтора часа я встал свежим и еще более спокойным. Чем ближе был матч, тем увереннее я себя чувствовал.

— Ну, мальчишки, у вас есть шанс доказать, что вы самые сильные в мире, — сказал Виктор Васильевич Тихонов на традиционной установке. — Надо сразу показать соперникам: мы вышли побеждать. У них дома, в присутствии их болельщиков, не смущаясь их чемпионскими титулом, — побеждать!

Мы вышли на лед, и я сразу увидел, что наши соперники выведены из равновесия: бледные лица, скованные движения. Хозяев не взбодрило даже то, что болен Сергей Капустин. И хотя он (вот настоящий парень!) вышел на площадку, чтобы поддержать нас, соперники, конечно же, знали о том, что у Сергея высокая температура.

О том, какой прекрасный гол забил Балдерис, я уже вспоминал. А потом Петров увеличил счет. Мы были в меньшинстве, когда Володя перехватил шайбу в средней зоне, прошел с ней вперед и пробросил направо — Михайлову. Что сделал бы на месте нашего капитана любой другой хоккеист? Он почти наверняка прижал бы шайбу к борту, ведь главное при игре в меньшинстве — выиграть время. А Борис рукой остановил летящую шайбу и, увидев, что вратарь Холечек вышел на него, адресовал пас Петрову. Гол!

Умение сыграть нестандартно всегда отличало хоккеистов нашего ведущего звена, и вот вам, пожалуйста, — еще один пример. Ребятам порой приходилось очень трудно: у них не всегда ладилась игра, мешали травмы, да и соперники против нашей ударной тройки действовали с двойным усердием. Но и теперь ветераны не подвели — они забили больше всего шайб.

На последней минуте второго периода, когда чехословацкие хоккеисты играли в меньшинстве, к моим воротам по правому краю прорвался Мартинец. Удивительно, но я успел загадать: выиграю этот поединок — значит мы чемпионы. А Мартинец летит прямо на ворота, и шайба, как привязанная, на конце его крюка. Тут уж надо было держаться, стоять до последнего! Я чуть выкатился и отразил шайбу, но в следующее мгновение Мартинец наткнулся на меня, сбил с ног, сразу образовалась куча-мала… А где шайба? Вот она миленькая, лежит в двадцати сантиметрах от линии ворот.

Соперники на всякий случай всей командой высыпали на лед, начали обниматься, а гола-то нет! "Ноу! — кричу я судье Пирсу. — Ноу!" А он и сам видит, что гола не было.

В третьем периоде Владимир Голиков увеличил счет, а через

две минуты капитан сборной ЧССР Иван Глинка "раскупорил" мои ворота, и этот успех придал хозяевам новой силы. Что тут началось! Нам нужно было выстоять в течение десяти минут. Десять минут… Какими длинными могу они казаться!

Незадолго до конца, когда чехословацкие хоккеисты предприняли яростный штурм и судьба золотых наград висела на волоске, у нас почти не осталось игроков. С тяжелой травмой покинул каток Мальцев. Шайба едва не высадила глаз Лутченко, и он тоже вышел из строя. Сердечный приступ свалил здесь же, на скамейке, Васильева… Врач метался от одного к другому. Билялетдинов получил двухминутный штраф. Кому же играть? А соперники давят…

Я никогда не смотрю на табло во время матча, не считаю оставшегося времени. А тут, каюсь, не выдержал, поднял голову — осталось продержаться пятнадцать секунд. Пятнадцать секунд, и все — мы чемпионы. Только пятнадцать… Это были самые длинные секунды в моей жизни. Я считал при себя: "…три, две, одна".

А когда прозвучала сирена, я на мгновение потерял контроль над собой — клюшку разнес о лед вдребезги. Я что-то кричал, и мне что-то кричали.

А на скамейке, не стыдясь, плакал Тихонов.

ЛэЙК-ПлЭСИД, 22 февраля 1980 года. Узкая, похожая на купе спального вагона комната. Двухэтажные нары. Крохотное окно, забранное металлическими прутьями. Под потолком воет вентилятор. Холодно, пусто.

Сколько я сижу здесь один? Час, два? Книга все на той же странице. Страшно болит голова.

Из-за двери до меня доносятся звуки музыки, веселые голоса. Там, в круглом холле, после дневных баталий собираются олимпийцы: лыжники, конькобежцы, фигуристы… Чью-то победу будут чествовать, кого-то благодарить за "серебро" и "бронзу". По телевизору крутят видеопленки с мультфильмами "Ну, погоди!", "Крокодил Гена".

Ну, погоди… Я усмехаюсь, поймав себя на мысли, что угроза мультипликационного волка адресована лично мне. Доигрался…

Пытаюсь успокоиться, привести нервы в порядок. Собственно, что произошло? Ты что, раньше никому не проигрывал? Не пропускал обидных шайб? Ведь было?

Было-то было, но только не в таких матчах. Что сейчас дома творится? Как люди переживают! Эх… Я вновь сжимаю тисками ладоней голову, стискиваю зубы.

Проклятая камера. И так тяжело на душе, а тут еще эти

казенные стены, стальные двери, нары…

Только что проиграли хозяевам Олимпиады и фактически расстались с шансами на победу, когда до "золота" оставалось рукой подать.

Инсбрук-64, Гренобль-68, Саппоро-72, Инсбрук-76 — столько лет продолжалось победное шествие советского хоккея, и вот — осечка.

…Я снова пытался читать, но ни одно слово не задержалось в сознании, текст сливался в какую-то серую массу, и помимо своей воли я опять возвращался к недавним дням, мгновение за мгновением останавливал в памяти "видеозапись" последнего рокового матча.

В Лейк-Плэсиде все было плохо. Поймите меня правильно. Я говорю так не потому, что мы проиграли. Олимпийского праздника не получилось — вот что я имею в виду. Не было ничего похожего на то, что спустя полгода подарила лучшим спортсменам мира наша Москва.

Я считал, что меня уже ничем нельзя удивить. Где только не играл за эти годы, в каких отелях не жил. Но, прибыв в Лейк-Плэсид, мы с первого и до последнего дня не переставали изумляться. Этот поселок, расположенный в глуши горного массива Адирондак, в пяти часах езды от Нью-Йорка, является, по-видимому, одним из самых не приспособленных на земле мест для проведения зимних Олимпийских игр. Деревенская тишина, запустение. Какие-то сарайчики, крохотные мотели. Главная улица длиной не более двухсот метров. Пресс-центр в школьном спортзале. А под Олимпийскую деревню американцы оборудовали новенькую, с иголочки, тюрьму.

— Неужели это была самая настоящая тюрьма? — недоверчиво спрашивали меня после возвращения из Соединенных Штатов многие люди. — Может быть, это гипербола?

Приходилось объяснять: да, тюрьма, самая настоящая, с двумя рядами колючей проволоки, с тесными камерами без окон, с насквозь простреливаемой площадкой для прогулок заключенных. Каморки, в которых мы жили по двое, были настолько крохотными, что если один человек заходил, то второму приходилось или выходить, или ложиться на нары — иначе не разойтись. Звукоизоляция практически отсутствовала: стоило Петрову в камере рядом чихнуть, как мой "сокамерник" Крутов говорил ему, не напрягая голоса, "будь здоров!". Ночами нас донимал страшный холод, приходилось спать под тремя одеялами. К тому же сну мешал надсадный вой вентиляционных моторов. Это напоминало пытку.

Камеры располагались по окружности в два яруса, а внутри круга на площадке, которую я несколькими строками выше назвал "холлом", был устроен импровизированный клуб нашей делегации. Вообще-то это место предназначалось для надзирателей. Теперь здесь поставили несколько телевизоров, видеомагнитофон, киноустановку, проигрыватель. Здесь же с утра и до отбоя коротали время спортсмены, свободные от стартов и тренировок. Не в камерах же сидеть! Мы, хоккеисты, особенно в дни матчей, привыкли после обеда час-полтора поспать — это своеобразная форма настройки на предстоящую борьбу. Но разве уснешь, когда за стальной дверью в трех метрах от тебя то крутят кино, то шумно чествуют чемпионов!..

Транспортными и другими неурядицами, кажется, были возмущены все; во всяком случае, газеты (даже местные) писали о них гораздо больше, чем о соревнованиях. Единственными людьми, кого это не трогало, были… организаторы Олимпиады. Они вели себя так, будто по-другому и быть не может, будто Игры проходят хорошо и все довольны. Похоже, большинство американцев, имеющих отношение к проведению Игр, не смогли или не захотели понять, отчего ими недовольны и чего от них хотят. Возможно, это чисто американская черта — полагать, что лучше сделанного тобой сделать уже нельзя, и упорно не считаться с мнением всего остального мира.

Хозяева Игр-80 и не думали скрывать того, что Олимпиада для них является прежде всего средством хорошо заработать. Жители проявляли поразительное равнодушие к соревнованиям, зато их предприимчивость по части вздутия цен на все — от сувениров до мест в гостиницах — побила абсолютные рекорды. Это был грабеж средь бела дня. Завтрак в дешевеньком баре — 10 долларов, ночлег в плохоньком мотеле — 80 долларов. У видавших виды туристов волосы вставали дыбом: вот так гостеприимство!

Но в том, что случилось 22 февраля 1980 года, виноваты мы и только мы.

В матчах предварительного круга никто не мог испортить нам настроение. Мы легко разделались со всеми соперниками, а японцев разгромили "всухую" — 16:0. Сенсации произошли в других матчах. К примеру, кто бы мог предположить, что чехословацкие хоккеисты проиграют американцам! А именно так случилось вечером 14 февраля. Счет — 7:3 в пользу хозяев. Это был сюрприз олимпийского турнира, который означал, что хоккеистов США следует считать одними из главных претендентов на олимпийские награды.

Первым серьезным препятствием для нас были финны. Бело-

голубые сломя голову бросились на нас, словно никакого другого варианта, кроме победного, в их планах не предусматривалось. Пробелы в своем хоккейном образовании соперники восполняли напором и дерзостью. А в наших действиях сквозила какая-то небрежность. В итоге мы с большим трудом вырвали победу — 4:2.

Встреча с канадцами проходила по тому же сценарию. Снова соперники вели в счете, мы — догоняли, а вперед вышли только в конце матча — 6:4. Зрителям это, возможно, и пощекотало нервы, но нам стало ясно: что-то не так в команде, почему-то не клеится игра. Почему? Что случилось? Соперники против нас в основном действуют от обороны, инициативой владеем мы, но сами забить не можем, а в свои ворота пропускаем. Откуда-то взялась общая неуверенность, скованность. Шесть шайб, пропущенных в двух матчах, — это и результат моих досадных ошибок, и плоды расхлябанности защитников.

Пожалуй, из всех нас только к одному Володе Крутову не было претензий. Дебютант сборной СССР, молодой воспитанник нашего армейского клуба был включен в одно звено с Лебедевым и Мальцевым. Звено практически не наигрывалось, ему вначале отводилась роль запасного, но ребята показали себя молодцами.

В финальную часть турнира вошли команды СССР, Финляндии, США и Швеции. Сборные Чехословакии и Канады не попали в финал, что само по себе говорит о том, какими напряженными и коварными были эти состязания.

Американцы вышли на игру с нами, имея в своем пассиве всего одно очко (ничья со шведами — 2:2). В их взглядах читались решимость, желание во что бы то ни стало пробиться в олимпийские чемпионы. Перелом в состоянии команды произошел после победы над чехословацкими хоккеистами и ничьей со шведами.

Американцы играли с нами так, будто на карту была поставлена их жизнь. Они сознавали, что уступают в мастерстве нашим хоккеистам, но решили компенсировать это "фантастическим желанием свалить русского медведя".

Главные события развернулись в центре площадки, и, кстати, издалека были забита почти все голы. Американские хоккеисты, следуя воле своего тренера, охотно приняли наше предложение играть в быстрый, комбинационный хоккей. И они действительно старались избегать силовых единоборств. Как примерные ученики, они прилежно выполняли заданный им урок.

На 9-й минуте счет открыл Крутов — он подправил шайбу, издалека брошенную Касатоновым. Через пять минут выстрелом с острого угла Шнайдер сравнял результат: шайба попала прямо в

"девятку". Затем снова мы вышли вперед: Макаров сквозь частокол защиты прошмыгнул к воротам и — гол.

До конца периода оставалось две минуты… Одна минута… Несколько секунд… И вот тут-то нам забили шайбу, которую можно считать роковой. С центра поля по моим воротам сильно бросил Кристиан. Я отбил — не очень, правда, ловко — прямо перед собой, но ведь и никого из соперников поблизости не было! И вдруг откуда ни возьмись Джонсон. Он подхватывает шайбу, которая уже доскользила до синей линии. Две секунды до сирены. Я не готов к этой атаке. Секунда. Бросок. Гол. А что же делали в этот момент наши защитники? Почему они даже не шевельнулись, когда Джонсон коршуном летел на мои ворота? Потом выяснилось: игроки задней линии… смотрели на табло, считая оставшееся до конца периода секунды.

Да, это был ключевой момент матча и даже, возможно, всего олимпийского турнира. Так считают и авторы книги "Один гол", написанной американцами Д.Пауэрсом и А.Каминским о Лейк-Плэ-сиде. Вот как они вспоминают тот эпизод. "За десять секунд до конца первого периода Морроу подобрал шайбу в своей зоне и передал Дэйву Кристиану, находившемуся на синей линии. Он крикнул ему, чтобы тот просто бросил в сторону Третьяка. Дескать, время периода все равно уже истекло. Кристиан сделал ничего не значивший бросок. Шайба, попав в щитки Третьяка, отскочила недалеко в поле. Оставалось три секунды. Марк Джонсон, который находился на синей линии, уже повернулся, чтобы отправиться в раздевалку. Но тут он услышал рев трибун и понял, что надо что-то делать. Он увидел расслабленные лица Первухина и Белялетдинова. В мгновение ока он прошмыгнул между ними и, оказавшись один на один с советским вратарем, сумел обыграть его кистевым броском.

Но что это? Гол или не гол? Красный сигнал почему-то не горит. Однако судья указывает, что гол засчитан. Оказывается, красный фонарь не зажегся потому, что уже горел зеленый, показывающий конец периода. Потом выяснилось, что надо доиграть еще одну секунду. Русские уже покинули площадку. Арбитр вновь приглашает их на лед, хотя это просто формальность".

В перерыве меня заменили Мыщкиным, заявив под горячую руку, что я подвел команду. Столько лет был незаменим, а тут "подвел"…

ет…" Невдомек таким людям, что каждый час своего 24-дневного отпуска мы, хоккеисты, ценим совсем не так, как другие. Ведь целый год ни на день не имеем права расслабиться, забыть о режиме! Ждем отпуска, как подарка.

А в Вышнем Волочке хорошо! Большой деревенский дом. Парное молоко. В семь часов мы уже на ногах и всей семейной командой — Таня, Дима, Иришка — отправляемся на озера. К обеденному костру кто-то несет лукошко грибов, кто-то банку ягод. Я всегда возвращался с рыбешкой. Вечером налаживал самовар (очень люблю это дело) и с 86-летним дедом долго гонял чаи. Дед рассказывал о том, как жили тут прежде, как власть переходила от белых к красным и наоборот… Я видел, что он явно гордится моим приездом перед соседями. А я был счастлив, что есть этот дом в Вышнем Волочке, где можно провести такой замечательный отпуск.

…В первом матче турнира на приз "Известий" 1980 года с командой Чехословакии ворота защищал Володя Мышкин. Наша сборная тогда проиграла — 4:5. На вторую игру поставили меня. Я старался, как в юные годы. Счет был 5:2 в нашу пользу, но это еще не все — организаторы турнира назвали меня лучшим вратарем.

Значит, удача вернулась? Празднуй, Третьяк! Но нет, я же говорю, что судьба крепко взялась за меня. Ух как крепко! Спустя полтора месяца мы поехали в Горький на обычный календарный матч первенства СССР. Автобус подвез команду к Дворцу спорта. Неся перед собой свою громоздкую сумку с вратарской амуницией, я стал спускаться по автобусным ступенькам. Правой ногой резко шагнул на землю и вдруг почувствовал резкую боль в ступне. Я сдавленно застонал. Ребята подбежали: что случилось? Полкоманды спустилось по этим ступенькам, и ничего, а я… Правая нога со всего маха угодила в яму. Когда сделали рентгеновский снимок, выяснилось: перелом. И это произошло незадолго до чемпионата мира!

Наложили гипс.

— На какое время? — спросил я врача.

— По меньшей мере на месяц, — твердо ответил он. Когда я на костылях появился дома, Татьяна ударилась в слезы: "Вот он — твой хоккей! Инвалидом тебя сделает…" Но ее огорчение, впрочем, быстро сменилось радостью — она поняла, что теперь-то я наверняка месяц, а то и больше, буду дома.

Неделю я наслаждался полным покоем. Затем спохватился. Нет, я вовсе не намерен был так просто складывать оружие. Позвонил в клуб: "Готов приступить к тренировкам". Каждый день к подъезду нашего дома теперь стал подкатывать автомобиль "скорой помощи", я спускался на своих костылях и ехал в ЦСКА. Там в гимнастическом зале для меня установили настоящие хоккейные ворота. Я садился перед ними на табурет, брал ловушку, и Виктор Кулькин швырял по воротам ракеткой

теннисные мячи. Так мы тренировались — ежедневно по часу-полтора.

Это помогло мне не потерять навыка, а самое главное — уверенности в своих силах.

мой по указанию Тихонова доставили гребной тренажер. Этот г

занимал половину комнаты и поначалу вызвал большой

у детей. Правда, они быстро остыли, уяснив, что заниматься гной греблей — утомительное занятие. Я же работал меха-

1ми веслами по многу часов. Я не был до конца уверен в

в том, что успею встать в строй до начала мирового пер-.,

но решил побороться, постоять за себя.

Гипс сняли через три недели. Я почти тут же вышел на лед, с сыном Димой и сочувствовал, насколько далеко назад отбросила меня эта

женой Татьяной. Даже Татьяна по телетрансляции заметила мою неуверен-

частые необдуманные падения, какие-то лишние, несвойствен

-:е раньше движения. А до чемпионата оставались считанные

Пришел к Тихонову:

Наверное, не успею, Виктор Васильевич. Не хочу подводить команду

Ответ тренера был неожиданным:

— Да, мы видим, что ты не в форме. Но время еще есть. ты успеешь.

Наверное, скажи он как-нибудь по-другому, не так определенно, я действительно опустил бы руки. А после тех слов будто второе дыхание открылось. Раз в меня верят, на меня рассчитывают, я должен быть в полном порядке.

Как дальше складывались события, болельщики, наверное, помнят. В Стокгольме и Гетеборге я отыграл за сборную во всех матчах, кроме последнего, от которого уже ничего не зависело, потому что мы досрочно стали чемпионами мира. В решающем поединке наша команда буквально разгромила шведов — 10:1.

Следующий сезон начался необыкновенно рано — уже в сентябре нам требовалось показать свою лучшую форму, потому что сборной СССР предстояло участвовать во втором розыгрыше Кубка Канады.

В нашей команде завершился процесс смены поколений. Сборную покинула целая плеяда выдающихся хоккеистов, из "старичков" остались только Валерий Васильев, Александр Мальцев и я. Но и молодежь к нам пришла не робкого десятка. Если на мировом чемпионате в Праге (1978 год) широкой публике открылся талант Макарова, а спустя два года в Лейк-

Плэсиде засверкало дарование Крутова, то Кубок Канады заставил говорить о блистательном мастерстве и бесстрашии Ларионова. С виду Игорь ну никак не похож на ледового бойца! Кто он рядом с двухметровым гигантом Робинсоном? Но как обманчива бывает внешность! Ларионов показал такую страстную жажду борьбы, такое великолепное мастерство, что стал подлинным героем турнира. В финальном матче Кубка Канады, который свел нас с хозяевами льда, именно Игорь открыл счет, хитроумно обыграв того же Робинсона. Это привело в изумление не только трибуны, но и добрую половину всех участвующих в том поединке хоккеистов.

Однако не буду забегать вперед. Как и пять лет назад, на старте мы встречались с командой ЧССР. Необыкновенно упорная борьба завершилась вничью (1:1). Матч со шведами тоже складывался непросто. Долгое время мы шли вровень, но, когда при счете 4:3 Нильсон не забил мне шайбу из выгоднейшей ситуации, в игре наступил перелом. Разрыв увеличил Мальцев, который каким-то непостижимым образом забросил пятую шайбу буквально, как мы говорим, "с нулевого угла".

Болельщики говорили нам перед отъездом: "Кубок Канады можете уступить, но чтобы у американцев выиграли обязательно". Любители спорта никак не могли забыть поражение в Лейк-Плэсиде. Ворота сборной США защищал Тони Эспозито, который ради выступления в Кубке даже сменил подданство — стал американским гражданином. В составе их команды было немало игроков из золотой олимпийской сборной. Они рвались снова показать себя, убедить всех, что тот их успех не был случайным.

Тони пропустил четыре шайбы. Я — одну. Но каких же усилий мне это стоило! После второго периода голова кружилась так сильно, что я с трудом добрел до раздевалки. Перед глазами плавали разноцветные круги. Врач с трудом привел меня в сносное состояние.

Следующий матч, с канадцами, по сути дела ничего не решал, был почти формальностью, так как мы, и хозяева уже вышли в полуфинал. Мне позволили отдохнуть. Канадцы были в ударе. Грет-цки, Босси, Перро и их товарищи, к шумному восторгу публики, выиграли встречу со счетом 7:3. Канадские болельщики вряд ли после этого сомневались в том, что Кубок вновь вручат их любимцам.

У нас в команде к проигрышу отнеслись спокойно. Мы несколько раз посмотрели видеозапись матча, детально разобрали ряд ключевых ситуаций, окончательно определили, что же предпринять против коварного маневра Гретцки. Не было ни паники, ни переоценки своих сил. Была уверенность.

В полуфинале мы выиграли у чехословацких хоккеистов, а канадцы — у сборной США. И вот финал. Огромный каток "Форум" в Монреале. Снова "Форум". Опять сотрясаются бетонные стены от рева тысяч людей. "Форум" жаждет победы "кленовых листьев". Вся Канада приникла к телевизорам. Второй в истории финал Кубка.

Скажи нам кто-нибудь до начала матча, что мы победим в этот вечер со счетом 8:1, никто из нас в это бы не поверил. Канадцы были сильны. Действовал к тому же "фактор родных стен". Большинство болельщиков абсолютно не сомневались в их победе. А счет между тем 8:1 в нашу пользу. Накануне газеты писали: "Исход финала будет во многом зависеть от того, как сыграет Третьяк". Я выложился до конца. И все остальные наши ребята показали максимум того, на что они способны.

Что же случилось с канадцами? По-моему, их подвело излишнее волнение. Очень хотелось им блеснуть перед миллионами своих болельщиков. Очень!

Вначале хозяева имели довольно много выгодных моментов, но никак не могли забить. А потом, когда сами пропустили несколько шайб, они совсем сникли. Я видел это впервые. Обычно профессионалы бьются до конца, независимо от того, какой счет на табло. А тогда они как по команде сдались на милость победителя, у них опустились руки. Мне было просто жаль их вратаря, которого команда оставила на растерзание нашим форвардам. Болельщики неистовствовали.

Уже дома, в Москве, меня встретила во дворе старушка соседка.

— Ой, сынок, да ты ведь Третьяк?

— Да, бабуля.

— Дай я тебя поцелую. Я ведь, когда вы играли с этими супостатами, телевизор крестила. А когда вы их одолели, даже заплакала. Это же надо, наш советский гимн где пели!

В начале 1984 я твердо решил: все, хватит, доиграю сезон и ухожу. Пора. Меня уговаривали остаться, утверждали, что я еще нужен, что до конца не исчерпал своих возможностей. Но я решил твердо.

Прежде мне никогда не хотелось расставаться с хоккеем, я чувствовал себя достаточно сильным для того, чтобы надежно стоять в воротах, с кем бы мы ни играли — с канадскими профессионалами или командой второй лиги. Однако ведь силы не беспредельны! Мастерство осталось. И реакция моя ничуть не стала менее острой. А вот нервы поизносились. По ночам я, случалось, долго не мог заснуть, шел к доктору за каким-нибудь снадобьем. Все труднее давалась настройка на матч. На льду,

стоило кому-то из соперников сыграть против меня излишне жестко, я с величайшим трудом сдерживал невесть откуда поднимавшийся гнев. "Уйди от греха", — говорил обидчику, а тот смотрел с удивлением: за многие годы все привыкли к тому, что характер у меня покладистый.

Откровенно говоря, я бы мог уйти и годом раньше, но хотелось вернуть болельщикам (да и самому себе) долг за поражение в Лейк-Плэсиде. А Олимпиада бывает раз в четыре года.

За четыре года, прошедшие после Лейк-Плэсида, мы ни разу не уходили со льда побежденными, трижды становились чемпионами мира, выиграли Кубок Канады, традиционные турниры на приз "Известий" — словом, удача сопутствовала нам везде. Мы ждали Олимпиаду и готовились к ней, не щадя сил.

Хочу отдать должное хозяевам Игр-84, которые очень хорошо подготовились к встрече гостей со всего света. Все было продумано до мелочей — и в организации быта Олимпиады, и в проведении состязаний. В Сараево царил дух праздника.

Вновь, как и восемь лет назад в Инсбруке, я был знаменосцем олимпийской делегации. Возможно, мне эту честь оказали потому, что больше никто из наших спортсменов, включенных в сборную-84, не участвовал в четырех играх подряд. А может быть, в этом заключалась особая психологическая установка: показать хоккеистам, как надеются на их победу. Да, медаль, в отличие от лыжников, конькобежцев, фигуристов, мы приносили только одну, но цена ей у болельщиков очень высока.

В нашей сборной десять игроков впервые попали в атмосферу Олимпиады. Девять были серебряными призерами Лейк-Плэсида. Только я один из всего состава вкусил уже счастье олимпийских побед (в Саппоро и Инсбруке).

Старт турнира не доставил нам никаких огорчений, но Тихонов был недоволен: он считал, что мало забиваем. Дело, видимо, в том, что хоккеисты подсознательно сберегали силы для решающих испытаний. Олимпийская дистанция длинная, играть здесь приходится через день, надо быть расчетливым…

Мы гадали: придется ли нам в Сараево сыграть с американцами или же турнирная судьба распорядится по-другому? Мы знали о том, что олимпийская сборная США образца 1984 года очень ответственно подошла к подготовке: она сыграла около 80 матчей, в том числе с "Крылышками" и второй сборной СССР. Видеозапись этих встреч мы изучали особенно тщательно, обратив внимание на то, что американцы играют в европейском стиле, у них хорошо поставлен пас, розыгрыш шайбы. Перед отъездом в Сараево я разговаривал с Тыжных, который выступал

за вторую сборную. Саша был высокого мнения об олимпийских чемпионах:

— Технично они оснащены очень здорово. Команда с характером. Но я не сомневаюсь, в том, что вы у них выиграете.

В Сараево американские туристы заранее раскупали билеты на финал, убежденные в том, что повторится ситуация четырехлетней давности, что это будет их финал. Шума вокруг сборной США перед Олимпиадой и в первые дни турнира было много. Причем этому немало способствовали сами заокеанские хоккеисты, направо и налево давая смелые интервью.

Перед своим первым матчем — с канадцами — чемпионы пошли на соперника в психологическую атаку, обвинив "кленовые листья" в том, что за них якобы выступают два бывших профессионала. И американцы добились своего: этим игрокам запретили участвовать в Олимпиаде. Но зато канадцев это привело в неописуемую ярость. Они поклялись "растерзать этих выскочек" и сдержали свое слово. Счет матча — 4:2 в пользу Канады. Следующая игра у американцев была с хоккеистами ЧССР, хорошо запомнившими крупное поражение, которое они потерпели от сборной США в Лейк-Плэсиде. Эту встречу признали одной из лучших на олимпийском турнире. Американцам отступать было некуда, но и соперник силен. Мне показалось, что в физическом отношении обе команды были примерно равны, однако чехословацкие хоккеисты превосходили американцев в технике. Звено Руснака, по существу, одно обыграло олимпийских чемпионов — на его счету четыре шайбы.

Для сборной США Олимпиада закончилась матчем с норвежцами. 3:3! Настоящий конфуз.

В припадке безумного разочарования теперь уже экс-чемпионы вдребезги разбили о лед свои клюшки, а в раздевалке принялись крушить мебель.

…На Олимпиаде представители всех других видов спорта уже отсоревиовались, получили свою долю наград и огорчений, отпраздновали и отплакали. Только мы, хоккеисты, все еще не могли позволить себе думать ни о чем другом, кроме победы. Как это уже бывало неоднократно, главный матч свел нас со старыми знакомыми — хоккеистами Чехословакии.

В последний день Олимпиады мы вышли на лед, зная, что наша золотая медаль, если удастся ее завоевать, позволит сборной СССР занять первое место в неофициальном общекомандном зачете. Надо было постараться.

Тихонов дал общую установку на матч. А затем отозвал меня в сторону:

— Боюсь перенастроить ребят, Владик. Собери сам команду,

поговори по душам, без высоких слов.

И вот мы собрались без тренеров. На правах самого старшего и опытного я взял слово:

— Ребята, вся Олимпиада была интересной для зрителей, но вы знаете, как ждут наши болельщики хоккейной победы. Я вижу, что многие дебютанты очень волнуются. Это естественно. Для меня эта Олимпиада четвертая, а волнуюсь, как в первый раз. Важно, чтобы мы помогали друг другу, быстро исправляли ошибки, если они появятся.

Ни о чем не жалею

22 декабря 1984 года. Последний матч. Я прощался не с игрой, а с самой сокровенной частью своей жизни. Теперь можно было подвести итог…

После нашего собрания некоторые спортивные руководители тоже изъявили желание побеседовать с командой и с каждым игроком в отдельности — так сказать, для поднятия морального духа. Но это была бы уже "накачка", а она ничего хорошего не сулит. Тихонов проявил твердость, не допустив более никаких призывов и уговоров.

Как опытный психолог (а хороший тренер обязательно должен быть психологом), он по нашим лицам угадал внутреннюю сосредоточенность каждого игрока, настрой на полную самоотдачу. "Накачка" могла вызвать раздражение, а у молодых хоккеистов — скованность. Тарасов, помню, в таких случаях не подпускал к команде никого из посторонних, какие бы высокие посты они ни занимали. Точно так же поступил и Тихонов.

Не стану подробно описывать матч. 2:0 — таков его счет. Зрелищно это была не самая интересная встреча, однако по внутреннему напряжению поединок безусловно выдающийся.

До игры думали: ну порадуемся, если победим! И вот она — победа. Мы вернули звание олимпийских чемпионов. Ликуют па трибунах наши болельщики. И нам бы радоваться. Но нет, для радости не осталось никаких сил — ни-ка-ких! Все уже отдано там, на льду олимпийского катка.

Только когда закончилась церемония награждения и мы оказались в автобусе, Фетисов встал: "Ура!"

И грянули мы во весь голос песню "День Победы".

Да, я твердо решил, что Олимпиада в Сараево будет для меня последней. Вот доиграю внутренний чемпионат и все.

А ведь никаких внешних причин для ухода вроде бы не было. В Сараево я отстоял уверенно, как в лучшие годы. Наша армейская команда задолго до финиша чемпионата страны далеко оторвалась от соперников, а в итоге, потерпев за весь сезон только одно поражение, опередила спартаковцев на 28 (!) очков. Меня никто ни в чем не мог упрекнуть.

Но я знал, что ухожу, и тренеры тоже это знали. Просто по какому-то негласному уговору темы этой мы не касались, и до финиша сезона я играл почти во всех матчах и за клуб, и за сборную.

Все было как обычно. Я выходил на лед и защищал ворота. И

добросовестно изнурял себя на тренировках. И жил в своей комнате на нашей армейской базе в Архангельском, выполняя все требования незыблемого распорядка дня: подъем, зарядка, завтрак, занятия, обед, снова занятия, ужин, свободное время, отбой. Но смотрел я на эту свою жизнь уже иначе, чем прежде. Я понимал, что ничего этого скоро уже не будет, и поэтому каждый прожитый день теперь имел особую цену.

Когда-то, очень-очень давно, почти мальчишкой, я провожал Локтева, Александрова, потом Фирсова, Рагулина, Мишакова… Тогда мне казалось, что сам я буду играть вечно. Ветераны в моем представлении были пришельцами из другой эпохи. Брежнева я называл "дядя Володя". А теперь незаметно сам стал ветераном, самым старшим по возрасту в ЦСКА, и уже ко мне новички обращались на "вы".

Я очень устал. Пятнадцать лет в ЦСКА и в сборной. Без смен. Дублеры приходили и уходили. Три поколения полевых игроков сменилось. Четыре Олимпиады прошло. Сыграны все ответственные матчи с профессионалами, все чемпионаты мира, все призы "Известий"… Пусть кто-нибудь попробует побить этот рекорд.

Сейчас можно признаться: мне было очень тяжело 15 лет оставаться первым вратарем. Это такой груз! Когда-то давно меня спросили: "Ну а если бы все сначала — пошел бы снова в эту шахту?" Все сначала… Тогда я не знал, что ответить. А теперь? Я не жалею об оставшихся за спиной годах — они были прекрасны, о таком можно только мечтать. Но все сначала? Нет, даже холодок по коже пошел, когда я представил себе…

Все сбылось. Кроме одного: не успел поиграть за профессионалов. Увы, в 84-м наши спортивные и другие начальники об этом и слышать не хотели. Годом раньше журналисты в Канаде меня спросили: "А если бы вы играли здесь, то какой клуб предпочли?" "Конечно "Монреаль канадиенс", — ответил я, не задумываясь. — Это как у нас ЦСКА". И что вы думаете! Мой безобидный ответ, оказывается, был взят в Москве на заметку. Много позже я узнал, что в Главпуре на меня было заведено целое досье. Там решили, что Третьяк переметнулся к профессионалам. Ретивые генералы готовились предпринять против меня очень крутые меры. И трудно сказать, чем бы все это кончилось, если бы не один из заместителей начальника Главпура, оказавшийся моим старым болельщиком и просто здравомыслящим человеком. Он-то и осадил сторонников жестких санкций.

Правда состоит в том, что "Монреаль" действительно включил меня в свой драфт, а руководители клуба неоднократно просили

Москву отпустить Третьяка поиграть в Канаду. При этом нашей федерации хоккея за меня предлагали огромные суммы в долларах. Это сейчас российские "легионеры" сами распоряжаются своими гонорарами, а тогда об этом и речи не было. Помню, однажды с разрешения нашего посольства я участвовал в рекламе одной крупной фирмы, за что получил 50 тысяч долларов. Все они, естественно, были изъяты "в фонд государства". Так было бы и в том случае, если бы я каким-то чудом оказался в составе "Монреаль канадиенс". Ну и что… Я продлил бы свою хоккейную жизнь, а наш спорт благодаря этому получил бы несколько миллионов долларов. Всем хорошо. Увы… У генералов была своя логика, которая вскоре и привела их к тому, что не стало ни Главпура, ни ЦК.

Я слышал о том, что когда руководители "Монреаля" приезжали в Москву и заводили разговор обо мне с нашими военно-спортивными чиновниками, то они им отвечали: "У Третьяка отец — крупный советский военачальник и поэтому, сами понимаете…" Хотя на самом деле генерал армии Третьяк был мне просто однофамильцем. Но ложь срабатывала.

В 1986 году клуб "Эдмонтон ойлерс" пригласил меня поработать у них вторым тренером. Без особой надежды на успех я отнес письмо в Спорткомитет — ответа жду до сих пор. Разве я заслужил такого отношения?

…Да, пора было уходить. Я устал. В перерывах между периодами я теперь с трудом доплетался до раздевалки: кружилась голова, ноги становились ватными.

В Архангельском все прошлые годы я обычно жил в одной комнате с кем-то из вратарей. Но теперь руководство команды старалось поселять меня одного, без соседей. Это вовсе не было данью заслугам, как кому-то могло показаться. Я никогда не просил для себя никаких привилегий, да и жить вдвоем веселее, чем одному. Но наш доктор решил, что так мне легче настраиваться на матчи. Доктор видел, как сдают мои нервы. Кстати, психологическую усталость усугубляла сама эта продолжительная полуказарменная жизнь в Архангельском. Конечно, я бы с большим удовольствием и большей пользой для своих истерзанных нервов ночевал каждый день не на базе, а дома, как это делают канадские профессионалы, но у армейских тренеров на этот счет существовало свое незыблемое мнение. Может быть, они не хотели создавать прецедента? Факт остается фактом: вплоть до прощания со льдом я, как и 15 лет назад, не имел права сам распоряжаться своим свободным временем. Лишь раз или два в неделю меня вместе с другими милостиво отпускали "в увольнение".

Уже давно рядом не было никого из тех, с кем я начинал. Это тяжело, особенно когда выпадали часы отдыха. У молодых ребят свои интересы, свои любимые фильмы и мелодии. Меня уже не радовали ни рыбалка, ни шахматы, ни кино…

Да, пора уже было повесить коньки на гвоздь. Прощай, хоккей. Рано или поздно это должно было случиться, но лучше, чтобы это произошло и не рано и не поздно. Я уходил со льда потому, что уже не было сил, которые положено иметь первому вратарю. А вторым я никогда не был. Я покидал лед с сознанием выполненного долга. И дело даже не в тех наградах, которые завоеваны. А в том, что все эти годы я честно и добросовестно служил своему клубу и нашей сборной.

22 декабря 1984 года. Прощальный матч. Стоя последний раз в форме хоккеиста сборной СССР, я всматривался в лица болельщиков на трибунах. Низкий поклон вам, друзья! Кто бы я был без вас, без вашей поддержки. Вы много лет делились со мной своей силой, верой, оптимизмом.

Я всматривался в свое прошлое, Перебирал в памяти эпизоды ярких хоккейных поединков, вновь ощущал на губах соленый пот тренировок.

Все это было, и все это навсегда останется со мной.